С. Н. Азбелев (Санкт-Петербург)

О РАННИХ ПРОТОТИПАХ ИЛЬИ МУРОМЦА И БЫЛИННОГО КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА

Давно известные исследователям былин упоминания в произведениях германского эпоса русского витязя Ильи и короля Руси Владимира удается по-новому осмыслить при учете недавно введенных в науку материалов. Это прежде неизвестный и опубликованный посмертно эпосоведческий труд А. Н. Веселовского, результаты последних фронтальных изучений былинного имянослова и часто игнорировавшиеся, а ныне подкрепленные археологически данные Иоакимовской летописи.

Отечественные эпосоведы довольно обстоятельные рассказы Тидрексаги о борьбе русских против нашествий гуннов воспринимали как свидетельство того, что имена Владимира и Ильи в эпосе приобрели достаточно широкую известность прежде, чем эта сага была записана. Аналогично объясняли видную роль русского витязя Ильи в германской поэме «Ортнит», основанной на устном эпосе и зафиксированной несколько ранее Тидрексаги (но имеющей с ней и других общих персонажей в связи с тем, что оба памятника отображали одну историческую эпоху).

Никто, кажется, не обратил должного внимания на странное при такой гипотезе обстоятельство: то, что говорится в немецком эпосе об Илье, отчасти можно увязать с содержанием дошедших до нас былин о нем, но повествования Тидрексаги о деяниях Владимира не имеют никаких соответствий в известной по летописям биографии князя Владимира Святославича.

Недавно было установлено в результате сплошного обследования всех основных собраний былин, что их сказители XVII–XX в. почти никогда не называли былинного князя «Владимир Святославич». Отчество либо опускалось, либо — особенно в самых ранних записях — имело форму «Всеславич» или «Сеславич».

Теперь напечатана прямо связанная с этим вопросом работа А. Н. Веселовского, которую сам он не успел издать. Здесь среди прочего анализируются сведения Тидрексаги, относящиеся к эпической генеалогии ее русских персонажей. В результате детального разбора с привлечением сравнительных данных Веселовский пришел к заключению, что имя Владимирова отца в саге представляет собой видоизмененный древнегерманский эквивалент славянского имени Всеслав.

Выясняется, что былинному князю Владимиру Всеславичу соответствует Владимир Всеславич, возглавлявший отпор нашествиям гуннов, а былинному Илье — герой сражений с гуннами и готами.

Иоакимовская летопись не содержит конкретных фактов правления древнего Владимира, говорится только об обширности подвластных ему земель и обстоятельствах, при которых законно установилось его главенство. Однако степень внимания, уделенного в весьма сжатом вводном ее повествовании именно этому князю (после которого восемь поколений правителей Руси не названы по именам), свидетельствует, что княжение Владимира осознавалось как этап чрезвычайной значимости либо самим составителем протографа попавшего к Татищеву текста, либо его основным источником об этом периоде. Сведения Тидрексаги, согласуясь в основном с данными Иоакимовской летописи, продолжили их описаниями шедших с переменным успехом оборонительных войн Владимира.

Сколько-нибудь четко выделить в саге историческую правду из эпического вымысла, конечно, невозможно. Но, вместе с тем, невозможно объяснить случайностью существенные совпадения независимых друг от друга источников. Приурочение же в былинах именно к Владимиру Всеславичу эпического противостояния вражеским нашествиям, по масштабам своим не имеющим исторических аналогий в княжение Владимира Святого или Владимира Мономаха, но и вполне сопоставимым с описанными в Тидрексаге, побуждает признать эти повествования ее отображением тех же событий, какие составляли первоначальную историческую основу центрального былинного цикла. Естественно, что конкретное содержание дошедших в относительно

недавних записях многослойных былин о противостоянии вражеским нашествиям мало соотносимо в частностях с той интерпретацией исторической основы, какая была пред-ставлена немецким эпосом, отображавшим самосознание готов — союзников Аттилы против Владимира.

Но любопытные результаты могут быть получены при внимательном сопоставлении некоторых былин, не входящих в упомянутый цикл, со сведениями об Илье в саге о Тидреке и поэме об Ортните.

Совокупные показания немецких памятников позволяют заключить, что после победы гуннов Илья не остался вассалом Аттилы, а отправился в Италию, где помогал своему младшему венценосному родичу добыть невесту вопреки военному противодействию ее отца. В Италии же находилась дочь Ильи, которая, согласно саге, еще ребенком оказалась заложницей при дворе Аттилы, откуда впоследствии была похищена ее итальянским женихом. Среди записей от знаменитого сказителя Трофима Рябинина есть уникальная былина о встрече уже старого Ильи с его взрослой дочерью, которая разыскивает отца и говорит, что она «родом из земли да из Тальянскою»; Илья в ответ поясняет, что именно там он жил некоторое время у будущей ее матери, когда служил «у короля тальянского».

Если формирование основного ядра былинного эпоса происходило за несколько веков до эпохи князя Владимира Святого, то можно признать относящиеся к ней исторические реалии эпических песен отчасти вторичными наслоениями — подобно обязанному XIII—XV столетиям именованию исторических противников Руси татарами, а их предводителей — Батыем и Мамаем, нередкому в былинах образу Куликова поля и т. п.

А. И. Алексеев (Санкт-Петербург)

ЗАМЕТКИ О «ТРИФОНОВСКОМ СБОРНИКЕ»

В поле исследовательского внимания рукопись, хранящаяся в Российской национальной библиотеке под шифром Софийское собрание № 1262, попала достаточно давно. В разные годы к ней обращались: Н. С. Тихонравов, А. С. Павлов, Г. Гальковский, Н. П. Лихачев, Н. Каринский, А. И. Соболевский, А. Д. Седельников, Е. Э. Гранстрем, Б. А. Рыбаков, А. И. Клибанов, В. А. Кучкин, О. В. Творогов и др. Как явствует из вкладной записи, книга была дана в Троицкий Видогощинский монастырь по душе священноинока Павла священноиноком Трифоном «скиманом» (м.б. схимником), утопшим впоследствии в море. По имени владельца сборник получил наименование «Трифоновский». Из записи следует также, что Трифон был настоятелем Видогощинского монастыря, располагавшегося в 21 версте от Новгорода неподалеку от с. Сутоки[1]. Новгородские летописи свидетельствуют, что расцвет монастыря пришелся на первую половину XV в., когда там была заложена каменная церковь.

Трифоновский сборник представляет собой рукопись формата в лист. Сборник насчитывает 130 листов, причем 26 (1—10, 20, 21, 31, 32, 37, 48 — 52, 63, 73, 115 — 117) из них пергаменные. Водяные знаки на бумажных листах рукописи следующие: 1) «Голова быка» (Л. 16, 38; б Л. 64, 65, 66, 67, 91, 93, 97, 99, 112, 113) — типа Брике № 14156 (1382, 1383), 14160 (1383); 2) «Голова оленя» (Л. 17, 18, 19, 27, 40, 44, 46, 53, 54, 55, 58, 60, 61, 74, 76, 77, 78, 79, 84, 88, 101, 107, 109, 111, 118, 119, 123, 124, 127, 128, 129) — типа Брике 15516 (1368—1375); 15517 (1380); 15518 (1383); 15520 (1401); 3) «Сфера» — сюжет: вписанная в круг шестиконечная звезда с трехлепестковым крестом (Л. 29, 33) не отождествлен; 4) «Дракон» (Л. 114) — сходен Лихачев № 2500 (1349). Совокупность наблюдений над водяными знаками позволяет датировать Трифоновский сборник концом XIV в. Сборник написан небрежным полууставным почерком в два столбца. Предположительно одним писцом. Многочисленные пометы, имеющиеся в сборнике, воспроизведены в каталоге Е. Э. Гранстрем.

[1] *Зверинский В. В.* Материалы для историко-топографического изследования о православных монастырях в Российской империи. Т. III. СПб., 1897. С. 186. № 2127.

С легкой руки А. Д. Седельникова за сборником укрепилась характеристика имеющего ярко выраженную антицерковную направленность. По мнению А. И. Клибанова и Б. А. Рыбакова, сборник был составлен в среде еретиков-стригольников. Изучение источников Трифоновского сборника обнаруживает вполне канонический характер большинства статей. Подробное исследование позволит точно определить принадлежность малоизученных текстов и фрагментов, которые содержатся в составе сборника, и подыскать им параллели в святоотеческой литературе.

Преобладающая тематика статей Трифоновского сборника: обличение языческих пережитков, невежества пастырей, ложных пророков и чудотворцев. Примерно 2/5 рукописи занимает трактат «Власфимия», посвященный обличению симонии. В целом тематика сборника отражает самые острые вопросы периода, который можно охарактеризовать термином «катехизация». По выражению В. Н. Топорова, он характеризуется интенсификацией веры, когда распространение христианства вширь сменилось углубленным проникновением христианских идей в массы. Не случайно Трифоновский сборник наполнен полемическими статьями, в которых остро критикуются пороки и недостатки духовенства. Другой особенностью сборника является эсхатологический характер ряда статей, который объясняется актуальностью ожиданий конца света в последнее столетие седьмой тысячи лет от сотворения мира. По своему составу Трифоновский сборник не является уникальным. В качестве примера сборников близкого по тематике состава можно указать Паисиевский сборник (РНБ. Кир.-Бел. 4/1081), сборники Софийского собрания № 1264, 1285 и другие. Поскольку XIV столетие являлось временем активного формирования литературного ядра четьих сборников постоянного состава, то определить конкретный источник Трифоновского сборника не представляется возможным (ряд статей обнаруживается в сборниках, близких по составу «Златой цепи», «Измарагду», Прологу).

О месте составления Трифоновского сборника судить сложно, хотя черты псковского диалекта, очевидно, неоспоримы. Судя по подборке статей, составитель имел перед собой довольно богатую библиотеку. В частности отметим, что в числе источников сборника Номоканон два вида кормчей русской редакции, большой набор учительных текстов (преимущественно надписанных именем Иоанна Златоуста). Местом составления сборника следует считать монастырь, обладавший богатой для XIV в. библиотекой, либо, что вероятнее, городской собор при владычной кафедре.

Стоит отметить, что в составе сборника довольно большое количество русских статей: Слова Кирилла Туровского, Поучение Есифа, Поучение Луки Жидяты, Поучение Феодосия Печерского, Предъсловие покаянию. Ряд статей приписан авторству Иоанна Златоуста, но, по-видимому, являются русскими: Слово Иоанна Златоуста о том, как первые поганые веровали в идолы и требы им клали; Слово Исайи пророка о поклоняющихся Роду и рожаницам, Слово Иоанна Златоуста о лживых учителях и др.

Дальнейшее изучение Трифоновского сборника способно пополнить наши знания о древнерусской книжности XIV в.

В. П. Аникин (Москва)

СИНКРЕТИЗМ В ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ В СРАВНЕНИИ С ФОЛЬКЛОРНЫМ

Близость древней литературы к фольклору отмечалась многими исследователями и специально обстоятельно рассмотрена В. П. Адриановой-Перетц, а вслед за ней рядом других ученых. Все изучавшие тему или касавшиеся ее пришли к выводу о сходстве творческой работы книжников и народных сказителей. В. П. Адрианова-Перетц сформулировала не оспоренный другими исследователями вывод об общности в этих областях культуры творческого метода (вариативность, преемственность и проч.). При всем том отличие письменной и устной культуры так очевидно,

что не устраняет необходимости установить разницу. Соответственно, это обстоятельство обязывает без отказа от тезиса В. П. Адриановой перенести решение проблемы сходства в область более обобщенных оценок, касающихся общекультурных свойств средневекового творчества книжников как феномена, преемственно связанного с фольклором — предшественником письменной культуры.

Общеизвестно, что на ранней стадии существования культуру отличало свойство, названное синкретизмом. При синкретизме все проявления художественного творчества соединены с другими областями творчества, и все они включены в практическую жизнь. Так, ритмические песни были частью трудового процесса, служили упорядочению действий работающего коллектива. Заговоры составляли целое с магическими обрядовыми действиями. Таков и календарный фольклор во всех его родах и видах: заклинания раннего прихода весны, магия на удачную охоту, на рост растений, обрядовые песни и действия при вождении хоровода, магия похорон чучела типа Масленицы, Костромы (присутствует мысль об их воскрешении ради людского благополучия) и проч.

Включение в практическую жизнь и быт, связь и выражение в обрядах мифов характеризуют всё первоначальное творчество в фольклоре. Лишь в последующем произошло отделение элементов художественной работы от обрядово-магической деятельности, частью которых они были прежде. Преодоленный *обрядово-бытовой синкретизм* оставил след в фольклорных традициях. Он присутствует и в том, что можно назвать *мировоззренческим синкретизмом*. Постепенно оформившаяся мифология как комплекс понятий и представлений существенным образом повлияла на словесные произведения: в них неизменно сочетание мифологических понятий и представлений с художественным творчеством. В ранних былинах мифологические понятия и представления стали базовыми, соединились с изображением явлений общественной жизни. В эпосе особым образом отразились военные походы, действия воинов, единоборство с чудовищами — олицетворенными существами и явлениями природы и общества. Своя связь с общемировоззренческими понятиями и представлениями сохранилась в афористическом фольклоре: присловьях, пословицах, приметах и др. Они тоже заключают в себе отпечаток мировоззренческого синкретизма и в преобладающей степени свободны от включения в практику быта, хотя частично сохранились при обрядовых клятвах и божбе. К началу возникновения письменной культуры на Руси мировоззренческий синкретизм наряду с обрядовым проявил себя в фольклоре в полной мере.

Книжное творчество у славян, как и у других народов, унаследовало свойства синкретизма того и другого рода уже по естественной преемственности в культуре, хотя общеизвестно решительное неприятие старины сторонниками новой культуры. Шла борьба, и не безуспешная, с идолопоклонством, языческими молениями, жертвоприношениями у источников, у огня, с обрядами и заговорами. Для пафосного отрицания предшествующей культуры письменная христианская культура имела все основания и демонстрировала новую ступень в развитии культуры, но это не помешало в свою очередь, конечно, по-своему явить творчество, остающееся в преемственной связи с отвергаемой стариной. В древнерусской письменной культуре обнаруживается и обрядово-магический синкретизм (включение в бытовую практику) и мировоззренческий синкретизм, но с новыми качествами и в новых проявлениях.

Все роды и виды книжного творчества являют разного рода соединения, а нередко слияния, которые напоминают прежнее состояние культуры. При всем том новизна культуры определила качество всех видов и родов творчества. Н. К. Гудзий дал безупречную формулировку, характеризующую древнерусскую литературу. По его определению, она «в течение долгого времени в большинстве случаев не выделялась из того сложного целого, в котором элементы литературные и внелитературные находились в слитном, недифференцированном виде»[1]. Ученый писал о соединении художественного творчества древнерусского книжника с нехудожественным,

[1] *Гудзий Н. К.* История древней русской литературы. Изд. 8-е. М., 2002. С. 12.

оговорив, что имеет в виду прежде всего стилистическое и жанровое оформление новых явлений. По словам Н. К. Гудзия, указанное свойство присутствует при создании «обычных культурно-исторических памятников, чисто публицистических, исторических, церковно-богословских, юридических или прикладных»[2].

«Повесть временных лет» не набор погодных записей о событиях, это произведение с художественно-публицистической направленностью, с прославлением героев, стоявших за Русскую землю. Включает летопись и фольклорные предания, легенды, сказания, плачи, несомненно, фольклорные по происхождению. Это обстоятельство хорошо выяснено. Следует обратить внимание и на самый характер недифференцированного сочетания тут разных начал, которое подобно слитному сосуществованию аналогичных свойств и в синкретическом фольклоре.

Церковное ораторство характеризуется использованием фольклорных приемов параллелизма, повторений, символов и других приемов устно-поэтической стилистики. Оставаясь церковным творчеством и соблюдая границы дозволенного при богослужении, этот род творчества соединил в себе разные свойства по примеру фольклорного мировоззренческого синкретизма, чем стало и прямое заимствование устно-поэтической стилистики. Таково «Слово на антипасху» Кирилла Туровского, явившего высокий образец церковной риторики и художественного творчества.

«Поучение» Владимира Мономаха может быть названо образцом ранней «биографической прозы», по примеру известных и фольклору жанров бытовой несказочной прозы: бывальщин, преданий, воспоминаний-сказов и др.

«Житийная литература» при соблюдении канонического типа изложения подвигов самоотречения и рассказа о следовании высокому благочестию оказывается в существенных моментах близкой фольклору и неслучайно получила продолжение в духовных стихах и песнях. Проповедь христианской веры, занимательная история, нравственные наставления — все тут предстало в соединении.

Указанные особенности древней литературы можно считать доказательством существовавшего в ней соединения качеств, аналогичного фольклорному синкретизму, обрядово-бытовому и мировоззренческому. Свой особенный синкретизм древнерусская литература выработала на пути преемственных связей с гонимой, но невольно усваиваемой фольклорной культурой. Сходство древнерусской литературы с фольклором — не обычный результат влияния фольклора на литературу, а следствие исторической связи древней письменной культуры с устной. Уяснение названных свойств открывает путь сближения древней литературы с фольклором на самом высоком, но не беспредметном уровне. Сближения позволительно делать при изучении переводных библейских книг, полно — при исследовании апокрифов, житийной литературы, исторической, «естественно-научной» и патристической, то есть всех родов и жанров древнерусской письменности. Тут имеет место не простое заимствование из фольклора, на что давно обращено внимание, но и перекличка, которая обнаруживает родство древней литературы с фольклором по признакам близости к фольклору в самом сочетании разных свойств и качеств, что было несомненным следствием связи и продолжения в литературе изначального обрядово-бытового синкретизма и мировоззренческого синкретизма как начальных состояний культуры. Сходство можно было бы назвать типологическим, но эта квалификация недостаточна уже тем, что может скрадывать прямую преемственность прежней и новой культуры.

[2] Там же.

Л. Б. Белова (Санкт-Петербург)

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ РУССКОЙ БИБЛИОГРАФИИ В БИБЛИОТЕКЕ АНТОНИЕВО-СИЙСКОГО МОНАСТЫРЯ

К источникам русской библиографии исследователи относят такие памятники древнерусской письменности, как списки «истинных» и «ложных» книг, описи монастырских библиотек, «Оглавление книг, кто их сложил» Сильвестра Медведева, а также указатели и оглавления к рукописным сборникам. Кроме того, процесс организации богослужения требовал создания специальных указателей.

В XVI в. (1584 г.) книгохранителем библиотеки вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря Арсением Высоким был создан указатель уставных чтений на весь год, составленный на основе книг, хранящихся в монастыре. «Указец» известен по публикации И. Шляпкина 1914 г. (в настоящее время местонахождение рукописи неизвестно). По мнению исследователей в нем впервые был применен «аналитический» метод описания книг. Составление «Указца» было вызвано желанием облегчить поиск необходимых для богослужения текстов среди книг монастырской библиотеки. Такие указатели, безусловно, составлялись во многих монастырях, имевших большие книжные собрания.

Антониево-Сийский монастырь относится к числу книжных центров, хорошо известных исследователям. Начало библиотеки было положено основателем монастыря игуменом Антонием. В дальнейшем, особенно в XVII в., большую роль в ее комплектовании сыграли игумен Феодосий и архимандрит Никодим. В середине XVII в. в монастыре был создан подобный «Указцу» Арсения Высокого Указатель уставных чтений (Святцы) с отсылками к монастырским книгам, содержащим необходимые для богослужения тексты.

В настоящее время нам известны четыре рукописи Сийской библиотеки, содержащие такого типа Святцы и Кормовую книгу. Их создание относится ко времени настоятельства игумена Феодосия. Три списка, созданные в 60–70-е г. XVII в., находились в постоянном использовании и содержат большое количество вставок, исправлений и дополнений. В 80-е г. на основании этих рукописей был сделан «беловой» список Святцев и Кормовой книги, хранившийся в библиотеке монастыря. Как и в «Указце» Арсения Высокого, составитель дает не только название, но в большинстве случаев приводит сведения о формате, переплете и владельцах рукописей и книг. Некоторые из упоминаемых рукописей встречаются в описи библиотеки Антониево-Сийского монастыря 1597 г.

В Святцах даются ссылки как на рукописные, так и на печатные книги, но, прежде всего, на тексты, содержащиеся в рукописных «соборниках». Среди последних указываются сборники житий слов и сказаний, принадлежавших игумену Феодосию, а также иноку Герасиму, игумену Павлу. В отличие от «Указца» Арсения Высокого в сийских Святцах дополнительно приводятся сведения об объеме текста, что позволяет в ряде случаев отождествить упоминаемые в Святцах рукописи с конкретными книгами Сийской библиотеки.

С. В. Васильев (Санкт-Петербург)

НЕКОТОРЫЕ ОБЩИЕ ЧЕРТЫ В ПРАВЕ И СУДОУСТРОЙСТВЕ ПСКОВСКОЙ СУДНОЙ ГРАМОТЫ И I ЛИТОВСКОГО СТАТУТА

Одной из проблем в изучении правовых отношений, сложившихся в Великом княжестве Литовском (далее – ВКЛ), является развитие древнерусского правового наследия в русских землях ВКЛ, пути и формы этого развития в XIV–XV в.[1] Издание в 1529 г. I Литовского Статута (далее ЛС) можно считать определенным итогом развития правовых отношений в ВКЛ.

Значительным памятником русского законодательства является Псковская судная грамота (далее – ПСГ), составленная в XIV–XV в. и отражающая изменение и эволюцию правовых институтов со времен Русской Правды (далее – РП). Сравнительный анализ ПСГ и ЛС дает, как представляется, возможность выявить и проследить параллели в развитии правовых отношений в восточнославянских землях, а также объяснить спорные моменты сравниваемых памятников. В ЛС, по мысли Ф. И. Леонтовича, «следует искать всего, что кажется для нас темным и загадочным в древних источниках восточно-русского законодательства»[2].

Сопоставление ЛС и ПСГ позволило выявить ряд близких черт в этих памятниках права.

В ЛС и ПСГ отражены отношения, связанные с процедурой «сочения» и деятельностью специальных должностных лиц – «соков». Глагол «сочить» характерен для ПСГ. «Сочить» означает «обвинять, предъявлять иск»: «...А кто учнет сочить на ком бою...», «имет сочить съсудного серебра...», «...имут сочить долг по доскам...», «...сочит торговых денег по доскам...» – так определяет ПСГ различные варианты судебных исков[3]. В Судебнике Казимира 1468 г. распространена формула «сок усочит», т. е. укажет, покажет[4]. По ЛС сок идет «следом», занимается поиском пропавшей вещи (лица) и обыском (трушением дома)[5]. В исторической литературе сока принято отождествлять с ябетником РП[6].

ЛС знает также и термин «осочене». Его смысл прямо противоположен глаголу «сочить» ПСГ. «Осочене» ЛС – это клевета, ложный донос. ЛС называет «осочене явное або таемное, або таемное подозрение неслушное». По ЛС, тот, кто обвинил необоснованно в преступлении должен понести наказание, назначенное за это преступление «...тот, хто на кого помовит, а не доведет, тым каранем сам мает каран бытии»[7]. «Осочене» ЛС, по-видимому, проливает свет на «ябедничество» Судебника 1497 г.

ЛС известен термин «звод», употребленный единожды в ст. 11 (Р. III) «О звод шляхетства», устанавливающей порядок доказательства принадлежности к шляхетскому сословию. Способом доказательства принадлежности является присяга: «И мают тые бояре, которых он поставить, при нем присягнути иж он есть з роду шляхтич»[8]. «Звод» ЛС представляется возможным связать

---

[1] *Старостина И. П.* Судебник Казимира 1468 года и Русская Правда // Восточная Европа в древности и средневековье. Проблемы источниковедения. М., 1990. С. 132.

[2] *Леонтович Ф. И.* Русская Правда и Литовский Статут // Университетские известия. Киев, 1865. № 3. С. 35.

[3] Российское законодательство X–XX вв. Т. I. Законодательство Древней Руси. М., 1984. С. 342, 334, 335.

[4] *Владимирский-Буданов М. Ф.* Хрестоматия по истории русского права. Ярославль, 1872. Ст. 16, 17, 18. С. 46.

[5] Статут Великого княжества Литовского 1529 года. Минск, 1960. С. 134.

[6] *Каченовский М. Т.* О Русской Правде // Ученые Записки Императорского Московского Университета. 1835. Сентябрь. № 3. С. 386; *Леонтович Ф. И.* Русская Правда и Литовский Статут // Университетские известия. Киев, 1865. № 3. С. 15; *Леонтович Ф. И.* Древнее хорвато-далматское законодательство. Одесса, 1868. С. 86; *Мрочек-Дроздовский П. Н.* О древне-русских ябетниках (К вопросу об объяснении Русской Правды) // ЧОИДР. Кн. I. Генварь-март 1884. С. 5 и далее; *Греков Б. Д.* Полица. Опыт изучения общественных отношений в Полице XIV–XVII вв. М., 1951.С. 137–139; *Пашуто В. Т., Шталь И. В.* Корчула. Корчульский Статут как исторический источник изучения общественного строя острова Корчула XIII в. М., 1976. С. 104–105; *Bardach J.* Sok, soczenie, prosoka. Studium o postepowaniu dowodowym w Wielkem ksientwie Litewskim oras w inych krajach Europy spodkowej i wshodnej // O dawnei i niedawnei Litwie. Poznan, 1988. С. 185.

[7] Статут Великого княжества Литовского 1529 года. С. 32.

[8] Там же. С. 50.

с «изводом», известным РП и ПСГ. «Извод» упоминается в ст. 54 ПСГ, которая говорит: «А штобы и по суду или у креста поставить своего истца у кого купил, ино суд с тем человеком, кто искал, а тот пророка (порука) кто извод поставил»[9]. В ПСГ «извод» также связан с присягой (у креста поставить своего истца). РП гласит: «Аже где взыщет на друзе проче, а он ся запирати почнеть, то ити ему на извод пред 12 человека (мужа); да аще будет обидя не вдал будет достоино ему свои скот, а за обиду 3 гривне»[10]. Ключевым моментом здесь следует считать упоминание 12 человек. Это число связано с соприсяжничеством у многих народов.

Для ЛС и ПСГ также характерно участие в отправлении правосудия «добрых людей»[11]. Нравственные качества свидетеля, его положительная репутация являлись, по русскому праву, важнейшим условием принятия его показаний[12].

Как в ЛС, так и в ПСГ узаконены мировые сделки между преступником и потерпевшим[13]. Здесь можно говорить об эволюции института мести РП.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. Как в I Литовском Статуте, так и в Псковской Судной грамоте прослеживается эволюция норм Русской Правды.

2. В Псковской земле и в землях Великого княжества Литовского происходило параллельное развитие древнерусских юридических норм, а также местных правовых обычаев.

---

[9] Россиийское законодательство X–XX вв. Т. I. С. 337.
[10] Там же. Ст. 15. С. 48.
[11] Статут Великого княжества Литовского 1529 года. Ст. 18. Р. XIII. С. 128; Россиийское законодательство X–XX вв. Т. I. Ст. 56. С. 337.
[12] *Демченко В.* Историческое исследование о показаниях свидетелей как доказательстве по делам судебным по русскому праву до Петра Великого. Киев, 1859. С. 26, 57.
[13] *Рожкова М. К.* К вопросу о происхождении и составе Псковской судной грамоты. М.; Л., 1927. С. 8, 13; Ст. 36. Р. VI; С. 82; Ст. 21. Р. VII; С. 89.

Е. М. Верещагин (Москва)

МЕЖТЕКСТОВЫЙ АНАЛИЗ АВРААМИЧЕСКОЙ АГАДЫ В СЛАВЯНО-РУССКОМ СИЛЬВЕСТРОВОМ СБОРНИКЕ (XIV В.)*

1. Праотец Авраам входит в малое число ветхозаветных святых, почитаемых в православии (в лике «праведных»). Так, сказание об Аврааме присутствует в древнем славяно-русском Про́логе. Здесь между прочим говорится о том, что отец Авраама Фарра **бѣ дѣлатель богѡмъ. и слаше аврама продаѿти ихъ.** Имея опыт торговли божками, Авраам убедился в их бессилии, разочаровался в идолопоклонстве, **и по бж҃твенѣй благодати ѿкрыса ѥму разумъ, и позна кто ѥсть бг7ъ истинныи.** Откуда попали эти сведения в Пролог? В Свщ. Писании (Быт гл. 11—25) нигде не сказано ни о том, что ремеслом Фарры было ваяние идолов, ни о том, что Авраам должен был заниматься их продажей. Непонятно также, какое именно размышление «открыло разум» Аврааму и привело его к познанию истинного Бога.

2. Предполагается, что источником информации была агада, уникальная хотя бы в том отношении, что она сохранилась на славяно-русском языке. Речь идет о первых восьми главах произведения, известного под именем Откровения Авраама (далее: ОА) и содержащегося в Сильвестровском сборнике (вторая половина XIV в.; хранится в Москве). Первые восемь глав ОА – это не ветхозаветный апокриф, а (по всем жанровым признакам) типичная агада. Она отчасти представлена и в Палее Толковой (например, 1477 г.).

---

*Исследование выполнено по проекту «Церковнославянская версия Евангелия в мировом социокультурном аспекте: лингвотекстологические разыскания» (ОИФН РАН. Проект № 5.22).

3. Ниже помещен пересказ первого эпизода: Однажды Авраам видит, что «бог» Марумаф, изваянный из камня, упал на землю. Авраам и его отец Фарра стали поднимать «бога», и у того отпала голова. Тогда Фарра изготовил туловище «бога» из другого камня, к которому и приставил отвалившуюся голову. Старое туловище Фарра разделил на части и изготовил пять новых «богов». Затем Фарра поручил Аврааму продать их. (Стало быть, промыслом Фарры, действительно, было «сотворение кумиров».)

4. Отчетливый идейно-смысловой аналог к ОА отыскался в одной из версий толкового издания книг Свщ. Писания (Танаха = Ветхого Завета), известной под названием Ze'enah u-Re'enah (кириллическими буквами: Це'ена у-Ре'ена; далее: ЦР) и многократно опубликованной в переводе сначала на немецкий язык (пронизанный гебраизмами), а потом на особую («женскую») разновидность идиша (chumesch-tajtsch). Интересующие нас агадические сказания присовокуплены к стиху Быт 11:28.

5. Ниже следует перечень тематических предикаций и сюжетов агады при указанном стихе в одном из ранних изданий ЦР: 1) Авраам желает освободить человечество от идолопоклонства; 2) его отец Фарра промышляет изготовлением божков; 3) однажды в лавку приходит человек, желающий купить себе божка, но Авраам указывает ему на его возраст, причем имплицируется, что недостойно поклоняться вещи, изготовленной лишь вчера, и потенциальный покупатель, устыдившись, уходит; 4) однажды (когда Фарра отсутствовал) является женщина и приносит миску превосходной муки в жертву божкам; 5) Авраам использует случай и предлог: он разбивает божков за исключением самого большого; 6) когда возвратившийся Фарра требует разъяснений, Авраам рассказывает выдумку, что божки якобы рассорились, и самый большой разбил всех остальных; 7) Фарра замечает, что божки не способны ни говорить, ни ссориться; 8) тогда Авраам, уловив отца на слове, свидетельствует, что божки не имеют жизни и поклоняться им не следует; 9) непоследовательный Фарра передает сына во власть Нимрода; 10) Нимрод приказывает ввергнуть Авраама в распаленную печь; 11) Авраам выходит из пекла невредимым; 12) его брат Аран размышляет: «если Авраам останется невредим, поклонюсь его Богу; если нет, поклонюсь божкам Нимрода»; 13) Аран видит, что Авраам спасен, и исповедует веру в Богу Авраама; 14) Арана также ввергают в печь; 15) за его сомнение Бог не приходит Арану на помощь, и тот сгорает.

Далее в докладе предполагается ввести фрагмент из ЦР, но по позднему изданию. Первая фраза такова:

פאר קויפט אפ געטער און האט גיזעצט אברהם ער זאל אים פאר קויפין דיא אפ געטער· זיין פאטער תרח האט

«Его отец Фарра продавал идолов и поручил Аврааму, чтобы (и) он продавал для него этих идолов».

6. Славяно-русское ОА и сказания в книге ЦР на немецком и идише дополняют друг друга: если в славяно-русском ОА разъяснено, каким именно образом Авраам пришел к пониманию тщеты идолопоклонства, то в еврейской ЦР повествуется о линии поведения, которой он твердо держался после прозрения. Иначе говоря, только объединение текстов дает полную картину переворота, совершившегося в душе Авраама. Оба текста не повторяют друг друга, но они явно параллельны с точки зрения перлокутивных целей. Кроме того, оба текста показывают тщету кумирослужения не декларативно, а путем саркастического высмеивания безгласных и беспомощных идолов.

7. Смех, вообще говоря, в Ветхом Завете запрещен, однако не кто иной, как сам праотец Авраам открыл длинную череду насмешников над кумирами. Монотеизм родился из смеха.

Т. Л. Вилкул (Киев)

МСТИСЛАВ ХРАБРЫЙ – К ПРОИСХОЖДЕНИЮ ЭПИТЕТА

Мстислав Ростиславич, сын Ростислава Мстиславича, известен под прозвищем Храбрый. Происхождение прозвища неясно. Его нет в Киевском своде XII в., подробно повествующем о делах Мстислава, и в записях за XII в. Лаврентьевского свода и Новгородской первой летописи. Одним из первых оно фиксируется в Новгородской первой младшего извода, в перечне новгородских князей, где вообще несколько подобных эпитетов: «Мьстиславъ Безокыи... Красныи Ярославъ внукъ Юрьевъ... Мьстиславъ Храбрыи Ростиславлич... Александръ Храбрыи». «Мстислав Храбрыи» появляется и в сборниках, в статье «А се князи великаго Новагорода».

Казалось бы, стандартное прозвище и стандартный эпитет. Однако это не так. Для древнерусской эпохи нехарактерны княжеские прозвища. В летописях XI–XII в. встречаются не прозвища, а так называемые «некрологические характеристики». «Великим» назван Мстислав Владимирович в посмертной похвале в Киевском своде XII в., «добрым» – Андрей Владимирович и Владимир Давыдович, там же, и т. д. Прозвищами наделяют преимущественно бояр, которых было гораздо больше, чем князей, и которых необходимо было как-то различать. Из князей до к. XII в. известны только Владимир Мономах и Изяслав Ярославич Меньший. Кроме того, редко встречается само слово «храбрый». В частности, в Киевском своде «храборъ» отмечено всего два раза, в характеристиках князей Изяслава Мстиславича и Святослава Ростиславича: «бѣ бо храборъ крѣпокъ на рать»; «и бяше храборъ на рати». Это топос, позаимствованный из некролога Мстислава Владимировича из ПВЛ (кроме того, еще раз встречается «мужи храборьствующеи»). В записях Лаврентьевского свода за XII в. слова с этим корнем отсутствуют (!). За XIII в. же известно два примера, один из них в некрологе, второй – во фрагменте Жития Александра Невского: «бѣ же Василко... хоробръ... на ловѣх», «храбрьство же акы цсря римьскаго Еспиинана» (т. е., Еспасиана). В старшей редакции Новгородской первой летописи «храбръ» фиксируется только один раз, в посмертной характеристике погибшего посадника под 1134 г.: «убиша... Иванка мужа храбра зѣло». Больше подобной лексики в тех летописных сводах, где прослеживается влияние хронографической литературы, т. е., в ПВЛ и Галицко-Волынской летописи (7 и 12 упоминаний). Кстати, именно в Галицко-Волынской встречаем эпитет-прозвище «Святослав Хоробрыи» (а кроме того, «Володимир Святыи» и «Мстислав Удатныи»; последнее, правда скорее «некрологическая характеристика», помещено в некрологе).

Храбрость в XII в., насколько можно судить, связывается с образом Александра Македонского. В «Молении» Даниила Заточника встречаем благопожелание князю, чтобы Господь ему подал «храбрость Александрову». Неудивительно, что позднее Александр Ярославич получил прозвище Храбрый. Но почему Мстислав Ростиславич назван храбрым? Никаких особых геройств за ним не числится, хотя в Киевском своде летописец Ростиславичей всячески старался выделить (или же присочинить) его подвиги. Как представляется, на получение такого эпитета могла повлиять Александрия Хронографическая. В описании смерти Мстислава помещено буквальное заимствование из этого текста. Ср. сцену, где перед умирающим Александром проходят воины и один из них говорит: «**добре** же **бы** и **н**амъ **с тобою умрети**, **створшему** макидонъ ве**ликую свободу**». В Киевском своде после смерти Мстислава «мужи» его плачут: «**добро бы н**ы господине **с тобою умрети**, **створшему** то**ликую свободу** новгородцем от поганых» (выделен общий текст). Таким образом, летописец связал образ Мстислава и образ Александра. Учитывая то, что слово «храбръ», да и княжеские прозвища вообще, не характерны для древнерусского периода, нельзя однозначно решить, когда Мстислав Ростиславич получил это прозвище. Современные этому князю источники так его не называют. Но Александрия входила в состав хронографов, и многие средневековые книжники могли опознать ее текст. Возможно, именно он и спровоцировал возникновение прозвища.

А. А. Гиппиус (Москва)

«ПОВЕСТЬ ОБ ОСЛЕПЛЕНИИ ВАСИЛЬКА ТЕРЕБОВЛЬСКОГО» В СОСТАВЕ ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ: К СТРАТИФИКАЦИИ ТЕКСТА

Читаемый в Повести временных лет (ПВЛ) под 6605 г. рассказ об ослеплении теребовльского князя Василька Ростиславича и вызванной им княжеской усобице принято рассматривать как отдельное сочинение, включенное в Начальную летопись на одном из заключительных этапов ее формирования. Между тем в литературе уже давно отмечены факты, свидетельствующие о внутренней неоднородности данной статьи ПВЛ, присутствии в ней разновременных напластований. Задача стратификации этого сложного текста была впервые поставлена А. А. Шахматовым, разбившим его на семь фрагментов, принадлежащих трем авторам. Несколько менее дробную, но в основном совпадающую с шахматовской сегментацию текста статьи предложил М. Д. Приселков. В свете наблюдений двух исследователей структура статьи 6605 г. выглядит следующей (границы фрагментов указаны на основе Лавр. списка):

A: С начала статьи до слов «...поидоша в своя си»;

B: «И приде Святополк с Давыдом Кыеву» — «и два отрока княжа, Улан и Колчко»;

C: «Володимер же слышав, яко ятъ бысть Василько» — «и цѣловаша крестъ межю собою, миръ створше»;

D: «Василкови же сущу Володимери на прежереченнѣмь мѣстѣ» — «сею же снемше погребоша я»;

E: «Святополку обещавшюся (се створити — Ипат.) прогнати Давыда...» — «а Давыд бѣжа в Ляхы»;

F: «Святополк же прогнав Давыда, нача думати на Володаря и на Василка...» — «и посади в нем сына своего Ярослава».

Согласно гипотезе А. А. Шахматова «в редакции» М. Д. Приселкова, эти фрагменты имеют следующее происхождение. Фрагмент **A** восходит к первой, Несторовой редакции ПВЛ, созданной в 1110—1113 г., в последние годы княжения Святополка. Фрагменты **B**, **D**, **F** образуют вставное повествование, автор которого, Василий, прямо называет себя во фрагменте **D**. В летопись рассказ Василия был включен Сильвестром в 1116 г., при составлении второй редакции ПВЛ. Выполнявший заказ Мономаха Сильвестр обработал текст своего источника с соответствующей тенденцией, сделав в него две вставки (фрагменты **C** и **E**).

Противоречия, свойственные шахматовскому пониманию первых двух редакций ПВЛ, преодолеваются в рамках альтернативной гипотезы (М. Х. Алешковский — А. Тимберлейк), разделяющей тезис о наличии в повествовании ПВЛ за конец XI — начало XII в. двух слоев, «святополчьего» и «мономашьего», но иначе трактующей эти слои. Согласно этой трактовке, первый слой отражает погодную летопись, продолжившую Киево-Печерский свод начала 90-х г. XI в., а второй — ее переработку в составе ПВЛ, созданной между 1113 и 1116 г.

В рамках данной концепции указанная сегментация статьи 6605 г. может и должна быть пересмотрена. Не вызывает сомнений, что фрагменты **B ~ D** и **C ~ E** связаны попарно, причем **D** является прямым продолжением **B**, а **E** — прямым продолжением **C**. Между тем выделение в качестве самостоятельных отрезков фрагментов **A** и **F** основывается у Шахматова и Приселкова не на текстуальных соображениях, а лишь на убежденности в том, что 1) рассказ Василия имеет внелетописное происхождение и что 2) этот рассказ доводил изложение до событий 6608 г., заканчиваясь упоминанием решений княжеского съезда в Уветичах. Не связывая себя этими априорными положениями, естественно объединять отрезок **A** с отрезком **B**, а отрезок **E** с

отрезком **F** и говорить о наличии в статье 6605 г. двух слоев: **AB+D** и **C+EF**. Хронологически первый слой охватывает события 6605 г., совсем немного заходя в 6606 г., второй же соответствует содержанию статей ПВЛ 6606–6608 г. Идеологически первый слой демонстрирует известную лояльность Святополку, перекладывая ответственность за ослепление Василька на Давыда; второй же, напротив, представляет Святополка в самом невыгодном свете, всячески возвышая Мономаха.

Все это, на наш взгляд, позволяет видеть в первом слое статьи 6605 г. первоначальный рассказ Киево-Печерской летописи о событиях этого года, а во втором – распространение этого рассказа в ПВЛ повествованием о событиях 6606–6608 г., которые в погодных статьях Печерской летописи были описаны весьма лапидарно. Соотношение фрагментов **C** и **E** дает основание полагать, что в «сильвестровском» тексте ПВЛ эти фрагменты следовали один за другим (т. е. блок **CEF** был просто добавлен к первоначальному тексту статьи 6605 г.). Перестановку фрагментов в таком случае естественно связывать с «постсильвестровской» (по А. А. Шахматову, «третьей») редакцией ПВЛ 1118 г. К тому же этапу истории текста следует, возможно, отнести и появление во фрагменте **C** прямого панегирика Мономаху («Владимиръ же такъ есть любьзнивъ...»).

Предложение видеть в Василии – авторе рассказа об ослеплении Василька – печерского летописца, продолжателя Начального свода, находит подтверждение в идейной и стилистической перекличке этого выдающегося в литературном отношении рассказа с отдельными пассажами ПВЛ, имеющими бесспорно печерское происхождение и/или возводимыми к Начальному своду. В частности, ряд образов и сюжетных ходов являются общими для сцены ослепления Василька и рассказа об Исакии Печерском под 6782 г. (ср. особенно представленный в обоих рассказах редкий библеизм «ни гласа ни послушания» (3 Цар. 18: 26), нигде более в ПВЛ не встречающийся), тогда как речь Василька, обращенная к автору Василю, своей исповедальной интонацией сближается с речью Изяслава к Всеволоду в статье 6586 г. (в идейном же плане несправедливое мщение Василька противопоставлено поведению Изяслава, «не воздавшего зла за зло»). Совершенно иная литературная манера выступает во втором слое статьи 6705 г., образуемом фрагментами **CEF**. Черты этой манеры (пристрастие к шаблонной риторике, повторяемость одних и тех же слов и оборотов, некоторая путаность изложения, постоянно сбивающегося с основной линии рассказа) находят параллели в пассажах, появление которых в Начальной летописи есть основания связывать с составлением ПВЛ.

О. В. Гладкова (Москва)

АНТИЧНОСТЬ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ В ПОВЕСТИ ОБ АВВЕ ГЕРАСИМЕ И ЛЬВЕ ИЗ СИНАЙСКОГО ПАТЕРИКА

Из 335 слов переводного Синайского патерика, пожалуй, более всего известно его 134-е Слово, получившее много позже название Повесть об авве Герасиме и льве. Однако популярность не значит изученность. Можно сказать, что за Повестью (как, впрочем, за Синайским Патериком в целом) закрепился устойчивый научный миф о ее художественной простоте и безыскусности, который нам хотелось бы поколебать. В своем докладе мы намерены предложить новую интерпретацию идейно-художественной структуры Повести, которая представляется нам сложнейшей.

Небольшая по объему Повесть об авве Герасиме и льве, на первый взгляд, построена на основе широко известного в фольклоре сюжета о помощи животного человеку в благодарность за оказанную услугу. Это так и в то же время не так. Как и многие другие агиографические

произведения эпохи раннего христианства, Повесть сохраняет и трансформирует целый ряд античных сюжетов, и выделение мифологической первоосновы помогает лучше понять ее. Кроме того, при анализе следует учитывать, что для Повести, как для произведения христианской книжности, характерно наличие внешнего сюжета и многоуровневого символического подтекста.

В начальном эпизоде Повести, который представляет собой вполне самостоятельный рассказ об исцелении аввой Герасимом льва, ясно проглядывают контуры широко известного не только в античности, но и в средневековье сюжета о победе Геракла над немейским львом. Основания для такого вывода следующие. В христианской традиции лев может выступать одновременно как символ Христа и праведника (чему немало подтверждений можно найти в Писании, например, столь любимая агиографами цитата из Книги Притчей Соломоновых: «а праведник смел, как лев» (28:1)) и как персонификация сатаны и пагубных страстей (см., например, о попирании «льва и дракона» в Псалтири — 90:13). Эта двойственная природа образа льва подробно разработана, в частности, в рельефах Дмитриевского собора во Владимире (М. С. Гладкая). В агиографии, в том числе и в Синайском патерике, встреча со львом, таким образом, обычно символически трактуется и как встреча с Христом (о чем в докладе будет сказано особо), и как единоборство с грехами, страстями и самим ангелом тьмы. При этом возможны два варианта финала: герой остается в живых (слова 126, 134 (Повесть) и др.) или погибает (Слово 235 и др.). В первом случае герой — победитель, и, следовательно, он достигает бес-страстия и в конечном итоге святости (обзор святоотеческой литературы по вопросу см. у С. М. Зарина), во втором случае он оказывается во власти сатаны. Преп. Герасим выступает в функции победителя, он достиг монашеского идеала, он бес-страстен, и лев (читай: дьявол) покорён и служит ему. Это один из символических подтекстов Повести.

Прямой вывод о Герасиме-победителе зверей-страстей предлагает проложная редакция текста о Герасиме и льве: **послоужи ѕ҆вѣрь Герасимꙋ на старость. ѕвѣри страсти оубив҆шемоу**, хотя ни в проложной редакции, ни в патериковой Повести нет даже намека на физический поединок, а тем более убийство: все решается на символическом уровне[1].

О поединке с грехами и страстями как о борьбе со «львом и леопардом» говорил Серафим Саровский, хорошо знавший палестинскую традицию, в том числе и сюжет об авве Герасиме и льве; как воинство ангела тьмы, окружающее святого, предстают дикие звери в житиях Сергия Радонежского, Серафима Саровского.

В христианской традиции также известен ряд ветхозаветных героев-победителей львов: Самсон, Давид, в известном смысле пророк Даниил. Ряд дополняется фигурой героя античной мифологии Геракла. Все они прообразуют Христа. Это экзегетическое построение давно отмечено исследователями в сюжетике рельефов Дмитриевского собора (М. С. Гладкая).

В нашем случае ряд отождествлений продолжает Герасим и другие герои Синайского патерика — «победители» львов. Герасим, как и все указанные герои-«львоборцы», как, впрочем, и любой святой, подобен Христу и одновременно является самим Христом. Особое сходство Герасима с Гераклом-Христом-победителем ангела тьмы, помимо семантики поединка, подчеркивают, по крайней мере, еще две детали: во-первых, и в мифе, и в Повести лев «пронзен» — в первом случае стрелами, во втором — расщепившимся тростником, во-вторых, обращает на себя внимание бросающееся в глаза созвучие имен, мимо которого не мог пройти средневековый книжник (**Гера**кл и **Гера**сим), вполне ощутимо декларирующих свою «героическую» этимологию. Кроме того, уподобление Герасима Гераклу (и Христу), а также целый ряд других символических уподоблений Повести, поддерживается и системой образов, и числовой символикой как на уровне нумерологем, так и на уровне нумероформ (по терминологии В. М. Кириллина), которой в Повести отведено значительное место.

[1] Так же, к примеру, толкует эпизод с потерей детей Евстафием Плакидой (одного сына уносит лев, другого — волк) Служба святому: **Спсена быста бмь ѿ расхыщениꙗ звѣри сны ти, мчнче хвъ еꙋстаѳие звѣри мысльныꙗ побѣдиста.** Хотя и в этом случае в реальном коде ни о каком поединке речи нет.

Рассказ об излечении Герасимом льва служит завязкой для следующей сюжетной линии, повествующей о приключениях льва и осла. В ее основе видится миф об умирающем и воскресающем божестве плодородия, нашедший воплощение в столь широко распространенном в древних литературах сюжете о превращении человека в осла, а затем возвращении ему прежнего обличия при помощи божества и окончательном триумфе. Ближе всего Повести оказываются греческая (Псевдо-Лукиана) и римская (Апулея) версии. Символический подтекст второй части не менее богат, чем предыдущей. Во-первых, осел является столь же древним символом того же солнечного божества, что и лев, в христианстве это Христос (О. М. Фрейденберг). Ситуация замены осла львом дублирует библейский текст: «всякого осла заменяй агнцем» (Исх. 13:13). Выстраиваемый ряд «осел – лев-агнец – Христос» получает здесь и далее свое развитие, история осла и льва завершается их триумфальным возвращением в лавру (т. е. входом Христа в Иерусалим), удивительно тонко решенным художественными средствами. В этом плане наши наблюдения можно рассматривать как продолжение исследования О. М. Фрейденберг («Въезд в Иерусалим на осле»). Во-вторых, безропотное принятие на себя обязанностей другого (львом обязанностей осла) – это пример идеального послушания, отказ от свое-волия и следование воле старца, то есть образец монашеского служения. Указанные мотивы также нашли свое выражение в рельефах Дмитриевского собора, древнерусской агиографии, прежде всего, конечно, в Житии Сергия Радонежского.

Таким образом, уже названные и другие, менее заметные античные сюжеты и образы покрываются в Повести густой сетью христианской символики. Перед читателем проходит череда умираний и воскрешений – жизнь Христа от рождения до Распятия и Воскресения, ставшая образцом для его последователей; разворачиваются отношения ученика и Учителя как отражение отношений Христа и апостолов, обрисовывается путь монашеского служения, возникает лавра-рай-Новый Иерусалим – часть огромного пространства «Нового рая» Синайского патерика. Повесть, как многие ранние агиографические произведения, с одной стороны, тесно соотносится со Священным Писанием (что выражается впрямую или символически на разных структурных уровнях текста – композиционном, сюжетном, стилистическом и т. д.), а с другой стороны, сохраняет и активно переосмысляет традиции античной литературы, мифологии и фольклора.

Э. А. Гордиенко (Санкт-Петербург)

ИКОНЫ СВЯТИТЕЛЯ НИКОЛЫ ИЗ НИКОЛЬСКОГО СОБОРА НА ЯРОСЛАВОВОМ ДВОРИЩЕ

Явление круглой иконы святителя Николы в начале XII в. легенда связывает с болезнью и исцелением князя Мстислава Владимировича. Однако отсутствие современных письменных источников затрудняет научное обоснование предания. Вместе с тем достоверным свидетелем события служит сохранившаяся древняя икона, датировка которой до недавнего времени оставалась дискуссионной.

В 20-х г. XX в. в Никольском соборе на Ярославовом дворище, построенном князем Мстиславом в 1113 г., находились две круглых иконы святителя Николы.

О древности первой иконы свидетельствует доска, в обработке которой прослеживаются очевидные признаки XII в. От древней живописи на иконе сохранились следы розовой обводки широкого нимба и киноварной опуши по лузге ковчега. Кроме них наиболее выразительным фрагментом XII в. является правая рука святителя. Недавнее открытие ее поставило точку в затянувшемся споре о времени создания иконы.

О долгой истории иконы свидетельствуют и более поздние красочные слои. Фелонь и омофор святителя, Евангелие, белый фон и надписи переписаны во второй половине XIV – начале XV в., что может быть связано с известиями о пожарах в соборе в 1385, 1399, 1418 г. В результате одного из них, вероятно, пострадал и храмовый образ. Эти же даты определяют эпоху конца XIV – начала XV в., отмеченную в Новгороде широким развитием духовной культуры, одним из важнейших и совершенных памятников которой является изображение одежд на иконе святителя Николы.

В XVI в. на новом левкасе написан лик святителя, а белый фон и желтый нимб иконы покрыты серебряным басменным окладом. О его существовании свидетельствуют оставшиеся на фоне многочисленные шляпки гвоздей. Со временем лицевое письмо XVI в. почти полностью разрушилось, что хорошо видно на снимке иконы в ультрафиолетовых лучах. В 10-х г. XX в. эти утраты были активно тонированы в соответствии с классическими образцами иконописи середины XVI в.

В 1580 г. престол Никольского собора был заново освящен, и, возможно, одновременно написан новый храмовый образ. Круглая доска его значительно больше древней, формальные признаки характерны для XVI в. На фоне сохранился серебряный басменный оклад конца XVI в. Крупный цветочный орнамент на фелони святителя и оклад на полях иконы относятся к концу XVII в.

В 1910 г. были раскрыты лик Николы, фелонь, омофор и фрагменты Распятия на крышке Евангелия и возобновлены ворот фелони, рукавчик стихаря, благословляющая десница святителя, а также одежды жен, облачные фоны, одежды символов евангелистов и частично набедренная повязка Христа в Распятии. Последовательность этой работы отражена в одиннадцати архивных фотоснимках. Вместе с тем утраты и поновления не исключают возможности видеть в иконе произведение новгородской живописи конца XVI в.

Вероятно, тогда же был создан один из древнейших списков легенды об исцелении князя Мстислава. Как полагает С. Н. Азбелев, «отзвук» ее улавливается в современной второй иконе Уваровской летописи, где явление чудотворной иконы записано отдельной строкой. Фабула предания, а также сохранившаяся древняя икона позволяют относить его возникновение к «самому моменту события», т. е. к началу XII в.

А. А. Горский (Москва)

«ЗАЖЕГШЕ ГРАД СВОЙ, СТУПИМ В ГРЕЧЬСКУ ЗЕМЛЮ...»

Весной 1069 г. изгнанный ранее из Киева князь Изяслав Ярославич с польским князем Болеславом Смелым двинулся на Русь. Возведенный на место Изяслава в сентябре 1068 г. восставшими киевлянами полоцкий князь Всеслав Брячиславич выступил навстречу с киевским войском, но из Белгорода тайно от киевлян бежал. Как рассказывает «Повесть временных лет», «заутра же вид#вше людье князя бежавша, възвратишася Кыеву и створиша вече. [И] послашася къ Святославу и къ Всеволоду (братьям Изяслава, княжившим соответственно в Чернигове и Переяславле. – *А. Г.*), глаголаше: “Мы уже зло створили есмы, князя своего прогнавшее, а се веде[ть] на ны Лядьскую землю; а поид#та в градъ отца своего. Аще не хочета, то нам неволя: зажегшее град свои, ступим въ Гречьску землю”»[1]. Святослав и Всеволод в Киев не пошли, но обратились к Изяславу с просьбой не водить туда поляков и не «губить града». Изяслав не стал вводить в Киев основные польские силы, однако посланный им вперед сын Мстислав подверг репрессиям киевлян, повинных в перевороте в пользу Всеслава, перебив 70 человек[2].

[1] ПСРЛ. М., 1962. Т. I. Стб. 173; ср. М., 1962. Т. II. Стб. 162–163.
[2] Там же. Т. I. Стб. 173–174; Т. II. Стб. 163.

Угроза киевлян уйти в «Греческую землю», т. е. в Византийскую империю, всегда вызывала некоторое недоумение у исследователей. Действительно, абсурдно предполагать, что все население Киева могло сняться с места жительства и переселиться в Византию. Следовательно, либо угроза (или, во всяком случае, инициатива предъявления такой угрозы) исходила от какой-то части киевлян, для которых такое переселение могло быть реальной возможностью, либо нужно признать за донесенными летописцем словами чисто риторический характер. Два предполагавшихся в науке объяснения и находятся в русле этих двух вариантов истолкования. С одной стороны, в качестве группы, от которой могла исходить угроза ухода в «Греческую землю», назывались купцы, торговавшие с Византией, — т. н. «гречники»[3]. С другой стороны, обращалось внимание на упоминаемое под 6579 (1071) г. пророчество волхва, объявившегося в Киеве: «яко на пятое л#то Дн#пру потещи вспять, и землямъ преступати на ина м#ста, яко стати Гречьскы земли [на Рускои], а Русьск#и на Гречьскои и прочимъ землямъ изм#нитися»[4]. Поскольку это известие помещено в подборку рассказов о волхвах, явно относящихся к разным годам, допускалось, что пророчество имело место до 1069 г. (может быть, даже как раз за пять лет), и угроза киевлян Святославу и Всеволоду была связана с данным пророчеством[5].

Влияние на авторов обращения 1069 г. пророчества волхва исключать нельзя, но следует заметить, что более высока вероятность его произнесения не до, а после событий 1069 г., ибо помещенные далее в статье 6579 г. рассказы о волхвах посвящены событиям первой половины 70-х г. XI в. (и в этом случае с таким же успехом можно допустить влияние угрозы киевлян 1069 г. на пророчество). Однако в любом случае полагать, будто киевляне, прося о конкретной срочной помощи, угрожали Ярославичам, что совершат абсолютно невозможное и бессмысленное действие, правомерно только в случае, если исчерпаны возможности интерпретировать данный эпизод, оставаясь на почве исторической реальности.

Из летописного известия вытекают две характеристики инициаторов обращения: 1) их уход из города нежелателен для Святослава и Всеволода; 2) они могут рассчитывать на благожелательный прием в Византии; 3) они настолько влиятельны, что собрание киевского войска обращается по их инициативе к князьям с заявлением о намерении поджечь город (пренебрегая недовольством со стороны той части горожан, которая не захотела бы уничтожать собственные дома).

Купцы-«гречники» вряд ли соответствуют этим характеристикам. Во-первых, они не могли быть ведущей силой среди киевлян. Во-вторых, уход «гречников» не стал бы катастрофой для князей-Ярославичей: во второй половине XI в. торговля с Византией была далеко не главным источником доходов государства. В-третьих, отъезд в Византию стал бы для этой группы населения уходом в никуда: их общественная ценность была в торговле с империей в качестве *русских* купцов; эмигрировав в Византию, они потеряли бы свой статус и вынуждены были бы начинать свою деятельность с нуля в чужой стране.

Между тем в Киеве существовала социальная группа, занимавшая высокое положение в обществе, являвшаяся опорой князей и при этом могущая быть востребованной в Византии. Это категория, в источниках обозначаемая как «большая» или «первая» «дружина», — киевские бояре, которые в середине — второй половине XI столетия оставались в большинстве своем в Киеве при смене князя и служили тому, кто приходил на киевский стол[6]. После бегства Изяслава в сентябре

[3] *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города. М., 1956. С. 188; *Мавродин В. В.* Народные восстания в Древней Руси XI—XIII вв. М., 1961. С. 54—65; *Пашуто В. Т.* Черты политического строя Древней Руси // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 26; *Толочко П. П.* Древняя Русь: очерки социально-политической истории. Киев, 1987. С. 226.

[4] ПСРЛ. Т. I. Стб. 174; Т. II. Стб. 164.

[5] *Шахматов А. А.* Разыскание о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 457; *Воронин Н. Н.* Восстания смердов в XI в. // Исторический журнал. 1940. № 2. С. 60; *Лукин П. В.* Древнерусские «вои». IX — начало XII в. // Средневековая Русь. М., 2004. Вып. 5. С. 45—46.

[6] *Горский А. А.* Древнерусская дружина. М. , 1989. С. 39—40.

1068 г. Всеслав Брячиславич был признан в качестве киевского князя как горожанами, так и Святославом и Всеволодом Ярославичами[7]; следовательно, киевские бояре стали служить ему. Теперь же, лишившись сюзерена и опасаясь мести Изяслава, они, естественно, должны были обратиться за защитой к двум другим Ярославичам. Уход в Византию для этих людей был вполне реальным вариантом действий. Там с конца X в. постоянно существовал т. н. «русский корпус» — наемное войско[8]. В конце 60-х г. византийские войска вели постоянные военные действия в Малой Азии и Сирии против наступавших на территорию империи турок-сельджуков[9]. В этой ситуации опытные в военном деле киевские бояре могли стать желанными гостями на берегах Босфора.

Таким образом, в угрозе «зажечь град и ступить в Греческую землю» вряд ли нужно видеть риторическую фигуру или крик души группы купцов. Скорее всего, перед нами ультиматум выступившей от лица горожан киевской знати, непринятие которого Святославом и Всеволодом могло повлечь за собой уход из Руси значительной части столичного боярства, что создавало бы непредсказуемый социально-политический вакуум[10]. Неудивительно поэтому, что Святослав и Всеволод поспешили выступить в защиту киевлян перед старшим братом.

[7] См. об этом: *Кучкин В. А.* «Слово о полку Игореве» и междукняжеские отношения 60-х годов XI века // Вопросы истории. 1985. № 11.

[8] *Васильевский В. Г.* Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI—XII веков // Васильевский В. Г. Труды. СПб., 1908. Т. I.

[9] См.: История Византии. М., 1967. Т. II. С. 284

[10] Святослав и Всеволод, имевшие (как показали последующие события) каждый свои виды на киевский стол, разумеется, предпочитали, чтобы киевское боярство было представлено хорошо знакомыми им людьми (в большинстве своем служившими еще их отцу), и не были заинтересованы в появлении у Изяслава «новых» (обязанных только ему выдвижением) бояр.

М. С. Гладкая (Владимир)

СОШЕСТВИЕ СВ. ДУХА НА ДАВИДА: КОМПОЗИЦИЯ ЮЖНОЙ ЗАКОМАРЫ ДМИТРИЕВСКОГО СОБОРА ВО ВЛАДИМИРЕ

Среди фасадной резьбы Дмитриевского собора композиции тимпанов закомар являются наиболее определяющими содержание рельефного замысла. В их ряду — композиция центральной закомары южного фасада с Давидом в центре, Этимасией над ним, двумя мужами-средовеками по сторонам и нисходящим от Этимасии на Давида св. Духом. Она остается весьма слабо изученной и не рассмотренной в контексте резной декорации храма в целом.

Усилия исследователей, в основном, были направлены на определение персонажей и деталей сцены. Было предложено осмысление действа в связи с теофаническим видением Иезекииля (А. М. Лидов) и в связи с темой пророчества о Мессии (М. С. Гладкая).

В настоящий момент не вызывает никаких сомнений атрибуция центрального персонажа — Давида — поскольку идентичное его изображение на западном фасаде сопровождено именующей надписью. Характерное изображение Престола уготованного легко определяется по многочисленным аналогиям. Об отношении слетающей птицы к голубю, символизирующему св. Дух, говорит контекст резного декора самого памятника. Детально рассмотрено нами и атрибутировано и окружение Давида. Идентификация по изобразительным аналогиям персонажей, сидящих по сторонам от Этимасии, привела нас к выводу об использовании в тимпанной композиции евангелистов. Престол уготованный являет собой образ Христа, это место его пребывания, факт его воскресения

и образ его присутствия. Размещение апостолов возле Этимасии вполне оправданно: свидетельская и проповедническая миссия апостолов устанавливает их особо тесную связь с Воскресшим.

Исходя из обозначенного набора персонажей и деталей сцены, мы предлагаем рассмотреть тимпанную композицию, отталкиваясь от связующего все ее элементы святого Духа, что придает действу смысл сюжета «Сошествие св. Духа». Смысловых аспектов, которые несет в себе обозначенный сюжет, несколько, и каждый из них вписывается в замысел декорации храма.

Событие нисхождения св. Духа на апостолов, произошедшее в пятидесятый день после Пасхи и сопровождавшееся чудом духовного единения общины, стало началом создания Церкви Нового Завета. В христианском толковании суть праздника Пятидесятницы рассматривается как Богоявление, как продолжение Теофаний Ветхого Завета. Рассматривая Богоявление в русле второго пришествия Христа, а композицию как распространенный сюжет «Страшного суда», мы не находим в ней самого существенного образа — Христа во славе в окружении символов четырех евангелистов. Скорее всего, рассматриваемое нами действо трактовано не как приход Христа-Судии, а как его присутствие в значении собственно факта его воскресения. Ниспослание Духа святого и есть явление тайны Воскресшего.

Учитывая особенности художественного решения интересующего нас сюжета, когда Дух святой нисходит непосредственно на Давида, это иллюстрация пророческой и прообразовательской миссии Давида, наиболее часто иллюстрируемой миниатюрами Хлудовской Псалтири. Дух святой дает Давиду способность познания Бога, и именно он наделяет Давида даром пророчества, он накладывает на Давида миссию вести о Мессии. Давид становится провозвестником и свидетелем Христа. Композицией северной закомары проиллюстрирована тема Давида-пастыря. В западной закомаре развернута тема борьбы Давида за престол и его обретение. В рассматриваемой сцене выступает Пророк, обретший Духа и увенчанный святым Духом, Давид, пророчествующий о Мессии, возвещающий его приход, указующий на него своими перстами.

Итак, композиция центральной закомары южного фасада представляет двух евангелистов и пророка. Все они — свидетели его явления, выраженного присутствием Престола уготованного, свидетели открытия его тайны — тайны Воскресения. Действо обосновано текстами Ветхого Завета и изобразительными элементами: Этимасия как присутствие Христа, апостолы как его свидетели, Дух святой как образ, несущий его откровение, Давид, пророчествующий о Христе, ликующая тварь. Все это не говорит о картине явления второго пришествия, о собственно событии Страшного суда. Более вероятно, что это свидетельство Воскресения, прихода Нового Завета. Ликующая тварь, выражающая идею славословия и приветствия, укладывается в концепцию темы. В свою очередь, тема Воскресения присутствует в качестве основной идеи новозаветного Храма, это основа понятия «Новый Иерусалим». Приход Нового Завета ознаменован созданием новой Церкви Христа как нового Храма новой общины спасенного народа Израиля. Действо Воскресения, таким образом, свершает обет спасения, т. е. дарования Царствия Небесного. Поэтому общий характер тимпанной композиции — всеобщее торжество.

В тимпанной сцене зримо представлена картина свидетельства о воскресшем Христе и предсказание его будущего суда, развернуто действо, предваряющее его второе пришествие.

Н. С. Гребенщикова (Гродно)

ПРИВЕТСТВИЯ – ПОЖЕЛАНИЯ СПАСЕНИЯ В РУССКОМ РЕЧЕВОМ ЭТИКЕТЕ

Спасение — знаковое слово в православном тезаурусе. Не случайно русское наименование одной из Божественных ипостасей — *Спаситель, Спас*, калька греческого Σωτηρ 'Спаситель', этимологическая расшифровка имени *Иисус*: **Родитъ же с[ы]на, и нарече́ши имѧ емꙋ Іи[сꙋ]съ: той бо сп[а]сетъ люди своѧ ѿ грѣхъ ихъ** (Мф. I, 21). Христианизация произвела изменения в народном языковом сознании: «В языческой религии славян отношение божества к человеку сводилось либо к дарам, либо к казни. Теперь *спасение* — это избавление от казни, от мучений, от наказаний за преступления и грехи. Идея спасения появилась с христианством, и для её выражения был создан целый комплекс слов»[1].

Спасаться, спасать душу уходили от мирской жизни в монастырь. Самый путь в монастырь именуется в русском фольклоре *спасенным путем, путем во спасение*: *Спамятует молодец* ***спасенный путь****,/ и оттоле молодец в монастырь пошел постригатися…*[2]; *Было у вдовушки тридцать дочерей, / И все они* ***во спасенье пошли****, / Все разъехались по пустым пустыням / И по всем монастырям…*[3]

Всё то, что связано с монашеством, определяется через *спасение*. В Повести о Феодосии Печерском монашеский головной убор именуется «шлемом спасения»: **таче сънѣмъ съ него с[вѧ]тоую мантию и въврьже ю въ дьбрь • тако же и шлѣмъ сп[а]сени□□ иже бѣ на главѣ ѥго съньмъ завьрже и**[4]**.** В былинах прилагательное *спасенный* характеризует реалии монашеской жизни: «Я задумал теперь скинуть платье цвйтное, / Я задумал одеться в платье черное, / Еще в черное платьице **спасеное**»…/ «Ты поди же, Данило, в келью темную, / Ты во темную келию **спасеную**»[5].

Согласно этикетному правилу, «…приветствуя светских особ, спрашивали о здоровье, а монахов о спасении»[6]. Не полагалось обращаться к человеку, вступившему на путь спасения, принявшему иноческий чин, ушедшему от мирского довольства, с пожеланиями благополучия, процветания. Обращение к такому человеку принимало вид *Спасайся, Спасись, Спасай (Спаси) душу*. Автор Сказания о Борисе и Глебе вкладывает прощальное пожелание **спаси (спасете) сѧ**, в уста убиваемого Глеба: **онъ же видѣвъ ко не вънемлють словесъ ѥго • начатъ глаголати сице • сп[а]си сѧ милыи мои о[ть]че и господине василиѥ • сп[а]си с м[а]ти и госпоже мо • сп[а]си с и ты брате борисе старѣишино оуности моѥ • сп[а]си сѧ и ты брате и поспѣшителю рославе сп[а]си с и ты брате и враже с[вѧ]топълче сп[а]сете с и вы братиѥ и дроужино вьси сп[а]сете с • оуже не имамь васъ видѣти въ житии семь •зане разлоучаѥмъ ѥсмь отъ васъ с ноужею.**[7] Пожелание спасения обращено ко многим лицам различного статуса — из этого факта следует, что в сознании древнерусских книжников оно воспринималось именно как приветственный стереотип. Подобно другим приветствиям — пожеланиям, оно могло завершать (более ранние примеры) и начинать интеракцию. В старорусской переписке приветствие — призыв к спасению души занимает место в начале послания после именования адресата. Контекст нередко свидетельствует о

[1] *Ларин Б. А.* Лекции по истории русского литературного языка (X — середина XVIII в.). М., 1975. С. 116.
[2] Повесть о Горе-Злочастии / Подгот. Д. С. Лихачев, Е. И. Валеева. Л., 1985. С. 16.
[3] Василий и Софья // Былины в двух томах. М., 1958. Т. II. С. 324.
[4] Успенский сборник XII–XIII вв. / Подгот. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон. Под ред. С. И. Коткова. М., 1971. Л. 34 б.
[5] Данило Игнатьевич и его сын // Былины в двух томах. М., 1958. Т. I. С. 391–392.
[6] *Костомаров Н. И.* Домашняя жизнь и нравы великорусского народа. М., 1993. С. 159.
[7] Успенский сборник XII–XIII вв. Л. 14 б.

о преобладании этикетной семантики приветствия над реальным смыслом императивной формы: *Отцъ Зоровавелъ* ***спасаи дш҃*** *по приказу отца архимарита были работники мои на плотахъ а за работу имъ ничего не дано...* (Гр. № 455). Более высокая степень этикетности требует дополнительного словесного окружения: *Спасай душу* (*свою, праведную*) *о Господе, о Христе*; кроме того, в таком случае пожеланию обычно предшествует просьба о благословении и челобитье: *Гсдрю моем҃ батюшк҃ инок҃ Макарию Панѳилевичю сынишко тво Івашко благословения твоего к себе прош҃ і челом бью* ***спасаи ѡ господе праведн҃ю свою дш҃ прикажи гсдрь мои писат ѡ своем спасени***[8]***.***

Приветственная формула, обращенная к представителю духовенства, может также содержать и пожелание здоровья, причем нередко дифференцируются *спасение души*, с одной стороны, и *физическое здоровье* – с другой: ***Спасаи*** *гсдрь* ***дшу о Хрстѣ а телесне здравстъвуи*** *на многиѧ лѣта* (Гр. № 510).

Окончание послания обычно представляет собой формулу, структурно не отличающуюся от начального приветствия. В качестве сигнала прощания выступает подытоживающее наречное сочетание (*за сим, по сем, по том*): *А по сем спсая* ***спасен б҃ди*** *і* ***здрав*** *нн҃ѣ і во в҃ки* (1694 г. Гр. № 474).

Можно заметить, что эта приветственная формула не является вполне устойчивой, поскольку допускает варианты *Спасайся, Буди спасен, Буди спасаяся, Спасатися, Дай (подай) Бог спасение (спастися); Будь Богом храним в душеспасительном пребывании* и др.

[8] Грамотки XVII – начала XVIII века / Подгот. Н. И. Тарабасова и Н. П. Панкратова. Под ред. С. И. Коткова. М., 1969. № 102 (Далее – Гр.).

А. В. Григорьев (Москва)

ВЛИЯНИЕ СЛУЖЕБНЫХ И ТОЛКОВЫХ СЛАВЯНСКИХ БИБЛЕЙСКИХ ТЕКСТОВ НА ФОРМИРОВАНИЕ РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Большинство ученых предполагают, что непосредственным источником библейских фразеологических единиц является Священное Писание. Из текстов Ветхого и Нового Заветов данные выражения попадают в старославянский язык, затем в древнерусский и, наконец, в современный русский язык[1]. Однако, как указывают исследователи, в Древней Руси не все книги Писания были известны в переводе на славянский язык. Каким же образом славяне знакомятся с библейскими выражениями? В. Гак отмечает, что определенную роль играет включение библейских фразеологизмов в структуру богослужения, приводя выражение *тайна сия велика есть*, которое встречается в чине венчания, однако в работах данного исследователя подобные источники не анализируются[2]. Между тем, по мнению А. А. Алексеева, именно «литургическая практика славянских церквей была для прихожан основным способом знакомства с текстом Св. Писания»[3]. В работах В. В. Колесова и А. А. Алексеева называется и другой

[1] См. например: *Гури И.* Библейские фразеологизмы в современном русском языке. // Jews and Slavs. Т. I. Иерусалим; СПб., 1993. С. 125.

[2] *Гак В. Г.* Особенности библейских фразеологизмов в русском языке (в сопоставлении с французскими библеизмами) // Вопросы языкознания, 1997. № 5.

[3] *Алексеев А. А.* Текстология славянской Библии. М., 1999. С. 25.

путь проникновения библейских идей и образов в русский язык и русскую культуру, когда библейские фрагменты заимствуются не из книг Писания, а из выдержек, представленных в толковых славянских библейских текстах (в первую очередь, в Палее)[4], которые до сих пор оставались без внимания фразеологов.

Таким образом, возникает необходимость исследования возможного влияния служебных и толковых славянских библейских текстов на формирование русской фразеологической системы. Для того чтобы выражение стало устойчивым в языке, необходима актуализация для сознания говорящего определенных эпизодов Писания, которые в «сгущенном виде» могли представать в виде библейских фразеологизмов.

Проанализируем фрагменты текста Книги Исход, в которых содержатся выражения, вошедшие в русский язык, в следующих славянских библейских текстах: Паримейник[5], Триоди (служебный тип), Толковая Палея и ее источники: книга Кааф[6], апокрифический Исход Моисея[7] (толковый тип). Для сравнения приводятся: Великие Минеи-Четьи Макария, текст эсхатологического содержания «На собор архангела Михаила» (РГБ. Собр. Юдина. Ф. 594. № 1. XV в.).

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы.

Библейские фразеологизмы не заимствуются непосредственно из текста Библии. Определенные выражения актуализируются для читателя в служебных и толковых библейских текстах, которые требуют пристального изучения. Так, на примере изучения подобных текстов, содержащих фрагменты Книги Исход, можно выявить, что исследуемые источники устойчиво актуализируют в сознании говорящего следующие эпизоды: 1) явление Бога в терновом кусте > *неопалимая купина* (фрагмент зафиксирован во всех исследуемых текстах, кроме приводимого для сравнения «На собор архангела Михаила»), 2) десять египетских казней > *египетские казни* (Книга Кааф, апокрифический Исход Моисея, Палея, Великие Минеи-Четии), 3) переход израильтян через Красное море > *по морю аки по суху* (во всех текстах, кроме Книги Кааф), 4) описание манны небесной > *манна небесная* (во всех исследуемых текстах). Для закрепления в языке устойчивого выражения желательно его неоднократное употребление как в тексте Библии, так и в служебных и толковых текстах, кроме того, употребление в сочинениях Отцов Церкви, известных в славянских переводах. Значимым представляется и возможное отражение исследуемого образа в иконописном искусстве (Богородичный образ «Неопалимая купина»).

[4] См.: *Колесов В. В.* Умное слово в «Слове» Илариона Киевского //Альманах библиофила. М., 1989. Вып. 26. С. 99.
[5] Текст см.: *Пичхадзе А. А.* Книга Исход в древнеславянском Паримейнике // Ученые записки РПУ. М., 1998. С. 5–60.
[6] Текст см.: *Истрин В. М.* Замечания о составе Толковой Палеи. Книга Кааф // ИОРЯС. 1897. Т. II. Кн. 4.
[7] РНБ. Соф. № 1384 (Четьи Минеи XV в.). Опубликовано: *Тихонравов Н. С.* Памятники отреченной литературы. М., 1863. Т. I. С. 233–254.

И. Г. Добродомов (Москва)

ИЛЛЮЗОРНАЯ СЕМАНТИКА В РУССКИХ ИСТОРИЧЕСКИХ СЛОВАРЯХ И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ (НА ПРИМЕРЕ СЛОВА *КЪМЕТЬ*)

Трудности понимания древних текстов для современных исследователей преодолеваются с помощью исторических словарей, но и составители последних не всегда способны проникать в загадочность семантики малознакомых слов, чем, впрочем, грешат даже авторы словарей современного языка. Яркие примеры непонимания в нынешних словарях старого слова *облучок* и нового *филонить* могут быть наглядными иллюстрациями этого тезиса[1]. Гораздо менее заметной бывает ошибочность понимания старинного слова, если это понимание испытало определенное историческое развитие осмысления, как это имело место с сохранившимся в русской древней письменности, но выпавшим из живого употребления к концу XII века существительным *къметь*, которое хорошо известно археографам со второго десятилетия XIX века по «Слову о полку Игореве» и летописям и ошибочно читалось в этих памятниках до этого.

Еще не будучи правильно прочитанным в тексте *мои ти куряне свѣдоми къмети*, оно уже переводилось «мои Курчане *въ цѣль стрѣлять знающи*».

Начиная с 1816 года слово *къметь* (обычно также с опорой на материалы других славянских языков!) получает различные истолкования: «меткие стрелки» (в первом издании «Слова»), «слуги», «дружина», «чиновники» (Н. М. Карамзин), «известные всем люди», «славный народ», «поселяне, жители» (А. С. Шишков), «опытные люди» (Я. О. Пожарский), «сподвижники, слуги, дружина» (А. С. Грибоедов), «частные начальники, старосты» (А. Ф. Вельтман), «крестьяне, мужики» (А. С. Пушкин), «надежные люди» (М. А. Максимович, М. Д. Деларю), «бояре, сановники» (Д. Н. Дубенский).

Подобное многообразие трактовок термина *къмети* не прекратилось и во второй половине XIX и в XX веке, хотя академический «Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением имп. Академии наук» 1847 года дал этому старинному термину решительное и категорическое, но едва ли правильное толкование «отличный воинъ, витязь» с подтвердительными цитатами из «Слова о полку Игореве» и «Поучения Владимира Мономаха». В основе этого толкования лежат не только соображения первых издателей «Слова» («*въ цѣль стрѣлять знающи*») к плохо прочитанному тексту, но и ошибочное понимание К. Ф. Калайдовичем (1820) чешского существительного *sedlak* «крестьянин» (как «всадникъ, наѣздникъ» по созвучию с русским словом *седло*) в толковани чешского термина *kmet* «sedlak», содержащимся в издании «Краледворской рукописи» (1817) В. В. Ганки. Такое толкование русского слова уже без ссылки на В. В. Ганку и неправильное его понимание К. Ф. Калайдовичем несколько нерешительно покритиковал А. С. Шишков (1820: «но по Богемски *sedlak* тоже что nivař (от *нива*); по Польски *sielaninъ*; по Босняцки *seglianin, kmet*»), хотя значение «воин» ему импонировало, и он допускал колебания в толковании слова. Без ссылки на В. В. Ганку и К. Ф. Калайдовича отождествление *къмети* с всадниками и наездниками фигурирует в самых заметных комментариях к «Слову полку Игореве» Н. Ф. Грамматина (1823), Д. Н. Дубенского (1844), Н. Г. Головина (1846), откуда оно с усилением военного компонента и попало в академический словарь 1847 года и далее в словари А. Х. Востокова (1858), И. И. Срезневского (1893) с привлечением противоречащего военной семантике материала иных славянских языков; Г. Е. Кочина (1937 с колебаниями), в Словарь русского языка XI–XVII в. (Вып. 7, 1980) и в Словарь древнерусского

[1] См.: Онегинская энциклопедия. М., 2004. Т. II. С. 193–194; Вестник Литературного института им. А. М. Горького. 2004. № 1. С. 25–32.

языка XI–XIV в. (Т. IV, 1991), а у отдельных филологов приобрело даже весьма четкое, но столь же сомнительное значение «профессиональные воины» (Ф. Я. Прийма 1976). На этой ложной дефиниции построена и статья К. А. Максимовича (Russian Linguistics, 2004), где проводится ошибочная мысль Л. Гавликовой (1989) о приходе этого слова на Русь вместе с «Законом судным людям», якобы переведенным в Моравии Мефодием. Фактически общеславянское слово *kъmetь/kъmetъ* появилось как обратное образование (редеривация) из латинизма *kъmetija* «хозяйство» (сохранилось в сербскохорватском и, особенно, в словенском языках – *kmetija*), восходящего к народнолатинской форме классического *comitia*[2], что заставляет признать за исходное значение слова *kъmetь/kъmetъ* значение «хозяин, крестьянин».

[2] См.: «Честному и грозному Ивану Васильевичу»: К 70-летию Ивана Васильевича Лёвочкина. М., 2004. С. 17–22.

Д. Домбровски (Польша)

СОСТОЯНИЕ И НЕОБХОДИМОСТЬ ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ДИНАСТИИ РЮРИКОВИЧЕЙ С ОСОБЫМ УЧЁТОМ ПОТОМКОВ МСТИСЛАВА ГАРАЛЬДА ВЛАДИМИРОВИЧА МОНОМАХОВИЧА

Не должно вызывать сомнений утверждение, что исследования в области генеалогии – отвлекаясь от их ценности как таковых – имеют огромное значение для верного представления не только о внешней политике отдельных царствующих монархов, но также служат лучшему пониманию внутренних отношений между династиями и управляемыми ими государствами.

Немаловажное, если не основное, значение имеют эти исследования также в области истории культуры. По практике знаю, что без подробных исследований по истории Романовичей не могли бы появиться статьи, обсуждающие разные стороны функционирования русской княжеской семьи в XII–XIII в. Тем временем, представляется, что мы имеем дело с бесспорным недостатком работ, посвященных генеалогии Рюриковичей. Причины этого явления различны. Достаточно вспомнить, например, чрезвычайно недоверчивое (если не открыто враждебное) отношение марксистов к этой области науки. Они обвиняли генеалогию в персональной трактовке истории и считали излишним уделять внимание представителям класса собственников (которые чаще всего являлись объектом описания).

После Октябрьской революции всё это значительно тормозило научный интерес к генеалогии Рюриковичей в России. Деятельность польских, украинских и эмиграционных российских историков не могла вполне восполнить такого пробела. В связи с этим до падения коммунизма ситуация исследований в этой области представлялась таким образом: существовала группа разных работ (напр., монографических статей, фрагментов больших работ, табличных составлений), написанных в разных странах, в том числе и в России, до Первой мировой войны и Октябрьской революции (напр., О. Балзер, А. Экземплярский, П. Голубовский, Г. Власев, Р. Зотов). Что касается результатов генеалогических исследований лет 1917–1989/1990, то их публиковали в работах нескольких категорий, например, в виде табличных составлений, в целом посвященных Рюриковичам (Н. Де Баумгартен), или в работах, в которых представители русской династии выступали рядом с представителями других правящих родов (В. Дворжачек, К. Фон Изенбург, Д. Швеннике). Кроме того, мы располагаем небольшой группой работ собственно генеалогических или близких

генеалогии (работы по матримониальной политике или по просопографии), в которых вопрос затрагивался лишь фрагментарно (напр., Х. Декер-Хауф, Й. Беняк, М. Димник, В. Кучкин, Н. Щавелева, Х. Граля), а также с большим набором работ, касающихся чаще всего политической истории Руси, в которых генеалогические вопросы так или иначе поднимались (Х. Пашкевич, Б. Влодарски, М. Андрусьяк, Х. Граля). Причём надо заметить пренебрежительное отношение к генеалогическим методам или их недостаточное использование в исследованиях, где в связи с описываемой проблемой такие методы являются обязательными. Это явление особенно ощутимо выступало в работах советских историков, таких как: «Мстислав Удалый» А. Эммауского (1998) или «Внешняя политика Древней Руси» В. Пашуты (1968).

В генеалогических исследованиях династии Рюриковичей изменения к лучшему наступили в 90-х г. XX столетия. Следует, например, отметить, что появился ряд (прежде всего табличных) составлений Л. Войтовича, имеющих большое значение для развития украинского интереса к генеалогии. В России разные исследования в области генеалогии Рюриковичей ведут сегодня, например, В. Назаров, Е. Пчелов, А. Кузьмин и, наконец, автор чрезвычайно важных для этой темы, концентрирующихся на княжеской антропонимии работ — Ф. Успенский. Черниховскими князями по-прежнему занимается канадский историк М. Димник. В Польше эту проблему исследуют, прежде всего, Я. Тенговски и Д. Домбровски. Итак, в ближайшее время можем ожидать значительного обогащения информаций о генеалогии русской прирождённой династии. Реализация этой цели может принести особенный эффект, если будет предусмотрено исполнение некоторых методических требований.

На первый план выдвигается создание — используя новейшие результаты исследований в области фактографии и выработанные в последнее время исследовательские методы — монографий, посвященных отдельным линиям династии. Причём, подчёркиваю, в исследованиях, касающихся Мстиславовичей Гаральдовичей, следует ввести чёткую, хронологическую (относящуюся к поколениям) цезуру. Мы не должны нарушать барьер шести-семи поколений потомков этого царствующего монарха, живущих приблизительно до половины XIV столетия, так как именно в это время вымирает значительная часть ветви и одновременно наступает явное качественное изменение используемых первоисточников.

Работы с чётко определённой темой должны содержать приблизительно несколько десятков биограммов. Только такая формула разрешает нам, с одной стороны, тщательно и полностью использовать первоисточники, с другой — вывести исследования за пределы дополнительных материалов и даёт возможность сделать вывод более общего, синтетического характера. Надо также последовательно использовать однородный, значительно расширенный в сравнении с принятым в прежней литературе комплекс вопросов, на которые исследователь генеалогии Рюриковичей должен знать ответ.

А. В. Духанина (Москва)

ЕПИФАНИЙ ПРЕМУДРЫЙ И ПАХОМИЙ СЕРБ: РАЗЛИЧИЯ В УПОТРЕБЛЕНИИ СЛОЖНЫХ ПРЕТЕРИТОВ

При изучении творчества Епифания Премудрого перед исследователями встает сложная текстологическая проблема, связанная с Житием Сергия Радонежского (ЖСР). Это сочинение Епифания несколько раз впоследствии редактировалось Пахомием Сербом: насчитывают от 2 до 6 пахомиевских редакций ЖСР. Епифаниевское Житие Сергия в первозданном виде до нас не дошло, но исследования текстологов показывают, что епифаниевский текст частично сохранился в

составе так называемой Пространной редакции ЖСР (создана в XVI веке) и представляет собой первую часть этой редакции, до главы «О изведении источника»[1].

Изучение употребления сложных претеритов в агиографических произведениях Епифания Премудрого показало, что в характере их использования наблюдаются некоторые особенности, свойственные в равной степени Житию Стефана Пермского (ЖСП) и епифаниевской части Пространной редакции ЖСР и при этом нехарактерные для языка агиографических сочинений Пахомия.

В обоих епифаниевских житиях сравнительно часто встречаются формы перфекта (в ЖСП – всего 248 форм, в епифаниевской части ЖСР – 51), всегда в свойственном им грамматическом значении, перфектном или плюсквамперфектном, при этом в формах 3 л. часто опускается связка (в 63% форм 3 л. в ЖСП и в 80% – в ЖСР), например[2]: **Ѡн' же ѿвѣща, рече имъ: перевѣдал' мѧ Ѕтеданъ** (ЖСП, 711); **бг҃ъ оустрои его троудодѣлника, инокь мно*ствоу. наставника множаишеи бра҃ти. игоумена и вожа. и пакы ѿкоуꙋдоу кто начаал'сѧ се҃ еже бо мѣсто то было. преже лѣсъ чаща поустыни.** (ЖСР, 84).

Пропуск связки в некоторой степени связан с типом контекста: если в прямой речи персонажей форм без связки около половины, то в авторской речи они преобладают.

В пахомиевских житиях[3] перфект употребляется так же, как и в большинстве текстов, написанных на строгом церковнославянском русского извода: крайне редко, существенно реже, чем у Епифания (от нуля до 18 форм перфекта в тексте), формы 3 л. единичны и изредка в авторской речи встречаются без связки (но не чаще 1 формы на текст). Даже если взять все исследованные тексты в совокупности, то формы без связки не составят и четверти всех форм 3 л. перфекта. Таким образом, в характере употребления перфекта в епифаниевских и пахомиевских житиях обнаруживаются очевидные различия.

В отличие от сочинений Пахомия у Епифания также встречаются единичные случаи употребления так называемого русского плюсквамперфекта, например: **Бж҃їи же ѱ҃ен'никь ѿвѣща, рече емꙋ: сим ли хвалишисѧ, ѡкаанне, мнѡгобѡжїе в'вѡдѧ, и мнѡгы бѡгы нарицаеши, им'же было подобало постыдѣтисѧ, по реченомоу: да постыдѧтсѧ вси кланѧющїисѧ истоукан'нымъ** (ЖСП, 703об). Пахомий Серб в своих житиях использует только книжный плюсквамперфект. В целом же плюсквамперфект встречается в произведениях обоих авторов крайне редко (в ЖСП – всего 13 раз, в ЖСР – 4, в житиях Пахомия от нуля до 9 форм на текст).

Таким образом, можно отметить определенные отличия грамматических установок Епифания и Пахомия в отношении употребления перфекта и плюсквамперфекта.

Указанные особенности употребления сложных претеритов, характеризующие язык житийных произведений Епифания, могут свидетельствовать в пользу авторства Епифания при решении проблемы атрибуции первой части Пространной редакции Жития Сергия Радонежского.

---

[1] См.: *Яблонский В. М.* Пахомий Серб и его агиографические писания. СПб., 1908. С. 62; *Клосс Б. М.* Избранные труды. Т. I. Житие Сергия Радонежского. М., 1998. С. 155.

[2] Примеры приводятся по спискам: ЖСП – ГИМ. Синод. собр. № 91. Л. 650–777; епифаниевская часть ЖСР – РГБ. Троиц. № 698. Л. 1–107.

[3] Для исследования были взяты следующие произведения Пахомия Серба: вторая часть Пространной редакции ЖСР, все 6 пространных и проложная редакция ЖСР, жития Никона Радонежского пространной и краткой редакций, митрополита Алексия, архиепископа новгородского Евфимия, Кирилла Белозерского, Саввы Вишерского, архиепископа новгородского Моисея, а также Слово о перенесении мощей митрополита Петра.

Н. В. Жилина (Москва)

ДРЕВНЕРУССКИЙ ДРАГОЦЕННЫЙ УБОР: ТРАДИЦИИ И ВЛИЯНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ВИСОЧНЫХ УКРАШЕНИЙ)

История восточнославянского и древнерусского ювелирного убора с VI по XIII в. является творческим процессом, в котором разрабатываются традиционные формы украшений и перерабатываются внешние влияния.

Реконструкция этого процесса должна выглядеть детально. Для этого необходимо объединение методов и данных ряда дисциплин: истории, археологии, этнографии, искусствоведения, истории техники.

Иноземные аналогии рассматриваются преимущественно как прототипы для древнерусских украшений, при этом переработка внешнего воздействия местной традицией зачастую упускается. В реальности развития украшений суммировались общекультурные, стилевые и технические влияния, автохтонные традиции и навыки ремесленного производства. Картина переработки в различные исторические периоды была конкретна и своеобразна.

В восточнославянских культурах V–VII в. известны автохтонные височные кольца на широких кольцеобразных дужках с ромбической и спиральной орнаментацией. При реконструкции уборов с ними возможны этнографические параллели с костюмом славянских народов. Широкая дужка приспособлена для ношения в волосах и лентах головного убора. Кольцо является главной конструктивной частью украшения.

В этот же период славянам известны византийские серьги с подвесками и зернеными лучами. В конце VII–VIII в. распространяются звездообразные (пастырского типа) и амфоровидные височные кольца. Если амфоровидные являются подражанием иностранным формам, то не для всех форм звездообразных имеются близкие византийские прототипы, некоторые варианты аналогичны височным кольцам прежнего периода с ромбовидной орнаментацией. Сами украшения по сравнению с прототипом представляют собой другую категорию – не серьги, а височные кольца.

В IX в. у восточных славян распространяются лучевые височные кольца. В качестве прототипов для них общепринято указание на моравские и византийские формы. Но при сравнении прототипов и восточнославянского результата очевидна детальная разница. Непосредственной моделью были не византийские оригиналы и не их восковые технические копии, а некие новые модели, самостоятельно разработанные славянами для традиционного головного убора – более широкие и плоскостные украшения.

В X в. славянский элитарный убор испытывает «вторжение» гроздевидной наушницы. В более демократичном уборе с рубежа IX–X в. складываются бусинные формы височных колец. С одной стороны, они образовались на базе племенных: браслетообразных, перстнеобразных, ромбощитковых височных украшений. С другой стороны, варианты ювелирных бусин, надеваемых на племенные кольца, типологически и орнаментально происходят от гроздевидных наушниц. Ношение последних в традиционном славянском ленточном уборе было неудобно вследствие их объемности. Объемная подвеска могла носиться внизу ленты, для нанизывания на ленту лучше подходили кольца. Гроздевидная форма в славянском уборе в дальнейшем не привилась, но на основе ее упрощения в X–XI в. сложилось первое поколение трехбусинных колец.

С конца X и в XI в. Русь испытывает влияние византийской христианской культуры. Параллельное развитие местных традиций в главной мере воплощает скано-зерненый убор. Автохтонное развитие опирается на становление русского ювелирного ремесла, предпосылки для которого создаются в X в., а высококвалифицированное филигранное дело складывается ко второй половине XI в.

Археологические материалы позволяют предполагать, что в это время сосуществуют две формы традиционного головного убора: ленточный и кичкообразный. Они требуют несколько разных украшений.

В кичкообразном уборе носятся колоколовидные рясна, ранее связанные с формой бусинного кольца. Рясна выполнены в своеобразном местном «архаическом» стиле, но со знанием передовой византийской технологии.

В ленточном уборе в первой половине XII в. на основе переработки трехбусинных колец складываются лучевые колты. Первая их форма — на широкой дужке с верхним лучом — соответствует височным кольцам. Лучевая форма, трехвершинная дужка, геометрическая орнаментация обнаруживают аналогии со звездообразными украшениями VIII в., лучевыми — IX в. и гроздевидными — X в. Новый облик колта объединяет лучевую форму и объемность, что является результатом развития техники тиснения.

Главное византийское влияние в уборе состоит в распространении эмалевого убора как элитарного, а также — в орнаментальном и типологическом воздействии его на традициионный скано-зерненый убор.

Колты эмалевого убора имеют лунничную форму, их носят на ряснах-цепях. Местные формы скано-зерненых лучевых колтов вследствие этого также приобретают лунничную часть. Их начинают носить на ряснах-цепях. Бусинные кольца трансформируются в дужки и носятся в составе наборного очелья. Видоизменяется и стиль. От геометрического стиля филигранные украшения переходят к строгому и завитковому, распространенным в элитарном искусстве. Формы головного убора также иные: наборное очелье и диадема с убрусом, жесткие расширяющиеся уборы.

Таким образом, переработка внешних ювелирных воздействий также прошла определенный путь. В VI—X в. она в основном ограничивается упрощением иностранных форм и приспособлением их к традиционным типам головного убора. С конца X в. вырабатываются собственные типологические формы (первое поколение трехбусинных колец), но орнаментация в основном заимствуется. С XI в. разрабатываются собственный стиль орнаментации и типологические формы украшений (колоколовидные рясна и лучевые колты). Традиционный ювелирный убор складывается к середине XII в. Во второй половине XII в. происходит разделение драгоценного убора на элитарный провизантийский и более демократичный традиционный. Скано-зерненый традиционный убор испытывает типологическое и орнаментальное воздействие эмалевого.

О. Ф. Жолобов (Казань)

ЛЕТОСЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ И ДАТИРОВКА РУКОПИСЕЙ

Рукопись РНБ. Погод. 71а (ЕфрСир 1269—1288) является списком древнерусского письма, в котором сохранился наиболее полный и архаичный текст Паренесиса Ефрема Сирина, перевод которого был осуществлен еще в эпоху старославянской книжности. Рукопись содержит запись о времени ее написания: «Слава тобѣ г(с)и в сии часъ · В лѣто *семоѥ · тысѧщѣ* написашаса книгы сиа при ц(с)ртвѣ блг҃овѣрнаго ц(с)рѧ володимера · сн҃а василкова · оунука романова · б(г)олюбивому тивуну ѥго петрови да аще приключитьсѧ кому сиа книгы прочитати · то первоѥ помѧни строителя ихъ · написа же сиа книгы на сп(с)ныѥ своѥи дш҃и и чадомъ своимъ...» (329).

Л. В. Столярова вслед за А. И. Соболевским и некоторыми другими авторами интерпретирует *в лѣто семоѥ тысѧщѣ* как ‘в лето семитысячное’, т. е. в 1492 г.[1] В результате возникает

[1] *Столярова Л. В.* Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI—XIV веков. М., 2000. С. 120—122.

разногласие с последующим указанием на князя Владимира Васильковича, сына князя Василька Романовича и внука Романа Мстиславича, поскольку князь Владимир Василькович правил во Владимиро-Волынской земле в 1269–1288 г. Это противоречие предлагается объяснить воспроизведением записи писца раннего списка в списке 1492 г. с изменением первоначальной даты.

В действительности здесь никакого противоречия нет, поскольку фраза *в лѣто семоѥ тысѧщѣ* не может обозначать 'в лето семитысячное', а имеет значение 'в лето седьмой тысячи (лет)'. В этом обозначении нет ответа на вопрос «в лето какое, которое?», а имеется ответ на вопрос «в лето какой, которой тысячи лет?» Анализ летосчислительных обозначений показал, что сочетание «в лето» 'в год' обязательно предполагает согласовательную форму порядкового числительного: «*Въ лѣ(т) ·҂е҃·ное · осмьсотное* **о҃д**. КР 1284, 1в; *Въ лѣто ·҂а҃·ноѥ восмьсотноѥ · и ·к҃·е҃·* списаны быша книгы сиꙗ рабоу бж҃ию блг҃овѣрному и хр(с)тнолюбивомоу пантелѣимоноу мартыновичю ЕвПант 1317, 128 (зап.); *въ лѣто шеститисѧчноѥ и ѡ·и҃·сотноѥ. девѧносто. третеѥ* ГрЮЗ № 32 (1385); *В лѣ(т) ·҂а҃·ноѥ ·ѳ҃· сотъ ·҂а҃·ѥ* УСт 1398. Л. 151 об.; А писана на Москвѣ, *в лѣ(т) шестьтысѧчное и девѧ(т)сотное (т)ри(т)ца(т) шестое*» (ГрМ № 24 (1428)).

Сочетания разноразрядных числительных в этом случае включают и количественные числительные, но согласование с существительным *лето* обязательно выступает или в начальном или завершающем члене. В приведенных примерах даны обозначения в так называемом летосчислении от сотворения мира, но такие же отношения наблюдаются и в летосчислительных выражениях от Рождества Христова, которые стали употребляться под влиянием западноевропейской традиции (начиная с ГрС 1229. Сп. 1277–1279). Срв. согласование порядковых числительных со словом *лета* в РП: писа(н) листъ оу полотскоу. *лѣта* ѿ рожества х(с)ва *тисѧчного трисотного ѡсмьдесѧтого третего*. м(с)ца маѧ пѧтого дн҃ѧ ГрЮЗ № 31 (1383).

Если выражение *в лето семое тысяще* не обозначает точного времени написания Паренесиса, то для чего оно приведено в записи? Очевидно, это обусловлено его образно-символическим значением. Писец во второй части своей записи довольно ясно выразил эсхатологические настроения (*причти ихъ нѣосужнымъ прѣдъ тобою стати, оу конечномь родѣ* и под.), которые связывались с седьмым тысячелетием. Там появляются и формы мн. числа *лѣта, врѣмена*, которые подчеркивают, что он не имел в виду конкретного года в череде седьмой тысячи лет. См.: «...бе҃ съ ст҃ыми твоими *причти ихъ нѣосужнымъ прѣдъ тобою стати · помѧни ихъ г҃и во ц(с)ртвьи своѥмь съпаси дш҃а ихъ · Семоѥ тысѧщѣ оу конечномь родѣ бы(с) мужь в та лѣта* ѥмуже издѣно бы(с) оу ст҃омь крщ҃ѣньи петръ сыи бѧше *оу та врѣмена* тивунъ оу кнѧзꙗ володимѣра · и бы(с) оу него сн҃ъ именемь лаврѣнтии · егоже оуда оучити ст҃ымъ книгамъ · наказываш[е] ап(с)льскыми заповѣдьм[и] на всꙗ часы · самъ же сы[и] строꙗшеть сиꙗ книгы с[ъ] многомь тщаньѥм[ь] · на всѧ дни милуꙗ мастера...» (ЕфрСир 1269–1288. Л. 329–329 об.)

Эсхатологические мотивы поддерживались подлинной датой создания рукописи, которая относилась к концу восьмого столетия седьмой тысячи лет: 1269–1288 от Р. Х. = 6777–6798 от с. м. То, что сочетание *семоѥ тысѧщѣ* обозначало именно 'седьмой тысячи', а не 'семитысячный' или 'семь тысяч', видно из примеров с той же счетной формулой, но включающей формы порядковых числительных, согласованные с существительными *лето* и *год*: «А да(н) грамота ...*въ лѣ(т) се(м)десѧ(т)ное* после(д)него ста **се(д)мыѧ тысѧщи** Гр 1462 (т. е. в 6970 г.); въ лѣто **осмое тысѧшчи** *двадцать первого году*» (т. е. в 7021 г.) (западно-русская грамота 1513 г.)[2].

vs. *В лѣ(т) се(д)мьтысѧщное тре(т)ее* (запись в Апостоле 1495 г.).

vs. «а се евангелие положили ... *лѣта* послѣ семъ тысѧщи *втораго на десѧть*» (запись в Евангелии XIII–XIV в.).

[2] Здесь и далее цит. по: *Карский Е. Ф.* Славянская кирилловская палеография. М., 1979. С. 218.

Н. Ф. Злобина (Москва)

ПРОЛОГА, ПАТЕРИКИ, ПАЛЕЯ, ХРОНОГРАФЫ КАК ИСТОЧНИКИ ФОЛЬКЛОРНОЙ ПРОЗЫ

В Древней Руси с введением христианства были приняты книги, утверждающие христианское вероучение. С некоторой поры наиболее известными широкому кругу верующих стали пролога. Они включали в себя краткие жития святых, исторические сведения о церковных празднествах, нравоучительные повести, притчи, проповеди, назидательные слова, басни, анекдоты. Состав прологов был очень широкий, и все названные произведения брались из разных источников, в том числе из патериков: Синайского, Римского, Скитского, позже — патериков собственно русских. Скитский патерик, как отмечал еще Ф. И. Буслаев, «имел огромное влияние на так называемые народные книги, как на рукописные сборники, так и на лубочные издания». Сюжеты о загробной жизни, смерти грешника и праведника были популярны в рукописных сборниках, сюжет о покаянии беса старцу представлен в старинной лубочной картинке. С течением времени на Русь проникло большое количество произведений древнехристианской письменности, которые обрусели и фольклоризировались в соответствии с русской традицией.

Ф. И. Буслаев отмечал, что одинаковые сюжеты были интересны как католическому западу, так и православному востоку, но в разных традициях они получали специфические формы: на Руси это был «вид народной песни или сказки», а в Европе те же сюжеты были представлены в форме новелл, мистерий, повестей.

Киево-Печерский патерик содержит легенды о строительстве церкви Успения Пресвятой Богородицы, о возникновении Троянового или Змиева вала, о Борисе и Глебе. Мотивы этих легенд популярны в народных сказках и духовных стихах. Легендарная фольклорная проза широко представлена в Новгородском, Владимирском, Псковском, Муромском и других рукописных сборниках. Например, муромская легенда о Петре и Февронье в народе известна как сказка.

На русскую устную словесность оказали влияние Палея (толкование на ветхозаветные книги) и Хронографы, содержащие рассказы о церковной и гражданской истории. В устной словесности хождение имели такие сюжеты, как суды царя Соломона, о царице Савской, повесть о Китоврасе. Еще Ф. И. Буслаев привлек внимание к последнему сюжету, и его ученик А. Н. Веселовский сделал предметом своей работы. Повесть о Варлааме и Иоасафе из Палеи стала источником стиха «Разговор Иоасафа царевича с пустыней». Повесть была популярна и на западе, но русская традиция предпочтительно воспринимает аскетическую сторону повествования, западная — развлекательную. Из аскетической литературы в лубочных изданиях наиболее представлена была Лествица.

Жития, которые были составной частью прологов, содержали также топонимические предания.

Рукописная литература Древней Руси, с одной стороны, отражала возникшие в народе легенды и предания, способствовала сохранению их, с другой — становилась их источником.

Совместными усилиями фольклористики и медиевистики важно восстановить давнюю научную традицию изучения влияния книжного творчества на фольклор и значительно расширить предмет сопоставления, обратив внимание на важные явления художественной культуры Древней Руси.

А. С. Иванов (Даугавпилс), А. Г. Варфоломеев (Петрозаводск)

О ПЕРСПЕКТИВАХ И ПРЕДЕЛАХ ПРИМЕНЕНИЯ МЕТОДОВ КОМПЬЮТЕРНОГО ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ В МЕДИЕВИСТИКЕ (НА ПРИМЕРЕ КОМПЛЕКСНОГО ИЗУЧЕНИЯ КОЛЛЕКЦИИ "MOSCOWITICA – RUTHENICA")*

Использование компьютерных технологий в историческом источниковедении требует решения ряда вопросов о сочетаемости методов компьютерного источниковедения с традиционными методами критики источников, о сферах применения и эффективности современных технологий для полноценной исторической реконструкции. В настоящей работе делается попытка раскрыть возможности этих технологий в самых традиционных областях исторического источниковедения, оценить целесообразность их применения к изучению слабоструктурированных уникальных средневековых источников, показать перспективы их использования в репрезентации, обработке и интерпретации источниковой информации.

Для апробации компьютерных технологий выбраны источники, входящие в документальный комплекс "Moscowitica – Ruthenica"[1]. Выбор обусловлен высокой степенью репрезентативности его видового состава. С другой стороны, комплекс представляет собой естественную, исторически сложившуюся систему (совокупность) взаимосвязанных документов, что позволяет включить их в единую базу данных и подвергнуть многоаспектному исследованию.

В обобщенном виде идеальная модель изучения спонтанно сложившегося комплекса исторических источников с использованием компьютерных технологий может быть представлена как последовательное выделение фрагментов (компонентов) в тексте каждого источника в отдельности («разметка»), при этом начальные уровни разметки как бы «вкладываются» в более высокие уровни, представляющие более крупные компоненты текста. В результате воспроизводится набор операций, составляющих основу метода формулярного анализа[2]. Однако, в отличие от традиционного дипломатического метода изучения актового материала, компьютерные технологии позволяют включить в единую систему (базу данных) неограниченное число источников, проводить их параллельное изучение, сопоставление и сравнение по самым различным параметрам одновременно, не говоря уже об эффективном поиске разнообразных аспектов информации, которые рассредоточены в обширном комплексе документов. Существенно и то, что при выделении аспектов информации или компонентов текста не нарушается целостность и идентичность источников, включенных в компьютерную базу данных.

Определенную трудность представляет поиск адекватной компьютерной технологии, позволяющей реализовать все необходимые операции по источниковедческому изучению документов, так как, с точки зрения источниковеда, многие технологии являются «ущербными» – основные их недостатки заключаются в недостаточной гибкости, невозможности пересмотра принятой изначально схемы членения источников и заданного набора аспектов информации, по которым проводится комплексное изучение документов, а также в фактическом нарушении целостности источника как памятника истории и культуры. От большинства недостатков свободна лишь

* Исследование проводится при поддержке Государственного фонда культурного капитала Латвии и администрации Латвийского государственного исторического архива.

[1] О данном комплексе см. подробнее: *Иванов А. С.* "Moscowitica – Ruthenica" в Латвийском государственном историческом архиве: история формирования комплекса, состав и введение в научный оборот // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2004. № 3 (17). С. 47–54; № 4 (18). С. 94–106; *Ivanovs A.* Kompleksa "Moscowitica – Ruthenica" ieviesana zinatnes aprite // Latvijas Arhivi. 2004. Nr. 2.

[2] См.: *Каштанов С. М.* Русская дипломатика. М., 1988. С. 169–193; *Goetz, H.-W.* Proseminar Geschichte: Mittelalter. 2. Auflage. Stuttgart, 2000. S. 162–169.

технология XML (*Extensible Markup Language*[3]); она позволяет представить источник в виде иерархически упорядоченной совокупности фрагментов текста, которая является, в сущности, дополняемой, расширяемой, открытой системой. Поэтому именно данная технология и выбрана для осуществления проекта по публикации[4] и комплексному изучению коллекции средневековых источников "Moscowitica – Ruthenica".

Смысл применения технологии XML заключается, прежде всего, в оптимизации работы историка: у него появляется возможность значительно повысить степень репрезентативности, комплексности и достоверности результатов исследования, решить ряд задач атрибуции и датировки, провести качественный дипломатический анализ документов. Представляется, что и в исторической реконструкции технология XML может сыграть определенную роль – помочь создать сводное описание факта по различным, изолированным или связанным между собой параметрам.

В заключение следует отметить, что технология XML (впрочем, как и другие компьютерные технологии) на новом уровне воспроизводит операции, входящие в традиционный «арсенал» источниковеда, расширяет источниковую базу исследования и набор параметров для источниковедческого анализа, но при этом принципиально не меняет ни логику исторического исследования, ни содержание методов. Таким образом, естественные пределы применения компьютерных технологий обусловлены уровнем развития традиционного исторического источниковедения и других специальных исторических дисциплин.

---

[3] Extensible Markup Language. См.: www.w3c.org/XML/. См. также: *Bray T., Paoli J., Sperberg-McQueen C. M., eds.* Extensible Markup Language (XML) 1.0. Cambridge, 1998.

[4] *Иванов А. С., Варфоломеев А. Г.* Использование технологии XML для введения в научный оборот комплекса документов "Moscowitica – Ruthenica" // RCDL'2004. Электронные библиотеки: перспективные методы и технологии, электронные коллекции. Пущино, 2004. С. 285–289.

К. Иванова (София, Болгария)

ДОМЕТАФРАСТОВСКИЕ МУЧЕНИЧЕСКИЕ ЖИТИЯ В БАЛКАНСКОЙ АГИОГРАФИИ И В ВЕЛИКИХ ЧЕТЬИХ МИНЕЯХ МИТРОПОЛИТА МАКАРИЯ

Выступление представляет собой попытку внести некоторые уточнения в не потерявшие свою актуальность исследования А. В. Горского, К. И. Невоструева, М. Н. Сперанского, А. И. Яцимирского, А. С. Орлова, Н. Муравьева и других палеославистов по источникам Великих миней четьих (ВМЧ). Сравниваются отдельные мученичества, помещенные в южнославянских (главным образом, сербских XIV в.) календарных сборниках панегирического и четьего минейного типа и доступные автору тексты из ВМЧ (по изданиям и по рукописям). Сличение текстов позволяет сделать следущие выводы.

Южнославянский дометафрастовский репертуар привлекался в соответствии с русской традицией предшествующих эпох. Метафрастовские мученические жития, знакомые на славянском Юге, как правило, не находят места в ВМЧ.

В ВМЧ включаются обычно древние болгарские переводы мучений, посвященные святым, «второстепенным» по своей календарной позиции.

Отношение редакторов ВМЧ к южнославянским мученичествам находится в зависимости от их распространения на Руси до Макария.

Основная часть анализированных текстов ВМЧ отличается от своих протографов только нагромождением второстепеннных разночтений, являющихся следствием несознательных перемен в процессе распространения списков или переосмысления неясных мест. Исправление списков, заявленное самым митрополитом Макарием, меньше всего затрагивает балканские дометафрастовские тексты. Многие из них, по-видимому, относятся к тем сочинениям, по поводу которых сам Макарий замечает «…иная же и до днесь неисправлена пребысть».

Отдельные дометафрастовские мучения переведены заново или полностью редактированы с учетом греческого подлинника, однако пока неясно, в какой мере редакционные отличия являются результатом редакции писцов под руководством митрополита или в какой мере эти тексты следуют за уже существовавшими на Руси антиграфами.

О. Б. Ионайтис (Екатеринбург)

ЗНАЧЕНИЕ ПЕРЕВОДНОГО ТЕКСТА В ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ РУССКОЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ФИЛОСОФИИ

Русская культура всегда отличалась своей открытостью – способностью усвоить, творчески переработать ценности, воспринятые у других народов, внести в них свой смысл. Древнерусская мудрость, выступая уникальным явлением отечественной культуры, предстает активным субъектом общеславянского, европейского и мирового мыслительного процесса.

Говоря о разносторонних влияниях, которые испытывала Русь, необходимо отметить, что у каждого народа существуют свои постоянные и любимые, повторяющиеся в течение всей истории идеи и образы, сквозные мотивы и типы поведения, устойчивые комплексы представлений, переживаний и умозаключений, которые определяют характер заимствования из других культур. Национальная культура заимствует те элементы других культур, к восприятию которых она подготовлена ходом собственной эволюции. Существует так называемый «горизонт ожиданий», благодаря которому и осуществляется взаимообогащение культур. Он определяет и направляет все сферы культурной деятельности. Описанный в «Повести временных лет» Нестором Летописцем выбор вер свидетельствует о том, что Русь «ожидала» от новой веры получить такие ценности, которые удовлетворили бы ее назревшие потребности. Именно этим объясняется усвоение совершенно новых, дотоле неизвестных понятий, принципов и категорий, которые не обогатили отечественную культуру, но при этом не противоречили сформировавшейся национальной психологии и традициям.

Формирование и развитие русской средневековой философии явилось следствием принятия христианства и культурного воздействия Византии. Во многом философская мысль развивалась под влиянием философских концепций Византии. На характере восприятия византийского наследия оказали влияние особенности формирующегося русского средневекового философствования. Это, во-первых, связь философии и религиозного мировоззрения. Во-вторых, отражение философских концепций в публицистике и литературном творчестве. В-третьих, ориентация на практическое воплощение философских идей.

Переводные тексты, получившие распространение в средневековой Руси, могут рассматриваться в комплексе источников по русской средневековой философии, так как переводные тексты являлись основой собственной оригинальной философии русских мыслителей. Вследствие «ансамблевого характера» средневековой литературы переводная литература входила в состав национальной, а переводчик часто выступал соавтором переводимого текста. По причине господствующей гносеологической установки – переводчик, как и автор, воспринимал себя не

творцом, а истолкователем вневременной высшей истины. К тому же, выбор перевода определялся интересом переводчика и свидетельствовал об осознанности философского поиска.

Характерным примером влияния сочинений византийских авторов на русскую философию могут быть тексты византийских неоплатоников. Влияние неоплатонизма на формирование и развитие отечественного философствования осуществлялось в контексте воздействия византийской культуры на русскую, в том числе — через посредничество славянского мира. Переводные памятники русской средневековой литературы, содержащие сочинения Дионисия Ареопагита, Максима Исповедника, Филиппа Пустынника, свидетельствуют о том, что, получивший значительное развитие в византийской философии, неоплатонизм через переводные тексты становился известен в средневековой Руси. Большое количество переводов XIV—XVII в. говорит о популярности указанных авторов в среде русских средневековых книжников. Интерес к византийскому неоплатонизму у древнерусских мыслителей был вызван потребностью разобраться в религиозно-философских дискуссиях той эпохи, а главное — многие аспекты воспринятого учения византийских неоплатоников давали теоретическую базу для осмысления взаимоотношений человека и Бога.

Идеи, содержащиеся в сочинениях Дионисия Ареопагита, Максима Исповедника, Филиппа Пустынника ориентировали внимание отечественных мыслителей на поиск гармонии духовного и материального начал бытия, на возможности и цели богопознания, на устремленность человека к самосовершенствованию и пути к его достижению, ставили вопрос о зле и антроподицеи, обосновывали учение о иерархии, развивали понятийный аппарат русской средневековой философии.

Неоплатонизм нашел живой отклик у русских книжников, трактующих философию как жизнестроительное учение. Влияние византийского неоплатонизма отразилось в сочинениях отечественных средневековых мыслителей. Концепция византийских неоплатоников явились основанием для оригинального творчества русских средневековых философов. Особенностью интерпретации идей византийского неоплатонизма в русской оригинальной философии является то, что они были истолкованы исходя из конкретных реалий русской истории, связаны с ней. Нужно особо отметить, что характерная для неоплатонизма антропологическая и историософская направленность вызывала особый интерес и получила значительное развитие в сочинениях отечественных философов (митрополит Никифор, Нил Сорский, Максим Грек, Иван Грозный, протопоп Аввакум, Димитрий Ростовский, Афанасий Холмогорский, «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русского», «Сказание истинное, что есть София Премудрость Божия», «Краткий очерк психологии»).

В целом мы можем отметить, что воздействие византийской культуры на русскую было плодотворным и вводило Русь в поликультурную ситуацию эпохи и значительную роль в этом процессе играли переводные тексты.

М. Йовчева (София, Болгария)

СВЯТЫЕ ИТАЛИЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В ДРЕВНЕСЛАВЯНСКОЙ КНИЖНОСТИ: КУЛЬТ Св. ВИТА

Проблемы рецепции культа сицилийского святого Вита в раннюю славянскую книжность представляются частью дискуссионной области медиевистических исследований, касающейся путей проникновения святых италийского происхождения в славянский мир. Необходимость нового взгляда на пробдему обусловлена: а) исследованиями византинистов греческих переводов некоторых латинских житий и изданиями репертуаров византийской гимнографии, в которых были выявлены

факты чествованиях западных святых в византийской книжности вообще; б) открытием оригинальных славянских служб, посвященных западным деятелям церкви; в) новыми свидетельствами о литературных связях между славянским Югом и итало-греческими центрами в посткирилломефодиевскую эпоху (X–XI в.).

На основе филологических и культурно-исторических данных в докладе обоснована одна из гипотез о проникновении культа св. Вита в древнеславянский праздничный календарь. Внимание сосредотачивается на двух произведениях, связанных с чествованием святого – агиографическом (Мучении св. Вита, Модеста и Кресценции) и гимнографическом (Службе св. Виту, Модесту и Кресценции), которые рассматриваются по отдельности и в их ваимоосвязях. Так как житийный текст исследован с точки зрения локализации и хронологизации его перевода, то нужная информация может быть найдена в Службе. Ее изучение в контексте древнеболгарской оригинальной гимнографии приводит к некоторым иллюстративным параллелям с произведениями, авторство которых не подлежит сомнению. Сопоставление между гимнографическим и агиографическим текстами очерчивает хронологию их появления в славянской книжности и показывает, что Служба написана на основе Мучения. К филологическим и литургическим фактам добавлены и данные об активном почитании св. Вита в южнославянском народно-фольклорном календаре (т. н. *Видовдень*), преимущественно в сербских и западноболгарских землях.

Обобщение всех фактов с учетом свидетельств итало-греческих источников о культе сицилийского святого позволяет отвергнуть сложившееся представление о том, что этот культ вошел в восточноправославный мир через западнославянское посредничество, и аргументировать утверждение о его проникновении в западные балканские земли из италийских центров.

Очерченный путь проникновения памяти св. Вита, а также ее отсутствие в константинопольских календарях IX–X в. обуславливают ограниченную письменную историю славянских текстов, предназначенных для чествования сицилийского святого. Сравнение, однако, показывает неодинаковую популярность обоих типов произведений в славянской книжности: сопоставленная с Мучением Служба отличается более широким присутствием в ней. Объяснение этого факта учитывает, с одной стороны, особенности применения агиографических и гимнографических текстов в конкретной практике (богослужебной и монашеской), а с другой стороны, развитие каждой из книг, в составе которых они распространяются.

А. В. Каравашкин (Москва)

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ БИБЛЕЙСКИХ ТЕМАТИЧЕСКИХ КЛЮЧЕЙ

Центонно-парафразовый метод изучения древнерусских памятников стал в последнее время одним из самых популярных. Однако вряд ли его следует принимать без должной рефлексии. Отдельные герменевтические приемы, используемые историками, филологами, культурологами, восходят к небесспорной концепции «библейских тематических ключей» Р. Пиккио. Идея Пиккио относится к базовым положениям его культурологической теории о единстве и наднациональном характере Slavia Orthodoxa.

По мысли автора концепции, библейские тематические ключи позволяют выявить, кроме буквального исторического смысла средневекового текста, его сокровенное экзегетическое содержание, а оно, в соответствии с воззрениями итальянского исследователя, было родственным у всех православных славян. Следует заметить, что перед нами постулируемый идеальный тип истолкования, особая модель герменевтической реконструкции смысла, построенная на внутренне присущих тексту (имманентных) кодах, ключ к расшифровке которых скрыт в самом произведении.

Тем не менее в работах Пиккио содержится ряд недостаточно обоснованных утверждений, которые в некоторых случаях приводят ученого к произвольным выводам, требующим специальной проверки. В первую очередь, это относится к предложенным способам верификации неявных смысловых уровней древнерусского источника.

«Генетическое досье» текста не предопределяет автоматически его понимания. Это лишь одна из процедур предварительного исследования памятника, позволяющая в лучшем случае избавиться от объективизма, от приписывания тексту примитивной функции зеркала, «верно» или «неверно» отражающего действительность как таковую. Но всякое генетическое исследование имеет собственные пределы верификации; в случае с центонно-парафразовым подходом эти пределы слишком очевидны. Сторонник генетической критики рассматривает Библию как некий словарь традиции, с помощью которого хочет сразу же выявить и понять сокровенное содержание источника. Но чтение словаря не дает знания языка и способствует лишь заучиванию оторванных от потенциальных ситуативных контекстов словарных значений. Овладение языком средневековой культуры не сводится к единственному источнику смыслов. Идея универсального библейского тезауруса требует совершенствования самих методов изучения древнерусского текста в аспекте его смысловой непредсказуемости.

Если я исследовал происхождение явления, вовсе не значит, что я его понял. Я лишь выдвинул *версию его генезиса*, предложил *гипотезу*, которая целиком или в отдельных своих частях ставится под сомнение другой гипотезой. Генетическое исследование библейских тематических ключей ограничено именно потому, что несовершенно с точки зрения собственных приемов верификации. Смысл не складывается механически из суммы отдельных заимствованных элементов. В любом случае сверхзадачей истолкователя должна быть *реконструкция*, позволяющая раскрыть целевые установки автора, обнаружить проект, лежащий в основе *нового семантического содержания*[1]. Генетический подход такого проекта не видит, поскольку возводит сложное к простому, игнорируя закономерности построения сложного.

[1] *Лотман Ю. М.* Лекции по структуральной поэтике // Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М., 1994. С. 88.

В. Коваленко (Чернигов, Украина)

ВАРЯЖСКИЕ ДРЕВНОСТИ НА ЛЕВОБЕРЕЖЬЕ ДНЕПРА: ВОЗМОЖНОСТИ КОМПЛЕКСНОГО ПОДХОДА

Первые века становления Древнерусского государства, несмотря на более чем двухвековое изучение, продолжают во многом оставаться белым пятном отечественной истории. В значительной степени это связано с ограниченным объёмом письменных источников и относительной специфичностью археологических. Возможности же комплексного подхода к изучению проблем Древней Руси по-прежнему более декларируются, чем используются.

Одной из дискуссионных проблем ранней истории Древней Руси, как и ранее, продолжает оставаться вопрос об истинной, а не вымышленной роли скандинавских дружин в становлении Древнерусского государства.

Днепровское Левобережье в этом отношении можно считать достаточно репрезентативным регионом: здесь, на фоне многочисленных и безусловно количественно доминирующих памятников автохтонного славянского населения, достаточно широко представлены целые дружинные лагеря с синхронными погребальными комплексами, монетные и вещевые клады и т. д.

Наиболее ярким дружинным комплексом региона является, безусловно, Шестовицкий, имеющий к тому же почти полностью раскопанный некрополь (около 180 погребений), и широкими площадями исследованные в последние годы городище и посады (свыше 6000 кв. м). Материалы исследований как городища, так и могильника позволяют утверждать, что городище в ур. Коровель под Шестовицей возникло на рубеже IX–X в. как рядовой славянский посёлок на берегу Десны. В конце IX в. он был спешно оставлен жителями и сожжён, после чего на мысу возникает городище со сложной системой укреплений, не имеющей аналогий на синхронных славянских памятниках региона. В древностях как городища, так и могильника на этом этапе доминируют артефакты, имеющие параллели на Балтике и в Скандинавии, что подтверждают и материалы антропологических исследований, а также данные топонимики. Во второй половине – конце X в. картина существенно меняется, и в материалах памятника наблюдаются активные ассимиляционные процессы: прослеживается чересполосное размещение усадеб с типично славянскими жилищами-полуземлянками с глинобитными печами и с наземными большими жилищами с открытыми очагами, появляются вещи-гибриды, на могильнике отмечается постепенное нивелирование черт погребального обряда, и даже антропология свидетельствует о постепенном стирании в краниологических сериях нордических черт. В начале XI в. городище подвергается военному разгрому и в дальнейшем утрачивает своё первоначальное значение и своеобразие, превращаясь в рядовой сторожевой пункт в округе Чернигова.

Большинство отечественных исследователей рассматривают Шестовицкое городище как пункт сосредоточения подчинённой Киеву дружины, главной задачей которой был контроль за Черниговом, и датируют комплекс концом IX – началом XI в.

Вместе с тем, ряд исследователей были склонны видеть в Шестовице скандинавскую колонию либо же, наоборот, полностью отрицать здесь само присутствие варягов; рассматривать комплекс как сезонный торговый лагерь на Восточном пути; как центр сосредоточения альтернативных Киеву дружин викингов, пытавшихся создать на Левобережье самостоятельное государство и разгромленных вследствие походов Святослава; своеобразного предшественника Чернигова, возникновение которого отодвигается вследствие этого на вторую половину X в. и т. д.

Решение данной проблемы может дать только применение комплексного подхода к её изучению, с привлечением данных письменных, археологических, антропологических, нумизматических,

топонимических и др. источников. Такой подход позволяет не только подтвердить предложенную датировку комплекса (конец IX – начало XI в.) путём взаимной корреляции сведений разных видов источников, но и опровергнуть гипотезы о моноэтничном характере памятника, а также о его сезонном характере. Не выдерживают критики и предположения об уникальности комплекса на Левобережье Днепра или его антикиевской направленности: кроме Шестовицы, вокруг Чернигова концентрируются и другие подобные дружинные лагеря, хоть и более скромных размеров (Гущин, Оргощ, Звеничев, Седнев и др.), каждый из которых контролировал один из подходов к городу. Далее подобные центры распространяются не по Десне и Сейму, а резко поворачивают на северо-восток, к Смоленску (Стародуб, Кветунь и т. д.), опровергая тем самым их ориентацию исключительно на Восточный путь.

По нашему мнению, это полностью подтверждает интерпретацию указанных памятников как лагерей подчинённых киевским Рюриковичам полиэтничных дружин эпохи формирования Киевской Руси, предназначавшихся для осуществления контроля за автохтонным населением и обеспечения сбора полюдья. Общее изменение социально-политической ситуации на Руси и в регионе в целом вынесли свой окончательный приговор этим рудиментам эпохи формирования государственности.

Е. Л. Конявская (Москва)

АРСЕНЬЕВСКАЯ РЕДАКЦИЯ КИЕВО-ПЕЧЕРСКОГО ПАТЕРИКА И ТВЕРСКОЙ ЖЕЛТИКОВ МОНАСТЫРЬ

Вопреки весьма распространенному представлению о том, что так называемая Основная редакция Киево-Печерского патерика является древнейшей, текстологическое исследование ее списков, их хронология и сравнение с Арсеньевской редакцией патерика дают иные результаты. В Арсеньевской редакции отсутствуют значительные фрагменты Посланий Симона и Поликарпа, сохранившиеся в Основной. Однако есть тексты, которые читаются только в Арсеньевской редакции и отсутствуют в Основной. Таковы обращение Симона к Поликарпу в конце рассказа об Онисифоре и пожелание Симоном здоровья Поликарпу в конце Слова о создании Успенской церкви. Такое соотношение текстов означает, что обе редакции независимы друг от друга. Они восходят к некоей протографической редакции Патерика[1]. При этом данные языка[2] и хронология списков Основной редакции (все они не старше рубежа XV—XVI в.) свидетельствуют о ее позднем происхождении.

Древнейшим списком Патерика является рукопись, представляющая собой оригинал Арсеньевской редакции. Выходная запись сообщает, что инициатором создания книги был тверской владыка Арсений: «В лѣт(о) ҂ѕѧді индикта ді мца марта въ ка днь на памѧт стго ѡца Пѧкова созданы быша книги сиꙗ при блговѣрнѣмь великом кнѧзи Иванѣ Михаилович(е) замышлениѥмъ бголюбиваго епа Арсеньꙗ Тфѣрьскаг(о). Аминь» (РНБ. ОСРК. Q.n I.31. Л. 202б).

Каковы же причины, побудившие тверского епископа взяться за создание Патерика? В свое время А. А. Шахматов резонно заметил, что «Арсений более чем кто-либо другой из его современников мог интересоваться прошлым Печерской обители, где, может быть, он начал свою подвижническую жизнь»[3]. О таком подвизании в Киево-Печерском монастыре говорит Житие Арсения, из него же мы узнаем, что будущий тверской владыка пришел из

[1] Именно такую схему развития патерика предлагал А. А. Шахматов (см.: *Шахматов А. А.* Киево-Печерский патерик и Печерская летопись // Шахматов А. А. История русского летописания. СПб., 2003. Т. I. Кн. 2. С. 75–102).
[2] См.: *Поп Р.* Древнейший отрывок Послания Симона Поликарпу // ТОДРЛ. М.; Л., 1969. Т. 24. С. 95. Примеч. 11.
[3] *Шахматов А. А.* Киево-Печерский патерик и Печерская летопись. С. 99.

Киева на Русь вместе с митрополитом Киприаном, был его архидьяконом, затем в критической для церковной жизни Твери ситуации в 1390 г. был поставлен туда епископом.

Из того же Жития и тверских летописей известно, что Арсений основывает Успенский монастырь на р. Тьмаке «на Желтикове». Рассказ о создании монастыря в Житии Арсения, созданном, скорее всего, в том же монастыре, весьма подробен и пространен, но несколько расходится с летописными данными. В Житии не указаны даты основания монастыря и построения церквей в нем, но сказано, что в первую очередь, Арсений, выбрав место и получив поддержку от князя, **воздвизаетъ ц(є)рковь каменоу во имѧ Преч(и)стые Б(огоро)д(и)цы честнаго и славнаго Єѧ Оуспениѧ , ѕѣло краснѹ и извноу всю подписаннѹ, таже и трапезѹ постави древѧнѹ во имѧ пр(є)п(о)добныхъ ѿ(є)цъ Антониѧ и Феѡдосиѧ печерскихъ чюдотворец**[4]. Рогожский летописец, Симеоновская и Троицкая летописи под 6902 г. сообщают о создании не «трапезы», а церкви во имя Феодосия и Антония. Никоновская летопись под 6902 г. содержит известия о построении каменной церкви Успения Богородицы и о создании в том же монастыре «церкви теплой» по имя Антония и Феодосия. Московский свод и Воскресенская летописи говорят о закладке в монастыре главной каменной церкви Успения в 6912 г. Это же сообщение читается и в Никоновской летописи[5] (а под 6914 г. в ней содержится известие об освящении церкви)[6]. Посвящение церкви Феодосию и Антонию, а главной – Успению Богородицы, как в Киево-Печерском монастыре, свидетельствуют о том, что образцом для Арсения при основании обители служил Киево-Печерский монастырь.

Создавая такой монастырь, Арсений должен был позаботиться о том, чтобы в нем была книга, из которой монахи могли бы узнать о лавре, служившей примером при создании их обители, и ее подвижниках. Почитание в Желтикове монастыре Антония и Феодосия, объясняет, в частности, и наличие Службы Феодосию в рукописи 1406 г.[7]

---

[4] *Конявская Е. Л.* Житие св. Арсения епископа Тверского // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2001. № 3 (5). С. 80.

[5] А. Н. Насонов относил материал, связанный с Арсением Тверским из Никоновской летописи (за исключением рассказа о его хиротонии), к своду самого Арсения. Однако ученый не проанализировал дублировку известия о создании в Желтикове монастыре каменной церкви Успения под 6902 и 6912–6914 г. Очевидно, что Никоновская летопись (или ее тверской летописный источник) использовала и тот летописный свод, который был в распоряжении составителя протографа Рогожского летописца и Симеоновской летописи (по А. Н. Насонову, это свод Ивана Михайловича 1425 г.), соединив его материал с материалом свода Арсения.

[6] Возможно, под «трапезой» имелась в виду церковь в трапезной, по крайней мере, о такой церкви говорится в Описи монастыря 1764 г. Правда, в ней речь идет не о трапезной с церковью, а о церкви с трапезной: «Церковь теплая во имя преподобныхъ отецъ Антонія и Феодосія Печерскихъ и при ней трапеза объ одной главѣ, крыта черепицею, а церковь крыта тесомъ» (*Шереметев С.* Желтиковский монастырь в Твери. М., 1899. С. 25). С другой стороны, оба названия церквей упоминаются нерасчлененно в заголовке соответствующей главы Жития и в ее начальных строках: **Ѡ поставлении ц(є)ркве Пр(є)с(вѧ)тые Б(огоро)д(и)цы и пр(є)п(о)добныхъ ѿ(є)цъ нашыхъ Антониѧ и Феѡдоси□ Печерьскихъ чюдотворець и ѡ составлен□ монастырѧ, нарицаемое Желтиково.**
Вниде ж(є) бл(а)женномоу бл(а)гии помыслъ и в б(о)голюбезное его с(є)рдце, иже бы емоу храмъ воздвигноути во имѧ Пр(є)с(вѧ)тые Б(огоро)д(и)цы ч(є)стнаго Єѧ Оуспениѧ и пр(є)п(о)добныхъ ѿ(є)цъ Антониѧ и Феѡдосиѧ Печерскихъ (С. 79). Так или иначе, по-видимому, Житие вернее других источников отражает реалии, за исключением свидетельства о том, что церковь Успения сразу строится как каменный храм. Скорее всего, первоначально была построены главная церковь монастыря – Успенская (но была она деревянной) и деревянная трапезная с церковью во имя печерских чудотворцев. Каменная же церковь Успения строится с 1404 по 1406 г.

[7] Дальнейшее распространение редакции без Службы (и отсутствие ее в других более поздних редакциях) также объяснимо, ибо такая служба едва ли была нужна в Северо-Восточной Руси вне стен этого монастыря.

С. В. Конявская (Москва)

О СУЩНОСТИ ФЕНОМЕНА СОБИРАТЕЛЬНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ: СИНХРОНИЯ И ДИАХРОНИЯ

Явление собирательности в русском языке представляется достаточно очевидным и подробно разработанным, однако не строгим является даже состав класса собирательных существительных, критерии для отнесения или не отнесения существительного в этот класс. Привлечение диахронических данных дает интересные результаты и в такой не строго классифицированной на синхронном уровне области.

Говоря о собирательных существительных, необходимо разделить слова, обозначающие нечто, в действительности представляющее собой некое множество — **народ**, **горох**, **мусор**, — и слова, значение собирательности у которых отражено (или закреплено) в их формальной структуре — **тряпье**, **воронье**, **листва**, **профессура**.

Понятие «значение собирательности» зачастую применяется к обеим группам, поскольку, если анализировать не слова как таковые, а те сегменты действительности, которые ими названы, то различия между ними кажутся надуманными. В результате слова типа «**толпа**», «**народ**» — прямо исследуются в числе собирательных существительных, в то время как с точки зрения формальной организации этих слов для этого нет никаких оснований. Усложняется ситуация тем, что не определена даже сущность класса собирательных существительных — в лингвистической традиции встречаются такие разные формулировки, как «категория собирательности», «лексико-грамматическая группа», «лексико-грамматический разряд» и др.

Очевидно, что имеет смысл искать истоки такого положения вещей в истории языка — в истории развития слов «собирательных» только по структуре денотата и собственно собирательных *существительных*. При этом, видимо, к изучению необходимо должна быть подключена еще одна группа слов — отвлеченные существительные, формальная структура которых характеризуется теми же суффиксами, которым в структуре собирательных существительных и приписывается выражение значения собирательности. Это преимущественно суффиксы -ј-, -ств-, и их сочетание -ствиј- (помимо этих, которые представляется допустимым условно называть основными, как наиболее частотные, собирательные и отвлеченные существительные объединяют также и другие суффиксы: -от- (**красота**, **беднота**), -ур- (**профессура**, **квадратура**, **аспирантура**).

Таким образом, собирательные существительные оказываются, с одной стороны, связаны *семантически* с несобирательными существительными типа «**народ**», «**толпа**», а с другой стороны, *формально* связаны с несобирательными существительными типа «**астрономия**», — характеризующимися отвлеченной семантикой.

Таким образом, ситуация с суффиксами «собирательности» усложняется. И здесь есть две возможности: считать, что это все разные, но омонимичные суффиксы, и тогда встать перед проблемой критериев их различения, или же считать, что суффиксы это одни и те же, и тогда нуждается в уточнении их значение — с одной стороны, и природа явления собирательности — с другой.

Для выяснения этих вопросов представляется необходимым привлечь материал разных хронологических срезов, для того чтобы попытаться проследить возможную динамику, приведшую к такому положению вещей.

Анализ исторического материала показывает, что слова, образованные с помощью суффиксов -ј-, -ств-, -ствиј-, невозможно жестко разграничить на собирательные и несобирательные (отвлеченные считаемые и несчитаемые), не прибегая к механическому переносу такого разделения из современного состояния языка, в котором, в свою очередь, критерии для этого разграничения также заданы скорее описательно, чем алгоритмически.

Это позволяет утверждать, что эти слова представляли собой изначально менее структурно организованное образование, являясь, по сути, одним классом, объединенным словообразовательными средствами — суффиксами, и значением, которое, судя по всему, этому набору суффиксов соответствовало, — видимо, 'обобщенность понятия'.

Таким образом, группе собирательных существительных в современном русском языке имеет смысл, очевидно, приписывать статус словообразовательного типа. Для языка же древнерусской письменности вообще вряд ли целесообразно выделять эти слова в какую-то отдельную группу, ибо, как показал анализ, по сути, нет никаких особенностей, характеризующих *только их* функционирование. Они сочетаются со счетными словами, употребляются в отношениях свободного варьирования с формами простого мн. ч. обычных считаемых предметных слов (то есть не характеризуются выраженным значением отвлеченности), феномен согласования по смыслу объединяет их со словами типа **народъ** и т. п., но в сочетании с непоследовательным поведением этих слов в плане изменения по числам, этот аргумент не может считаться достаточно сильным для выделения особой группы. Очевидно, все слова данной словообразовательной структуры имеет смысл считать для древнего периода единым, хоть и весьма неоднородным классом, в котором впоследствии сформировалось значение отвлеченности и выделились его типы.

А. М. Кузнецов (Даугавпилс, Латвия)

К ВОПРОСУ О ДАТИРОВКЕ СПИСКОВ *А* И *Е* ТОРГОВОГО ДОГОВОРА СМОЛЕНСКА С РИГОЙ И ГОТСКИМ БЕРЕГОМ 1229 г.

После статьи В. А. Кучкина[1] не было работ, где бы взаимоотношение и датировка списков Торгового договора Смоленска с Ригой и Готским берегом 1229 г. были вновь подвергнуты анализу и пересмотру[2]. Согласно В. А. Кучкину, ни один список не является одновременным самому договору 1229 г., более того — все они представляют собой последующие редакции первоначального текста. При этом Договор неизвестного смоленского князя с Ригой и Готским берегом[3], датируемый теперь В. Л. Яниным[4] сер. XIII в., оказывается более поздним по отношению к договору 1229 г., но где-то одновременным с указанными списками договора 1229 г.

Нельзя сказать, что все доказательства В. А. Кучкина являются безупречными. К недоразумениям надо отнести утверждения историка, что «Мстислав Романович был дядей Мстиславу Давыдовичу» (С. 105). Давид и Роман, отцы указанных князей, являлись родными братьями, и, следовательно, Мстиславы — двоюродные братья[5].

Ошибочным оказывается и наблюдение: «Термин "правити" характерен только для договора сына Мстислава Романовича. Остальные смоленские грамоты XII—XIV в. его не знают» (С. 105), аналогию В. А. Кучкин нашел только в полоцких грамотах второй половины XIII вв.

[1] *Кучкин В. А.* О древнейших смоленских грамотах // История СССР. 1966. № 3 май — июнь. С. 103—114.

[2] Составители Словаря древнерусского языка (XI—XIV вв.) в Дополнениях и уточнениях к списку источников (см.: Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.). М., 2000. Т. VI. С. 17) приняли датировки В. А. Кучкина: сп. Е отнесен к 50—60 г. XIII в.; сп. D — 1270—1277 г. (оба списка представляют рижскую редакцию); сп. А — 1277—1279 г.; сп. В — 1297—1313 г.; сп. С — 1313—1358 г. (три списка готландской редакции); сп. F — XIV_2 в. (риж. сп.).

[3] В изд.: Смоленские грамоты XIII—XIV веков. Подг. Т. А. Сумникова, В. В. Лопатин. М., 1963. С. 15. Этот договор Т. А. Сумникова вслед за А. Д. Ботяковым и Н. Н. Усачевым отнесла к 1223—1225 г.

[4] *Янин В. Л.* К вопросу о датировке экземпляров D и К «Смоленской правды» // Археографический ежегодник за 1968 год. М., 1970. С. 107.

[5] *Строев П.* Ключ или Алфавитный указатель к Истории государства Российского Н. М. Карамзина. СПб., 1844. С. 32—33; Славянская энциклопедия. Киевская Русь — Московия / Автор-составитель В. В. Богуславский. М., 2002. Т. II. С. 396—397.

Но как раз список Е договора 1229 г. содержит примеры с этим термином: **или немѣ|цьскыи гость имѣтьсѧ бити мѣжи собою мечи в роуси· или соулнцами·| кнѧзю то не надобѣ никакомоу роусиноу· ать правѧть**ся **сами по своюмоу соу|доу· та же правда боуди роуси въ ризѣ и на готьскомь березѣ· ать правѧтсѧ| сами по своюмоу соудоу·** (Л. 50–54. Статья 10 b-c; в сп. А соответственно: **соудити** 38, **оурѧдѧтесѧ** 39); **или роусинъ долженъ боудеть| немчичю· а не хочетьсѧ платити ѥмоу· то просити дьцьского оу кнѧзѧ| или оу тивоуна· а децькыи возма почтоу же не исправить за неделю· лзѣ| ѥмоу роусина поꙗти домовь·** (Л. 61–64. Статья 14 a-b; в сп. А: **йсправить** 47). То, что здесь представлены возвратные формы и префиксальные дериваты, не имеет значения[6]. Термин отмечается и в Договорной грамоте Новгорода с Готским берегом 1189–1199 г. (Сп. 1262–1263 г.): **ѿже не правѧть· то кнѧзю ꙗвѧ| и людемъ взѧти свое оу гости·** (Л. 35–36 об.)[7].

Ошибкой не только В. А. Кучкина, но и многих лингвистов является трактовка значения существительного *посълъ* в готландской редакции договора 1229 г. как 'человек на дипломатической службе'. Такое понимание позволяло лингвистам во фразе: **та| два была послъмь оу ризѣ** (Сп. А. Л. 4–5) – видеть утрату двойственного числа[8], хотя в таких случаях форму дв. числа должна была заменить форма мн. числа. В. А. Кучкин же, обратив внимание на глагольные формы мн. числа: **из ригы йхали на гочкый берьго** (Сп. А. Л. 5) и форму единственного числа в конце грамоты: **сѧ грамота йсть выдана· на гочкомь берьзѣ пьрьдъ роускимь посломь· и пьрьдъ| всеми лати|нскими коупци** (Л. 101–102), пришел к выводу, что «противоречие между известиями начальной и заключительной части списка А вызвано или ошибкой писца, не знавшего конкретных деталей переговоров и оформления договора, или отражает какую-то последующую редакционную работу над текстом» (С. 107). На самом деле, слово *посълъ* здесь везде имеет значение собирательного существительного 'посольство', на что недавно указал В. Б. Крысько[9]. Все эти доводы В. А. Кучкина в пользу позднего происхождения готланской редакции договора 1229 г. и договора неизвестного князя необходимо отвести.

В. А. Кучкин попытался ослабить и значение палеографического исследования оригиналов списков договора 1229 г. Причины расхождения во времени между почерком сп. А (по Т. А. Сумниковой – начало XIII в.) и печатями он объяснил не тем, что к старому списку привесили новые печати, а тем, что писец «был человеком преклонного возраста, отсюда и архаическое написание некоторых букв». Обращение к оригиналам списков А и Е позволяет дополнить наблюдения Т. А. Сумниковой. Почерк приписки «о татарах» в сп. Е исследовательница отнесла к середине XIII в., отметив его подражательность. Я же считаю, что почерк сп. А и приписки в сп. Е принадлежит одному и тому же писцу. Приписка начинается с контурного инициала **Ꙗ**, подобные инициалы характерны для сп. А (строки 11, 14 bis, 23, 36), где они начинают каждую статью. Буквы обоих документов имеют засечки, совпадают начерки букв **ъ** (с пересечкой у **ꙗ**), **є** и **ѥ** (с коротким и длинным язычком), **ч**, **н**, **и**, **х**, **з**, **ж**, **ꙗ** (засечка на перемычке, не доходящей до **ꙗ**). Над буквами **ѥ**, **ꙗ** в приписке сп. Е стоят точки, которые регулярно используются в сп. А. Интервалы между буквами одинаково большие. Орфография приписки также обнаруживает

[6] В Словаре древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. IV. С. 71 глагол **ИЗПРАВИТИ** в этих примерах толкуется как 'исполнить что-л., совершить; выполнить, осуществить', а не 'рассудить; решить дело в судебном порядке'. Ср.: **ПРАВЕЖ** – взыскание долга, исполнение обязательства; **ПРАВИТИ** – взыскивать штраф, пеню, долг по обязательству (*М. А. Исаев*. Толковый словарь древнерусских юридических терминов. От договоров с Византией до уставных грамот Московского государства. М., 2001. С. 83).

[7] Цитирую по оригиналу, см. грамоту № 28 в изд.: Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949.

[8] *Горшкова К. В., Хабургаев Г. А.* Историческая грамматика русского языка. М., 1981. С. 161.

[9] *О. Ф. Жолобов, В. Б. Крысько*. Двойственное число // Историческая грамматика древнерусского языка. М., 2001. Т. II. С. 158–159.

сходство со сп. А: **немечкыхъ, немьцкыи, оу смолѣнеске**. Несколько отличается только тип титла в единственном сокращении **цр҃кве**, в сп. А титло также имеет пересечку: **вл҃дка**, реже используется другой вариант: **.г҃. гривнъ** (Л. 18), приближающийся к дуге. Идентичность почерков ставит перед исследователями новые вопросы.

А. Г. Коробейников (Санкт-Петербург)

ЛЕКСИКА ИМЕННОЙ ТЕМПОРАЛЬНОСТИ В ЛЕТОПИСНЫХ ТЕКСТАХ РАННЕГО НОВГОРОДО-ПСКОВСКОГО ЛЕТОПИСАНИЯ

1. Временное осознание действительности всегда содержало квантитативный элемент, особенно с момента начала осознания времени как линии, оси: «у дискретного времени имеются единицы измерения – временные интервалы, и процедура измерения сводится к их пересчёту»[1]. Поэтому группа существительных, обозначающих различные временные интервалы, занимает особое место в лексико-семантическом поле времени и заслуживает подробного изучения.

Материалом для исследования этой группы послужили древнерусские летописи – Новгородская первая, Псковские вторая и третья. Это одни из старейших сохранившихся летописей; обращение же к жанру летописей объясняется тем, что категория времени является в нём структурообразующей.

2. Наиболее сложная и ёмкая по семантике темпоральная лексема древнерусского языка – **вѣкъ** – опора нового христианского восприятия времени, организующий центр сакральной временной лексики. Эта лексема утверждает аксиологическую значимость человека в мире, часто связанную с сакральным временем: **и нас избави от всѧкыа печали и бѣды и напасти здѣ нынѣ в сии вѣкъ и въ бꙋдꙋщии вѣчныя муки аминь** (Пск. II 1169).

3. Также весьма актуальную роль в группе временных концептов играло слово **годъ**: это слово имело выраженное качественное, нравственно-этическое значение[2]. Тем не менее это верное для системы древнерусского языка предположение для рассмотренного материала не подтверждается: эта лексема вытесняется конкурирующей лексемой **лѣто**. Лексема **годъ** употребляется редко, в основном в составе готовых словесных формул: **и вывѣдоста мьстислава гюргевъ внукъ седевъшю ему годъ до года без недѣлѣ** (Новг. 1161). По нашему мнению, можно принять тот факт, что **годъ** скорее длительность, а **лѣто** – точка, что имело большее значение для летописного дискурса; поэтому **лѣто** употреблялось чаще (напр., **томь же лѣтѣ стоя всѣ лѣто ведромъ и пригорѣ всѣ жито** – Новг. 1161; **а по томъ на 3-е лѣто побѣдиша новгородци всеслава на кзѣне** – Пск. II 1066; **а ꙋмре же костянтин 65 лѣтъ** – Пск. III).

4. Наиболее частотной лексемой для отражения реального времени в древнерусском языке, как и в современном, был **дьнь.** Однако в летописях указание на день было крайне нерегулярным и связывалось только со значительными событиями (из рассмотренных источников эта лексема не встречается в Псковской 2-й летописи) как историческими (**и приде въ новъгородъ мѣсѧца септѧбрѧ въ 13 день на канонъ свѧтого воздвижениѧ** Новг. 1158), так и относящимися к «священной истории» (**и рече богъ да будетъ свѣтъ и бысть восиѧ въ 1 день в неделю месѧца марта въ 18 день 1-и день свѣта сего** – Пск. III). Летописец, вероятно, просто не оперирует подобными категориями.

[1] *Михеева Л. Н.* Измерение времени в русском языке: лингвокультурологический аспект // Филологические науки. 2004. № 2. С. 71.

[2] *Звёздова Г. В.* Русская именная темпоральность в историческом и функциональном аспектах. Воронеж, 1996. С. 68.

5. Лексема **часъ** была достаточно широко употребима в них в двух основных значениях — 1) **о велика бѧше бѣда въ час тыи и понекадила съима** (Новг. 1066); 2) **въ чясъ 6 дни опѧть приде всеславъ къ новугороду** (Новг. 1069). Чаще, разумеется, использовалось первое.

Вероятно, употребление именно этой лексемы в данном значении было призвано отразить кратковременность постигшей город неприятности (так как использовалась она именно для выражения периода бед и несчастий).

6. Только в датирующем контексте используются лексемы **мѣсѧць** и **индиктъ: приде кнѧзь романъ мьстиславиць вънукъ изѧславль новугороду на столъ мѣсѧцѧ априлѧ въ 14 въ вторую недѣлю по велице дни индикта пьрваго** (Новг. 1168).

Таким образом, употребление существительных, обозначающих время, в проанализированных древнерусских летописях зависит от жанровых и содержательных особенностей памятников. Первенство принадлежит лексемам с конкретным значением (**часъ**, **лѣто**, **месѧць**, реже **дьнь**), что обусловлено нарративным характером жанра. При этом доминирует слово **лѣто**, входящее в устойчивую формулу начала летописной статьи (**въ лѣто...**), а также обладающее богатой полисемией. Обозначения более дробных отрезков времени используются реже, поскольку характер повествования в летописном дискурсе отличается большим масштабом.

Источники

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 1950.
Псковские летописи. Вып. 1. М.; Л., 1941. Вып. 2. М., 1955.

В. А. Кучкин (Москва)

РАННИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА О СОТСКИХ

В средневековой Руси сотские составляли особую категорию населения. Однако ее характеристика в науке не прояснена. Несомненно, что сотские возглавляли сотни, но о том, как появились и что собой представляли сотни, исследователи спорят до сих пор. Общая оценка ученых взглядов по этому вопросу была дана в 1994 г. Л. В. Даниловой: «Большинство дореволюционных исследователей возводит сотенную систему к родовому быту, когда весь народ был вооружен и подразделялся на тысячи, сотни, десятки по кровнородственному принципу. Эта традиция была продолжена в советской литературе, связавшей происхождение сотенной системы с этапом военной демократии». Если собственно о сотнях древнерусские источники почти не говорят, то сотских они упоминают много чаще. Системный, а не выборочный анализ этих свидетельств позволяет точнее охарактеризовать деятельность сотских и лучше представить возглавляемую ими сотенную организацию.

Древнейшие упоминания сотских сохранились в летописях. Лаврентьевская, Ипатьевская и Новгородская I летопись младшего извода упоминают сотских в статье 996 года, где повествуется о пирах киевского князя Владимира Святославича. Под 1113 г. в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях в рассказе о восстании в Киеве сообщается о дворах сотских, разграбленных киевлянами. Новгородская I летопись старшего извода говорит в статье 1118 г. о заточении в Киеве Владимиром Мономахом и его сыном Мстиславом приведенных из Новгорода людей, ограбивших Даньслава и Ноздречу. Среди них был и сотский Ставр. Ипатьевская летопись повествует, что в 1179 г. смоленский князь Мстислав Ростиславич, приглашенный княжить в Новгороде, после похода на Чудскую (эстонскую) землю вошел в Псков, где арестовал сотских, которые выступали против правления в Пскове племянника Мстислава князя Бориса Романовича. Из Новгородской

I летописи старшего извода становится известным, что в 1195 г. новгородцы посылали послов к Всеволоду Большое Гнездо, прося у него сына на новгородский стол. Среди послов был сотский Никифор. Просьба не имела успеха. И тогда новгородцы в 1197 г. послали новое посольство к Всеволоду. Оно состояло из «передних» мужей и сотских. Посольство сумело договориться с могущественным князем. Та же летопись рассказывает о том, что перед Липицкой битвой 1216 г. князем Мстиславом Мстиславичем и его союзниками к владимирскому князю Юрию Всеволодовичу был отправлен для переговоров сотский Ларион. Ипатьевская летопись сообщает, как князь Даниил Романович собрал в 1231 г. вече в Галиче, на котором решался вопрос о войне с белзским князем Александром Всеволодовичем и неверными боярами. На вече выступил сотский Микула, который поддержал князя. Этим исчерпываются свидетельства о сотских в летописании домонгольской Руси.

В документальных материалах сведений о сотских сохранилось больше. Прежде всего, следует назвать такие памятники законодательства, как новгородские «Устав великого князя Всеволода о церковных судех, и о людех, и о мерилах торговых», «Устав Ярослава князя о мостех», Псковскую судную грамоту (статьи 20 и 78), Жалованную уставную грамоту Двинской земле 1397 г. (статья 10). В основе «Устава великого князя Всеволода» лежали новгородские нормативные источники 80-х г. XII в., которые дополнялись вплоть до начала XV в. Упоминание сотских в этом «Уставе» должно быть отнесено к этим источникам. Благодаря этому выявляются их функции в последней четверти XII в. «Устав Ярослава князя о мостех» содержит косвенные сведения о сотских в Новгороде более позднего времени: 1265—1267 г. В «Устав» включен перечень 19 новгородских сотен. 9 сотен названы по личным именам, что позволяет выяснить, кем были сотские. Статьи 20 (о суде сотских) и 78 (об участии сотских в размежевании земель) Псковской судной грамоты датируются 20—30-ми г. XIV в. и концом XIV в. К последнему времени относится и статья 10 (выплаты сотскому) Уставной грамоты Двинской земле. Сотских упоминает и целый ряд международных договоров XIII—XV в. Редакции D, E, F договора 1229 г. Смоленска с Ригой и Готским берегом называют посла смоленского князя сотского Пантелея. Договоры Новгорода 1264 г. с великим князем Ярославом Ярославичем, марта—мая 1471 г. с польским королем Казимиром IV, 11 августа 1471 г. с Иваном III сообщают об участии сотских в заключении договоров, судебных полномочиях сотских и штрафе за их убийство. В договорных грамотах 1390—1456 г. московских князей между собой сотские упоминаются как руководители черных людей. Фиксируются сотские и их обязанности в указной грамоте начала XIV в. великого князя Андрея Александровича на Двину. В новгородских берестяных грамотах № 154, 279 и 294 (20-е г. XIII в. — 20-е г. XV в.) упоминаются сотские в Новгороде, даются их имена и указываются функции.

Изучение названных источников позволяет установить, что институт сотских появляется достаточно поздно, в период существования Древнерусского государства. Первоначально сотские фиксируются исключительно в княжеских стольных городах: Киеве, Новгороде, Пскове, Смоленске, Галиче. Сотские составляли особую социальную группу, в ранний период состоятельную, складывавшуюся из представителей боярских фамилий. Сотские выполняли дипломатические функции, оказывали влияние на выбор горожанами князя, участвовали в войнах. Наряду с этим сотские занимались хозяйственной деятельностью, собирали следуемые им налоги, имели право суда, очевидно, над определенной категорией (или категориями) населения. К 70-м г. XV в. институт сотских распространился и на сельскую территорию, не утратив при этом своего привилегированного положения. За убийство сотского платили на 25% больше, чем за убийство простого человека. Данных о выборности сотских не имеется. Отсутствуют и намеки о связи этого института с догосударственным устройством восточнославянского общества.

А. Ю. Козлова (Коломна)

О КОЛОМЕНСКИХ РУКОПИСЯХ НАЧАЛА XV ВЕКА (КОЛОМЕНСКИЙ СПИСОК ТОЛКОВОЙ ПАЛЕИ 1406 г. И ЛЕСТВИЦА ИОАННА СИНАЙСКОГО 1422 г.)

Конец XIV – начало XV в. – это особый, переходный период в истории древнерусской книжности, который часто связывают с так называемым вторым южнославянским влиянием. Вопрос о его временных границах, о его причинах и даже сам термин до сих пор являются дискуссионными. Обращают на себя внимание работы М. Г. Гальченко, посвященные этой проблеме[1]. В каком же отношении ко второму южнославянскому влиянию находятся коломенские рукописи начала XV века?

Первая известная коломенская рукопись – это список Толковой Палеи 1406 г. В памятнике с различными дополнениями, комментариями передаются отдельные книги Ветхого Завета, сочинение имеет полемический характер: в нем яростно обличаются нехристианские верования. Список создан на пергамене, 1°, содержит 208 листов; хранится в ОР РГБ (Тр.-Серг. № 38) В рукописи идентифицируются пять почерков, три из которых являются основными. Какие же орфографические черты списка можно соотнести с новой орфографией эпохи второго южнославянского влияния?

1. В почерках второго и третьего писцов наблюдается написание буквы **а** после гласных. По мнению Гальченко, это один из наиболее рано появляющихся и широко распространенных в древнерусских памятниках признаков второго южнославянского влияния. Надо отметить, что в Сводной таблице графико-орфографических данных из 165 датированных древнерусских рукописей конца XIV–XV в. Гальченко почему-то указала, что этот признак в Коломенской Палее 1406 г. не представлен[2], хотя мы насчитали 52 написания у второго писца и 8 у третьего.

2. Второй писец употребляет диграф **оу** после согласного.

3. Третий писец употребляет знаки акцентуации: кендему, двойную оксию. Регулярно употреблял надстрочные знаки пятый писец, который производил правку рукописи и вставлял пропущенные инициалы.

4. Он же один раз, правя текст, употребил **ы** без отворота.

5. У третьего писца редко, в ограниченном лексическом материале, но появляются рефлексы *tert в виде **рѣ**.

6. Одним из рано появляющихся в древнерусских рукописях признаком второго южнославянского влияния является употребление буквы **ь** вместо **ъ** после букв твердых согласных на конце слов, написание **ъ** вместо **ь** в середине слова. В Коломенском списке все три писца достаточно широко пишут в суффиксальных морфемах вместо **ь ъ**, но на конце слова или предлога **ь** почти не употребляется.

Перечисленные особенности не позволяют утверждать, что в рукописи второе южнославянское влияние отразилось в полной мере, хотя в рукописях этого времени, написанных в Спасо-Андроньевом монастыре, в Троице-Сергиевой Лавре, это влияние уже отражается[3].

---

[1] *Гальченко М. Г.* О времени появления и характере распространения ряда графико-орфографических признаков второго южнославянского влияния в древнерусских рукописях конца XIV – первой половины XV вв. // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М., 2000. С. 123–152; *Гальченко М. Г.* Сводная таблица графико-орфографических данных из 165 датированных древнерусских рукописей конца XIV–XV в. // Книжная культура. Книгописание. Надписи на иконах Древней Руси. Избранные работы. М.; СПб., 2001. С. 383–445.

[2] *Гальченко М. Г.* Сводная таблица графико-орфографических данных из 165 датированных древнерусских рукописей конца XIV–XV в. С. 392.

[3] *Гальченко М. Г.* О времени появления и характере распространения ряда графико-орфографических признаков второго южнославянского влияния в древнерусских рукописях конца XIV – первой половины XV вв.

Вторая известная коломенская рукопись – Лествица Иоанна Синайского 1422 г. Список тоже пергаменный, в четверку, содержит 298 листов. В настоящее время хранится в ОР РНБ (Погод. №73). Рукопись, исключая приписки на первых листах, написана одним писцом – «**рꙋкою послѣднѧго въ діацѣхъ Іωанна** » (Л. 297)

В этой рукописи второе южнославянское влияние проявляется в полной мере. Можно указать на следующие особенности: регулярное употреблеиние греческих по происхождению акцентных знаков; использование запятой в разделительной функции; написания **а** в соответствии с /ja/: **чюдна҃а** (Л. 1) ; употребление **і** перед буквами гласных: **житіє** (Л. 1 об.) ; написания с **жд** в соответствии с *dj: **оутроуждьсѧ** (Л. 2),**осоуждаѥмꙋ** (Л. 26 об.), причем буква **д** в данных случаях почти всегда выносная; употребление **оу** или **ꙋ** после букв согласных **лѣствицꙋ** (Л. 1); употребление буквы **ь** на конце слов вместо **ъ: иакωвь** (Л. 9), **нечьстівь** (Л. 15), **се рекь** (Л. 49 об.); употребление графемы **ѕ** не только в цифровом значении; написание буквы **ы** без отворота и т. д.

Можно высказать предположение, когда же коломенские писцы познакомились и стали осваивать новые орфографические правила. А. Г. Бобров установил, что проводником второго южнославянского влияния на севере Руси был Лисицкий монастырь Рождества Богородицы, который находился в семи верстах от Новгорода[4]. Бывший игумен Лисицкого монастыря Иларион совершил хожения на Святую гору и принес оттуда рукописные книги. В 1396 г. Иларион становится архимандритом Московского Симонова монастыря. А 26 августа 1406 г. благославляется в епископа Коломенского. Основная часть Палеи была переписана до его приезда в Коломну. Лествица создается уже после его смерти (9 марта 1408 г.), но видно, что за время его недолгого пребывания на коломенской митрополичьей кафедре новые орфографические традиции приходят в Коломну и усваиваются.

[4] *Бобров А. Г.* Книгописная мастерская Лисицкого монастыря // Книжные центры Древней Руси XI–XVI вв. СПб., 1991. С. 78–98.

Д. Ю. Кривцов (Нижний Новгород)

ДАР ХАНШИ ТАЙДУЛЫ МИТРОПОЛИТУ АЛЕКСЕЮ: РЕАЛЬНОСТЬ ИЛИ ЛЕГЕНДА?

Информация о том, что по распоряжению ханши Тайдулы в дар для митрополита Алексея были изготовлены святительские ризы, впервые появляется в конце 20-х г. XVI в. в тексте Никоновской летописи. Она восходит к Пахомиевой редакции «Жития митрополита Алексея» (1459 г.), где вместо Тайдулы фигурирует не названная по имени «Амуратова царица» – якобы жена хана Амурата (1361–1363) – абсолютно вымышленный литературный персонаж. В годы правления Амурата Алексей в Орду не ездил, и вся история чудесного исцеления им слепой «Амуратовой царицы» и получения от нее в подарок риз была создана Пахомием Сербом на основе соединения известий Троицкой летописи с византийским «Житием св. Феодора Едесского» (IX в.). По полной аналогии с митрополитом Алексеем, св. Феодор исцелил нечестивого вавилонского царя Моавию и получил от него в числе прочих даров «ризы златым тканием устроены». После замены летописцами XVI в. вымышленной «Амуратовой царицы» на историческую Тайдулу и сюжет одарения ордынской царицей русского первосвятителя ризами, имевший литературные истоки, получил некую видимость исторической достоверности.

Тема «ордынского дара» митрополиту Алексею вновь зазвучала после того, как в 1968 г. Б. А. Рыбаков выявил на сохранившемся до наших дней саккосе этого митрополита дробницы восточной работы. Их происхождение он однозначно связал с поездкой Алексея в Золотую Орду в 1357 г. для исцеления Тайдулы и получением от нее даров. Данная точка зрения была поддержана и развита М. Д. Полубояриновой и Т. И. Макаровой. Последней было показано, что имеющийся саккос Алексея был создан на Руси в 1364 г. И следовательно, к предполагаемому дару Тайдулы 1357 г. могут принадлежать только 10 восточных дробниц, которые в таком случае должны быть перешиты с более раннего (не дошедшего до нас) одеяния. Однако очень широкая датировка этих дробниц, нижняя граница которой опускается до начала XIII в., оставляет множество возможностей для их попадания в митрополичью казну, а затем на саккос Алексея вне связи с его ордынской поездкой 1357 г.

Для подкрепления версии о даре Тайдулы М. Д. Полубояринова и Т. И. Макарова обратились к иконе Дионисия «Митрополит Алексей с житием», полагая, что на ней представлено исцеление Алексеем Тайдулы и имеется изображение подаренных ею святительских риз. Но как показано в работах В. В. Кускова и И. А. Кочеткова, Дионисий проиллюстрировал Пахомиеву редакцию «Жития митрополита Алексея», и поэтому на иконе представлена не Тайдула, а безымянная «агарянская царица». Чтобы совместить иконописное изображение с позднейшими текстами Никоновской летописи и Степенной книги, рассказывающими уже об исцелении Тайдулы, обеим исследовательницам пришлось произвольно менять последовательность клейм и стоящих за ними житийных эпизодов, помещая 6-е клеймо между 10 и 11-м и соединяя тем самым две ордынские поездки Алексея – к ханам Бердибеку и Амурату. Стремясь найти для одарения Алексея в Орде ризами более рациональное объяснение, нежели житийный рассказ о чудесном сне слепой ордынской царицы, Т. И. Макарова выдвинула предположение о возможном дарственном обмене одеждами между митрополитом и ханским семейством как части традиционного посольского церемониала. Но Алексей не был послом независимого государства и формально считался ханским подданным. О церемонии приема русских митрополитов при ханском дворе сведений в источниках нет. Кроме того, данное предположение исходит из необоснованно измененного порядка иконописных клейм Дионисиевой иконы.

В целом, ни восточные дробницы, ни икона Дионисия не являются достаточным свидетельством в пользу историчности дара Тайдулой святительских риз митрополиту Алексею и не могут опровергнуть выявленные легендарно-книжные истоки рассказа об этом даре у Пахомия Серба.

А. А. Кузнецов (Нижний Новгород)

ОБ «УЧАСТИИ» КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА ВСЕВОЛОДОВИЧА В БИТВЕ НА ЛИПИЦЕ

Часто вопрос о составе войска Юрия и Ярослава Всеволодовичей в битве на Липице в 1216 г. решается с использованием летописей, содержащих «Повесть о битве на Липице» (Софийская первая, Новгородская четвертая, Новгородская Карамзинская, Новгородская по списку П. П. Дубровского (далее – СIЛ, НIVЛ, НК2, НЛД)). С опорой на них ученые указывают на участие в битве Владимира Всеволодовича.

Данные Лаврентьевской летописи косвенно опровергают это: до 1213 г. Владимир поддерживал брата Константина Всеволодовича; в 1213 г. Юрий отправил Владимира в «ссылку» в Переяславль-Южный; там он женился в 1215 г., «был взят плен половцами в 1215 г. и

вернулся из плена только в 1217 г.»[1] и, освободившись в 1218 г., получил от Юрия Стародуб[2]. Но в «Повести о битве на Липице» зафиксировано участие Владимира на стороне братьев Юрия и Ярослава против смоленских князей и Константина: **Юрьи съ Святославомъ и с Володимеромъ вышел бѣше из Володимеря съ всею братьею**[3]; **И князь Юрии Всеволодичь съ С(вя)тославомъ и с Володимеромъ вышелъ из Володимеря**[4]; **А Юрьи съ Святославомъ и с Володимеромъ вышол бяше из Володимеря съ всею братиею**[5]; **Юрьи со С(вя)тославомъ и с Володимеромъ вышел бяше из Володимера со всею братиею**[6].

В других летописях это сведение выглядит иначе: **князь Юрьи з братьею вышелъ бѣ из Володимеря и со многою силою**[7]; **князь же Юрьи Всеволодичь со Святославомъ съ прочею братіею вышли бяху изъ Володимеря**[8]; **И Ярославъ выведе свою волость ис Переяславля, Владимира съ полкы Юрія, Святьслава**[9]; **а Юрій въ Володимери такоже вои скопи, а Святославъ Юріевьскій такоже**[10]. Здесь Владимир – стольный город Северо-Восточной Руси. Поэтому сведение об «участии» князя Владимира в битве на Липице надо искать в источниках, чьи сведения использовались составителями «Повести о битве на Липице».

По мнению Я. С. Лурье, князь Владимир на Липице упомянут в Новгородской первой летописи (далее – НПЛ) – основном источнике «Повести о битве на Липице»[11]. Но в цитате НПЛ младшего извода (**и скопи волость свою всю, а Юрьи свою, в Володимирѣ такоже, а Святославъ такоже**[12]) упоминание Владимира можно понять и как личное имя, и как полисоним. В НПЛ старшего извода это сведение читается однозначно: **а Гюрги свою Володимери такоже, а Святослав такоже**[13]. Это – город Владимир. Князь Владимир Всеволодович на Липице – ошибка неверного прочтения переписчиком, попавшая в НIVЛ, НК2, НЛД, СIЛ. Сведения Московского летописного свода, Ермолинской, Воскресенской летописей, где Владимир – это город – подтверждают данное объяснение. Сохранение этой ошибки в НIVЛ, НК2, НЛД, СIЛ на фоне ее исправления в более поздних летописях позволяет выдвинуть догадку о сознательном ее характере.

О. Н. Киянова (Москва)

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА МОНАСТЫРСКИХ ЛЕТОПИСЦЕВ XVII ВЕКА – ПАМЯТНИКОВ ПОЗДНЕГО РУССКОГО ЛЕТОПИСАНИЯ

Продолжительное время в науке бытовало мнение, что во времена опричнины Грозного русское летописание приходит в упадок и замирает. Многие памятники позднего летописания были просто неизвестны. Вероятно, этим объясняется тот факт, что изыскания А. А. Шахматова

[1] *Лурье Я. С.* Повесть о битве на Липице // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1997. Т. V. С. 463.
[2] ПСРЛ. М., 1997. Т. I. Стб. 442.
[3] ПСРЛ. М., 2000. Т. IV. Ч. I. С. 188.
[4] ПСРЛ. М., 2000. Т. VI. Вып. I. Стб. 265.
[5] ПСРЛ. СПб., 2002. Т. XLII. С. 108.
[6] ПСРЛ. М., 2004. Т. XLIII. С. 81.
[7] ПСРЛ. М., 2004. Т. XXIII. С. 65.
[8] ПСРЛ. М., 2000. Т. VII.С. 121; ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. XXV. С. 112.
[9] ПСРЛ. М., 2000. Т. XV. Стб. 25.
[10] ПСРЛ. М., 2000. Т. XV. Стб. 319.
[11] *Лурье Я. С.* Повесть о битве на Липице. С. 463; *Лурье Я. С.* Повесть о битве на Липице 1216 г. в летописании XIV–XVI вв. // ТОДРЛ. Л., 1979. С. 98, 112–113.
[12] ПСРЛ. М., 2000. Т. III. С. 256.
[13] Там же. С. 56.

ограничены летописями XVI в., и в работах историков русского литературного языка, посвященных периоду конца XVI–XVII в., им места нет. Это является существенным пробелом, поскольку выясняется сложная и богатая история позднего русского летописания. Филологическое изучение этих памятников имеет бесспорные перспективы. Исследование языка поздних текстов летописного характера[1] поможет лингвистам ответить на вопрос, каким был механизм сложного взаимодействия двух письменных традиций: книжно-славянской и деловой, в преддверии формирования единой системы литературных норм, ориентированных на живую речь народа, решить ряд теоретических проблем формирования русского литературного языка нового типа.

Для характеристики письменного текста наиболее показательными являются грамматические признаки, при этом анализ использования определенных грамматических форм (форм прошедшего времени, форм двойст. числа), синтаксических конструкций (оборота дательный самостоятельный (далее – ДС)), принципы оформления синтаксических отношений (целевых, причинных, временных и пр.) позволяют однозначно определить ориентацию языка памятника либо на книжно-славянскую традицию, либо на нормы языка деловой письменности (см. работы М. Л. Ремневой). Исследование с этих позиций языка летописей, созданных до сер. XVI в., однозначно свидетельствует о том, что они созданы в книжно-славянской языковой традиции. Поздние же летописи специфичны, они претерпевают модификации жанрового плана. В какой мере это отражается на их языке? Анализ языка «Летописца о зачатии Бежицкаго верху Николаевского Антониева монастыря...», одного из монастырских летописцев, возникших как явление в к. XVII – нач. XVIII в., обнаруживает ориентацию его грамматической нормы на книжно-славянскую традицию. Так, автор активно использует все формы прош. времени, причем отмечается принцип функциональной закрепленности определенной временной формы некоторых лексем за контекстом определенного содержания: всегда используется форма аориста при рассказе о кончине кого-либо (лексемы «*скончатися*», «*престивитися*»), при использовании иных лексем в аналогичном контексте возможно использование как формы на -л, так и формы аориста. В контекстах же, повествующих о дарении монастырю, всегда используется л-форма. В других контекстах формы аориста могут варьироваться с л-формами, причем установить закономерности такого варьирования не представляется возможным. Такие контексты могут сменяться потоком аористных форм (зависимость такого употребления от содержательных характеристик контекста также не отмечается). Автор активно использует имперфект в контекстах-живописаниях. Текст летописца знает оборот ДС, книжный союз *дабы* для передачи значения цели, форму двойст. числа согласуемого глагола в контекстах со словами, называющими парные части тела.

Ориентирован на нормы книжно-славянской письменности и язык Летописца Кирилло-Белозерского монастыря 1604–1617 г.[2], однако он допускает восточнославянский элемент в большей степени. Хотя здесь временные отношения оформлены с помощью книжного союза *егда*, также отмечается принцип функциональной закрепленности аористных форм за определенными контекстами, сосуществует аорист и л-овая форма в пределах одного законченного в смысловом отношении отрывка текста, преобладающей все же в тексте является л-форма (контексты о вокняжении князя, погодные записи); контексты двойственности знают только формы мн. числа.

[1] Языку летописей всегда было присуще сосуществование русских и церковнославянских форм на всех уровнях.

[2] Полагают, что это один из первых найденных памятников такого типа, он содержательно и композиционно значительно отличается от предыдущего текста. Этот летописец также содержит сведения по истории монастыря, но в него, помимо этого, включены и погодные записи, повествующие о событиях, важных для страны в целом; здесь отсутствуют списки дарителей и перечни подаренного. Возможно, эти различия определяют и различия языкового плана.

Ю. А. Лабынцев, Л. Л. Щавинская (Москва)

«СТАРОРУСКОЕ» ЦЕРКОВНОЕ НАСЛЕДИЕ В ТВОРЧЕСКОЙ СУДЬБЕ АДАМА МИЦКЕВИЧА

Мировая гуманитарная наука, накопившая за более чем вековую историю изучения жизни и творчества великого поэта многие тысячи самых разных по значимости работ, не ответила на ряд принципиальных по важности вопросов, по сути и не ставила их, часто питалась старыми мифами, создавая новые, а в канун недавнего 200-летнего юбилея «Пророка» вынуждена была признать недостаточность и даже несостоятельность ставшего почти традиционным взгляда на его наследие. К числу существеннейших нерешенных проблем, имеющих определяющее значение для понимания большого числа мицкевических биографических и творческих реалий, принадлежит и вынесенная в заглавие нашего доклада.

Расположенная в самом центре современной Белоруссии Новогрудчина — родина Адама Мицкевича — сохраняла на своих просторах множество памятников кирилло-мефодиевской духовной традиции, можно сказать, была переполнена ими. Традиция эта жила здесь полнокровно, продолжая прорастать из времен православной Древней Руси. С момента рождения её слагаемые окружали А. Мицкевича: церковные здания и церковная литургия, иконы, церковнослужители, церковные книги, белорусское простонародье, прямо или опосредствованно продолжавшее следовать старинной духовной традиции и, поселившись в доме Мицкевичей, оказавшее на поэта огромное влияние. Не исключено, что и предки А. Мицкевича исповедовали ту же духовную традицию, особенно если учесть большую вероятность его нешляхетского происхождения. И потому нельзя не согласиться с известным польским исследователем Е. Клочевским, который недавно написал: «...для тех поколений, для Мицкевича, Польша это еще прежде всего давняя Речь Посполитая с целой ее мозаикой народов и религий». Правда, в данную трактовку необходимо сразу внести весьма существенные количественные и качественные коррективы.

Так, на конец XVIII в. в Новогрудском воеводстве было примерно 160 униатских приходов, 50 православных приходов, принадлежавших к Киевской епархии, 12 базилианских монастырей, а вот римско-католических приходов было всего несколько. Даже в самой Новогрудке ко времени рождения А. Мицкевича во многом доминировала древняя кирилло-мефодиевская традиция, шли службы на церковнославянском языке, по крайней мере, в четырех униатских церквях и двух монастырях — мужском и женском, а чуть позднее также в одной, возможно, православной церкви, каковых за столетие до этого здесь было не менее десяти.

Примечательно, что тогда же знаменитая чудотворная икона Богоматери Новогрудской сыграла особую роль в судьбе поэта. Как рассказывал и писал он сам — она помогла вернуть его, малютку, выпавшего из окна, к жизни. Отныне и навсегда образ этот в памяти А. Мицкевича. Виделся он ему постоянно и в далеком Париже.

Необходимо вспомнить и о регулярных контактах отца поэта с настоятелем новогрудской церкви Св. Николая священником Александровичем, о священнослужителях истцах и ответчиках по многочисленным делам, которые он вёл как адвокат.

Совсем не случайно у молодого А. Мицкевича появляются не только друзья — выходцы из униатских семей и даже семей униатских священников, но и сами униатские священники, образы которых сразу же перекочевали и в его поэтические произведения, в частности, «Дзяды». Особенно близки молодому поэту были с самых юных лет отец и сын Горбацевичи, Тимофей и Иоанн — настоятели Преображенской церкви в Цырине к югу от Новогрудка в окрестностях Заосья. Весьма вероятно, что И. Горбацевич являлся одним из первых учителей шести-семилетнего Адама, ходившего на занятия в приходскую школу в Столовичах, где преподавал сын о. Тимофея.

В Вильне круг таких близких знакомых А. Мицкевича заметно расширился, в него попали и многие молодые университетские профессора, дети униатских священников, среди них И. Данилович и замечательный исследователь церковнославянской старины о. М. Бобровский. С этой стариной А. Мицкевич продолжал знакомиться и даже изучать ее и на Новогрудской земле, в частности, в известной библиотеке Хрептовичей в Щорсах, где он с 1819 г. бывал и плодотворно работал неоднократно. Совсем рядом со Щорсами, всего в пяти верстах к северу, находился древний Лаврышевский монастырь, в котором тогда сберегалось знаменитое в среде славистов всего мира пергаменное Лаврышевское евангелие, едва ли не главное из сохранившихся доныне символических свидетельств исконных православных устоев Новогрудской земли и всего Великого княжества Литовского, многовековой верности их тысячелетней кирилло-мефодиевской духовной традиции.

«Старорусское» церковное наследие оказалось для А. Мицкевича одним из важнейших источников становления его мировоззрения и творческого поэтического начала, воплощённым позднее во многих произведениях поэта. В конце его жизни наследие это со всей ясностью явилось отображённым в знаменитых лекциях в Collège de France, которые там читал профессор Адам Мицкевич, организатор одной из первых в Европе кафедр славянской литературы.

Л. В. Левшун (Минск)

КАТЕГОРИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ПОЭТИКИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ КНИЖНОСТИ

Церковная книжность, чьим творческим императивом было и есть «идите и научите все народы», сформировала соответствующую этому императиву поэтическую систему, основополагающей категорией которой явилась разработанная еще в святоотеческой иконологии *категория отношения*, образующая все прочие системные категории как свои модификации.

Канон, являясь «*метаксю*» между *объектом изображения*, «*автором*», «*заказчиком*» и «*творческим продуктом*», следит за тем, чтобы «творческий продукт» изображал реальность[1] в формах, доступных восприятию «заказчика»/адресата, и чтобы всякий создаваемый образ отсылал к своему архетипу, — то есть «предписывает» обязательный реализм изображения. Так что *канон* — не жесткая производственно-технологическая или художественно-эстетическая *норма*, но *способ создания художественного содержания в церковной культуре, то есть творческий метод*, который задает прочие категории поэтики.

Требование реалистичности предполагает, что аксиологическая иерархия «автора» должна «соответствовать» объективной (то есть заданной Творцом) аксиологии объекта изображения, поскольку невозможно изобразить то, что знаешь лишь «в притчах». Следовательно, категория «автор» есть модификация художественного канона в отношении характера творящего субъекта. Различные «авторы» создают в рамках единого канона различные творческие методы как его модификации.

Категория «предмет изображения» представляется модификацией творческого метода в отношении аксиологического статуса объекта изображения. Нарушение аксиологического соответствия между объектом и «авторским» восприятием объекта (=предметом) изображения приводит к нарушению принципа реалистичности художественного образа и, значит, отходу от каноничности.

Аксиологический уровень предмета изображения, как воспринимает его «автор», определяет *стиль как способ выражения художественного содержания*: «высоким» предметам соответствует

[1] В церковной культуре это реальность Божия домостроительства спасения как «герменевтическое пространство» бытия собора верующих.

«высокий стиль» и т. д. Категория «стиль» в поэтике церковной книжности представляется как модификация творческого метода (=канона) в отношении предмета изображения.

Вместе с тем реалистическое (=каноническое) изображение может быть воспринято как именно реалистическое лишь при условии, что аксиологические статусы «творческого продукта» в ценностных иерархиях «автора» и «адресата» совпадают (или, по крайней мере, сопоставимы). В противном случае наблюдается «мифологизация» или «мистификация» художественного образа в процессе его восприятия реципиентом. Так что категория «*адресат*» в поэтике церковной книжности есть модификация творческого метода в отношении аксиологической иерархии воспринимающего субъекта.

Характер «адресата» определяет *жанр* (жанровую ассоциацию) *как форму сообщения художественного содержания*: для «начинающих» наиболее доступны формы агиографии (-био-, -историо-, -топо-, -космо- и др.); для «преуспевающих» — экзегетики; для «совершенных» — панегирика, что и учитывается, в частности, в системе типикарных чтений. Таким образом, «жанр» как категория есть модификация творческого метода в отношении характера «адресата».

Однако характер «адресата» в каноническом художестве детерминирует также и выбор «автором» предмета изображения: «младенцам — молоко, а совершенным — совершенную пищу», по апостолу. А поскольку от предмета изображения зависит стиль изложения, то категории жанра и стиля системно взаимовлияют друг на друга, являясь отражением категориальных отношений «предмет» — «адресат».

Как только хотя бы в одном из названных отношений случается «сбой», произведение системно «выпадает» из художественного *канона* христианского творчества, хотя может оставаться в культурном обиходе.

А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский (Москва)

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ КУЛЬТА СВЯТЫХ У РЮРИКОВИЧЕЙ XI—XII в.

Культ святых в роду Рюриковичей теснейшим образом связан с рецепцией христианства и почитанием святых в той стране, где они правили. Нам уже приходилось говорить о том, что в княжеской среде домонгольской Руси преобладала тенденция к «синкретическому» почитанию святых, к своеобразному накоплению и объединению святых покровителей. Что же стоит за термином «синкретизм» и в каких конкретных, надежно зафиксированных данных он проявляется?

Мы предполагаем, что князь, получив крестильное имя в честь определенного святого, например, в честь Андрея Первозванного, особым образом чтил не только апостола, но и всех небесных тёзок Андреев, как то: Андрей Стратилат, Андрей Критский, Андрей Юродивый... Тезоименность становилась своеобразным стержнем, объединяющим всех носителей этого имени, живых и умерших, земных правителей и святых. Сам по себе обычай уподобления на основе совпадения имен, разумеется, очень древний, обладавший к XI в. собственной богатой традицией в общехристианской практике. На Руси при этом он очень хорошо совмещался с традиционным обычаем уподобления нового члена рода умершему предку с помощью имени. Каждый вновь нарекаемый Андрей, таким образом, уподоблялся всем св. Андреям и всем своим предкам-князьям, прежде носившим это имя.

С другой стороны, особые отношения связывали члена правящего рода и со святыми покровителями своих ближайших родичей, отца, матери, деда, прадеда. Хотя строгого запрета на совпадение христианских имен ребенка с именами живых отца и деда в домонгольской Руси не было, чаще всего имена им все же подбирались разные. Разными были, соответственно, и небесные

покровители. Таким образом, князь по имени Федор чтил, например, Федора Тирона и Федора Стратилата — своих небесных тезок воинов, а также всех свв. Андреев, тезок своего деда и дяди, а возможно, и нескольких свв. Георгиев, тезок своего прославленного прадеда.

Дело осложнялось еще и тем, что почитание некоторых святых, первоначально ставших патронами каких-то определенных князей, иногда принимало характер общеродового культа, и в таком случае св. Георгий или архистратиг Михаил, к примеру, могли особенно чтиться кем-либо из Рюриковичей, хотя никто из его самых ближайших родичей такого имени в крещении не носил. Характерным образом, культы святых тезок и не-тезок не обособлялись, не разграничивались, а поддерживали друг друга, перплетаясь и почти сливаясь воедино.

Свидетельства подобного рода синкретизма в почитании святых достаточно многочисленны. В частности, одним из его наглядных проявлений может служить отраженная в летописях связь фактов церковного строительства с церковным календарем. Вообще говоря, при имянаречении как таковом месяцеслов в эту эпоху (XI—XII в.) играл, скорее, вспомогательную, нежели определяющую роль в княжеской среде. В то же время дни памяти тех или иных святых, тезоименитых князьям, безусловно, отмечались и выделялись.

Так, мы с достаточной уверенностью можем заключить, что небесным патроном князя Святополка Изяславича был архангел Михаил именно благодаря тому, что с фигурой Святополка-Михаила связано, вероятно, одно из первых упоминаний в летописных источниках празднования именин. Незадолго до Собора архистратига Михала (8 ноября) Святополк приглашает остаться на свои именины Василько Теребовльского (ПСРЛ. Т. I. Стб. 258 под 1097 г.; Т. II. Стб. 232). Кроме того, сохранились разнообразные печати с изображением архангела Михаила, атрибутируемые В. Л. Яниным Святополку Изяславичу. Архистратигу Михаилу был посвящен и киевский «Святополчь» монастырь, построенный князем. Любопытна, однако, дата закладки Михайловской церкви, зафиксированная под 1108 г. — 11 июля (ПСРЛ. Т. I. Стб. 283; Т. II. Стб. 259). Это канун празднования другого св. Михаила, также почитаемого на Руси, Михаила Малеина.

Князь Всеволод Ольгович в 1144 г. закладывает церковь св. Георгия в Каневе (ПСРЛ. Т. II. Стб. 317; Т. VII. С. 35). Скорее всего, сам князь был в крещении Кириллом, а не Георгием. Однако св. Георгий, один из любимейших общерусских святых, был особенно чтим в его семье — Георгиевская церковь была, например, в личной резиденции его родного брата Игоря Ольговича (не исключено даже, что Игорь носил имя Георгий). Важен при этом день, в который Всеволод закладывает каневскую церковь св. Георгия, — 9 июня, день памяти св. Кирилла Александрийского.

Более сложен случай, связанный со строительством знаменитой Андреевской церкви в Переяславле. Принято думать, что время ее постройки относится к переяславскому княжению Всеволода-Андрея Ярославича. Судя по сфрагистическим данным, патроном этого князя мог быть Андрей Первозванный (30 ноября), а в позднем летописании и сама эта церковь связывается с апостолом Андреем (ПСРЛ. Т. IX. С. 116 под 1091 г.). В то же время некоторые исследователи полагали, что церковь была построена позднее, в память о появлении на свет внука Всеволода, Андрея Доброго. Ему же поздний летописный источник приписывает патронат Андрея Стартилата (ПСРЛ. Т. XV. Тверская летопись. Стб. 188). Казалось бы, данные о дне закладки храма могли бы уточнить, когда и в честь какого святого он возводился. П. А. Раппопорт на основании археологической реконструкции указал в качестве такой даты празднование Андрею Стратилату (19 августа). Парадоксальным образом, однако, эта дата не помогает нам выяснить, ни с каким князем связывалось строительство церкви, ни кто был его патрональным святым, ни во чье имя был освящен самый храм. Всеволод-Андрей Ярославич, например, будучи крещен в честь апостола Андрея, вполне мог заложить храм во имя этого святого на память летнего Андрея, Андрея Стратилата. С другой

стороны, вполне возможно, что он строил храм непосредственно во имя другого своего небесного тезки, Андрея Стратилата, а после его смерти во имя Стратилата же был назван его внук.

Подобная неясность показательна сама по себе — для князей куда важнее оказывалось объединение всех святых тезок и семейных покровителей, нежели их разделение и противопоставление. Так, техническая необходимость закладывать храм летом получала символическое осмысление, позволяющее объединить и почтить сразу нескольких святых, тезоименитых правящему князю или кому-либо из его ближайших родичей.

П. В. Лукин (Москва)

РАННИЕ НЕЛЕТОПИСНЫЕ УПОМИНАНИЯ ВЕЧА

Изучение социально-политической истории Древней Руси невозможно без тщательного анализа терминологии источников (хотя и не должно им подменяться). Примеры такого анализа есть в историографии[1]. Термин «вече» также становился предметом исследования[2]. Недавно мной была сделана попытка провести терминологическое исследование этого понятия, в результате которого я пришёл к существенно иным выводам, чем предшественники[3]. Однако в этих работах термин «вече» рассматривался только на материале летописных упоминаний. Более того, в материалах картотеки Словаря древнерусского языка XI–XIV в., хранящихся в Институте русского языка РАН, указаны только летописные упоминания веча; может быть, и это обстоятельство стало одной из причин отсутствия исследовательского интереса к поиску нелетописных упоминаний. Между тем, такие упоминания, хотя и по-видимому единичные, есть. На одно из них обратил внимание и весьма тщательно разобрал греческий учёный Ф. Малингудис. Его статья остаётся единственной работой, затрагивающей данную тему[4].

Хотя Ф. Малингудис, ссылаясь на Slovník jazyka staroslovenského, утверждал, что отмеченное им упоминание веча в Супрасльской рукописи «представляет собой hapax legomenon, по крайней мере, в древнецерковнославянском каноне»[5], в действительности это не совсем так. Даже в словарях старославянского и древнерусского языков зафиксировано несколько упоминаний лексемы «вече» и производной от неё — «вечники» в ранних памятниках[6]. Под условным выражением «ранние памятники» мы понимаем здесь или рукописи, созданные до середины XIII в., или тексты в более поздних рукописях, созданные в раннее время.

Сначала о лексеме «вѣче» (вѣште). Самое раннее упоминание — в «Слове» Иоанна Златоуста на Великий Четверг в составе Супрасльской рукописи, где говорится о замысливших погубить Иисуса иудеях: «Пакы мятежъ ся жидовьскыи несьмыслнъи родъ, пакы на пастоуха лаютъ, и еи пакы на владыку вѣште творять раби, пакы совѣть творять тьмнии дѣлатели»[7]. При

[1] См., например: *Rahbek Schmidt K.* Soziale Terminologie in russischen Texten des frühen Mittelalters (bis zum Jahre 1240). Kopenhagen, 1964; *Завадская С. В.* О «старцах градских» и «старцах людских» в Древней Руси // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978; *Завадская С. В.* К вопросу о «старейшинах» в древнерусских источниках X–XIII вв. // Древнейшие государства на территории СССР. 1987 год. М., 1989; *Горский А. А.* Древнерусская дружина. М., 1989.

[2] См.: *Пашуто В. Т.* Черты политического строя Древней Руси // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 24–51; *Granberg J.* Veche in the Chronicles of Medieval Rus. A Study of Functions and Terminology. Göteborg, 2004.

[3] См.: *Лукин П. В.* О так называемой многозначности понятия «вече» в русских летописях. Домонгольское время // Неисчерпаемость источника. К 70-летию В. А. Кучкина. М., 2005.

[4] *Malingoudis Ph.* Zu einigen Verfassungstermini des Codex Suprasliensis // Cyrillomethodianum. Thessalonique, 1981. V.

[5] Ibidem. S. 200.

[6] *Срезневский И. И.* Материалы для Словаря древнерусского языка. М., 1989. Т. I. А-К. Стб. 499–500, 501; Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975. Вып. 2 (В-Волога). С. 129, 131.

[7] Супрасълски или Ретков сборник / Заимов Й., Капалдо М. София, 1983. Т. II. Гл. 37, 23–26.

обращении к греческому оригиналу выясняется, что словосочетанием «вѣште творять» славянские переводчики передали греческий глагол στασιάζουσιν («восстают»)[8]. Второе — в славянском тексте Хроники Георгия Амартола, где сообщается о том, что основатель Рима Ромул (в переводе Ромъ, в греческом оригинале Ῥῶμος) «расѣченъ бысть на оуды»... «въ вѣчи Римьстѣмь»[9]. В оригинале вечу соответствует греческое слово τό βουλευτήριον (совет). Третье — в толковании Феодорита Кирского на пророка Амоса (на 5, 12—13): «Нравъ есть пръвия чяди всея пред враты граду творити вѣще и суды»[10] (в греческом оригинале: Ἦθος ἦν τοῖς παλαιοῖς... περὶ τὰς πύλας τοὺς συλλόγους ποιεῖσθαι, καὶ τὰ συνέδρια, т. е. вечу соответствует понятие σύλλογος — «собрание»)[11]. А в Толковом Апостоле Никиты Ираклийского в толковании на Рим. 8: 31 мы видим: «Да не глаголеть яко цесареве на ны и вѣча»[12], где словом «вѣча» передана греческая лексема δῆμοι («народ», «люди», «толпа»)[13].

В одном из словарей указывается ещё одно упоминание лексемы «вече» в значении «речь, увещевание; предречение; приговор, решение веча»[14] — в Чтении Андрея Критского на Лазареву субботу из Успенского сборника.[15] Однако сличение с греческим оригиналом показывает, что обороту «не вѣча азъ въставлю братъ ти» соответствует фраза: οὐκ εἶπεν· Ἐγὼ ἐγερῶ τὸν ἀδελφόν σου[16], т. е. «не сказал: "Я воскрешу брата твоего"». Лексеме «веча» соответствует греческое слово εἶπεν — аорист 3-его лица единственного числа глагола λέγω (говорить). Таким образом, и форма «веча» представляет собой глагол в аористе. По всей видимости, это аорист от глагола вѣщати (вѣща) — «сказать» («сказал») — с древнерусским отражением южнославянского «щ» как «ч».

Есть и раннее упоминание «вечников». В славянском переводе Толкового Евангелия от Луки Феофилакта Болгарского в толковании на 22: 1-6 говорится о римских воинах, охранявших порядок в Иерусалиме, во время празднования Пасхи иудеями: «...приставишя бо римляне к людемь нѣкиа, яко да не възмутятся, вѣчници /иудеи. — *П. Л.*/ бо бѣху»[17]. В греческом оригинале вечникам соответствует прилагательное στασιώδεις[18] (мн. ч. от στασιώδης — «мятежный», «бунтарский»).

Этот краткий и, вполне вероятно, далеко не полный обзор показывает, что в ранних славянских и древнерусских переводных памятниках слово «вече» передаёт разные греческие понятия. Выделяются две традиции: в рамках первой термины «вече» и «вечники» ассоциируются с мятежом и мятежниками и имеют явно пейоративный оттенок; переводчики используют их, когда хотят охарактеризовать какие-то нелегитимные формы коллективных общественных проявлений.

---

[8] Здесь и далее значения греческих слов даются по: *Дворецкий И. Х.* Древнегреческо-русский словарь. М., 1958. Т. I—II; Glossarium ad scriptores mediae et infimae graecitatis / auctore C. du Fresne, Domino Du Cange. Lugdunum, 1688. T. I—II; A Patristic Greek Lexicon / ed. by G.W.H. Lampe. Oxford, 1991.

[9] *Истрин В. М.* Книгы временьныя и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Пг., 1920. Т. I. С. 41; См. также: Т. I. С. 602; Т. III. С. 41, 225.

[10] Книги XII малых пророков с толкованиями в древнеславянском переводе / приготовил к печати Н. Л. Туницкий. Сергиев Посад, 1918. Вып. 1. Книги Осии, Иоиля, Амоса, Авдия и Ионы. С. 54—55.

[11] Theodoreti Cyrensis episcopi opera omnia. Commentarius in Amos prophetam // Patrologiae Cursus completus. Series graeca / accurante J.-P. Migne. P., 1859. T. LXXXI. Col. 1689 (далее: PG).

[12] *Воскресенский Г.* Древний славянский перевод Апостола и его судьбы до XV в. М., 1879. С. 67.

[13] О времени создания и характере переводов толковых Евангелия, Апостола и пророков см.: *Алексеев А. А.* Текстология славянской Библии. СПб., 1999. С. 37—38, 161, 178—179.

[14] Словарь русского языка XI—XVII вв. С. 129.

[15] Успенский сборник XII—XIII вв. М., 1971. С. 376.

[16] S. Andreas Cretensis archiepiscopus. Homiliae XXI, ex editione Gallandii et Francisci Combefisii collecta et juxta ordinem analogicum dispositae. Oratio VIII. In Lazarum quatriduanum // PG. T. XCVII. Col. 972.

[17] Великие Минеи-Четии. Октябрь. Дни 4—18 / Памятники славяно-русской письменности, изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1874. Стб. 1452.

[18] *Theophylacti Bulgariae archiepiscopi* opera quae reperiri potuerunt omnia. Enarratio in Evangelium Lucae // PG. P., 1864. T. CXIII. Col. 1064.

Чёткого социального содержания они не имеют и не могут быть отнесены к какому-либо определённому «институту». Вторая группа упоминаний (в Толковом Апостоле, пророках, Хронике Георгия Амартола) может быть сопоставлена с типичным для летописей значением («городское собрание с политическими целями»), хотя и с достаточной степенью условности (ведь мы не знаем, например, какой орган власти имел в виду переводчик под «вечем Римским»).

Ф. Малингудис применительно к упоминанию в Супрасльской рукописи писал о том, что в Болгарии X в. с её могущественными правителями эпоха народных собраний ушла в прошлое, и понятие «вѣште» представляло собой «лексический пережиток»[19], поэтому оно ассоциировалось в сознании переводчиков с мятежом. Выясняется, однако, что это объяснение не подходит даже для всех южнославянских переводов; с другой стороны, и в древнерусском переводе Толкового Евангелия вечниками названы «мятежники». Возможно, в данном случае на древнерусских переводчиков воздействовала проявившаяся в Супр. южнославянская традиция. Однако в целом вопрос требует дальнейшего изучения.

[19] *Malingoudis Ph.* Zu einigen Verfassungstermini des Codex Supraliensis. S. 200.

Е. В. Лагуткина, А. В. Лагуткин (Тверь)

К ИЗУЧЕНИЮ СЕЛЬСКОГО РАССЕЛЕНИЯ В УДОМЕЛЬСКОМ ПООЗЕРЬЕ В КОН. I – НАЧ. II ТЫС. Н. Э.

Большое значение для понимания социальных и экономических процессов, происходящих в конце I – начале II тысячелетия на территории Русской равнины, имеет характеристика системы сельского расселения и анализ факторов, влиявших на данный процесс.

В настоящей статье рассматривается небольшой историко-культурный микрорегион, входивший в эпоху средневековья в состав Новгородской земли – Удомельское Поозерье, известное по данным Новгородских писцовых книг конца XV–XVI в. как Удомельская волость (ныне – Удомельский район Тверской области). Исследование опирается на анализ археологических, письменных источников и данные топонимики.

Картографирование и сравнительный анализ сельских поселений рассматриваемого периода показывают, что структура расселения пребывает в развитии, и основные процессы, которые ей присущи, рост и усложнение. На значительном количестве памятников наблюдается преемственность жизни, однако количество вновь возникающих селищ невелико. Видимо, такая ситуация характерна для периферийных, заселяемых территорий, являющихся зоной освоения, а не концентрации населения.

Учитывая возможные водные пути в данный период, основным направлением колонизации было западное, из центральных районов Новгородской земли. Анализ как современной, так и средневековой топонимики региона свидетельствует о целом пласте гидронимов и топонимов, маркирующих основные волоковые и транспортные артерии, проходящие через Удомельское Поозерье. Темпы колонизации не были интенсивными, но достаточно последовательными.

Учет природно-географического фактора в расселении неоспоримо свидетельствует о хозяйственно-культурном комплексе населения: это было пашенное земледелие в сочетании с промыслами (в частности, с рыболовством): на это красноречиво указывает расположение селищ в местах наибольшего скопления природных ресурсов.

Концентрация поселений в гнезда также отмечена для региона, однако такая система не является доминирующей. Наличие системы гнездового расселения в Удомельском Поозерье может объясняться как природными факторами, так и прохождением через регион транспортных путей. Кроме того, расположение селищ и слабозаселенность территории региона в целом указывает и на его возможное транзитное положение, по крайней мере, в древнерусскую эпоху по отношению к району Бежецкого Верха.

Площадь сельских памятников и, следовательно, численность жителей были невелики: как правило, селище состояло из 2–3 дворов, расположенных вдоль берега водоема. Крупных, а тем более укрепленных поселений в регионе не обнаружено.

Представляется, что картина расселения в Удомельском Поозерье достаточно типична и находит много параллелей с другими периферийными регионами Северо-Запада и Северо-Востока Руси в периоды их колонизации и освоения славянским населением. Данные процессы свидетельствуют о формировании нового социально-экономического и культурного феномена – древнерусской деревни.

С конца XIII века и на протяжении XIV–XV в. на землях Удомельской волости Бежецкой Пятины Новгородской земли, так же как и на огромных пространствах Русской равнины, происходят значительные изменения, затронувшие, прежде всего, хозяйство и структуру расселения сельского населения. Новгородские писцовые книги конца XV–XVI в. фиксируют существенно иную картину материальной культуры и системы сельских поселений, знаменующих собой новый, собственно средневековый этап в развитии микрорегиона.

А. В. Майоров (Санкт-Петербург)

РУССКО-ВЕНГЕРСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И БОРЬБА ЗА ГАЛИЧ В СЕРЕДИНЕ 30-х г. XIII в.

Вокняжение в Галиче в 1235 г. черниговского князя Михаила Всеволодовича послужило толчком к новому витку борьбы за галицкий стол с вовлечением в нее внешнеполитических сил. Инициатором этого стали Даниил Романович и его брат Василько. Сразу после изгнания из Галича Даниил отправился в Венгрию. Летопись умалчивает о его пребывании при королевском дворе. Однако ряд важных подробностей сообщают венгерские источники.

В Венгрии в это время происходили значительные политические перемены. 21 сентября 1235 г. умер король Андрей II, и вскоре состоялась интронизация его сына Белы IV, который стал королем еще при жизни отца. В так называемом «Венгерском хроникальном своде» XIV в. сообщается, что Даниил во время торжественной процессии вел коня Белы, а бывший галицкий король Коломан нес его меч. Это сообщение впоследствии повторяет в своей «Венгерской хронике» Янош Туроци.

Венгерские известия давно привлекли внимание исследователей. Некоторые авторы воспринимают их с доверием, отмечая в поступке Даниила стремление во что бы то ни стало получить военную помощь венгров, ради которой он готов был признать себя королевским вассалом. Однако преобладает критическое отношение к венгерским данным, особенно хроники Яноша Туроци. Венгерских хронистов подозревают в излишней тенденциозности и «патриотической гордости» особенно в том, что касалось Руси.

Нам представляется, что венгерские известия об отношениях Даниила и короля Белы заслуживают большего доверия. В результате специальных источниковедческих исследований венгерских средневековых памятников и в том числе хроникального свода XIV в. было установлено, что его создатель, монах из Секешфехервара Марк Кальти, начавший свой труд в 1358 г., пользовался ранними аутентичными источниками XI–XIII в. Труд Марка Кальти составлен на основе «Хроники венгров» первой половины XIV в., являвшейся продолжением свода, созданного при короле Андрее III (1291–1292 г.), который в свою очередь основывался на «Деяниях венгров» придворного священника Шимона Кезаи (1282–1285 г.).

Признание королевского подданства ни в коей мере не противоречит характеру Даниила, чрезмерная героизация которого, идущая от придворного летописца, нередко подхватывается историками без должного критического анализа. Вспомним, что даже его отец, грозный Роман Мстиславич, нуждаясь в помощи, легко мог связать себя обязательствами «покорности», «вечным подданничеством» и «вечным данничеством» (Хроника магистра Винцентия Кадлубка). В годы борьбы за Галич Романовичи и их мать постоянно обращались за помощью к венгерскому и польскому правителям, которые предоставляли ее, разумеется, не бескорыстно, – с 1206 г. венгерский король стал официально титуловать себя «королем Галичины и Володимирии».

Но для получения военной помощи короля у Даниила было и серьезное препятствие. С конца 20-х г. XIII в. между черниговским князем Михаилом, ставшим главным соперником Романовичей в борьбе за Галич, и венграми сложились союзнические отношения, которые поддерживались также союзом со смоленскими князьями и половцами. Вероятно, это обстоятельство вынуждало волынского князя проявлять особую лояльность в отношении нового венгерского короля.

И все же миссия Даниила потерпела провал. Собственных военных сил для борьбы за Галич Романовичам было недостаточно, и несколько предпринятых ими походов не достигли успеха. Из сообщения летописи узнаем, что в один из походов 1237 г. Романовичи не смогли

взять Галич, потому что у Михаила «бе угров множство». Значит, вопреки настойчивым просьбам Даниила королевская военная помощь была предоставлена его соперникам — Михаилу Всеволодовичу и его сыну Ростиславу. За последним король признал титул «галицкого князя» (dux Galiciae) и обещал даже выдать за него свою дочь.

Выбор короля можно объяснить традиционной политикой венгров в отношении Галича, сложившейся еще в XII в. Венгры последовательно старались не допустить объединения Волыни и Галичины под властью одного князя, что подорвало бы их собственное влияние в Галичине.

Дальнейший рассказ летописи до крайности сбивчив и противоречив, перебивается несколькими вставками, которые вредят последовательности и цельности рассказа. Один из походов Романовичей неожиданно заканчивается перемирием: Михаил и Ростислав, не потерпев военного поражения, должны были просить Даниила о мире, пойдя ради этого на значительные территориальные уступки.

Объяснить случившееся, на наш взгляд, можно лишь с учетом той роли, которую играли тогда венгерские правители в отношении галицкого стола, а также внимательно присмотревшись к активной внешнеполитической деятельности, развернутой Романовичами в конце 1236—1237 г.

Не получив поддержки нового венгерского короля Белы IV, Даниил еще в 1235 г. завязал какие-то отношения с врагом Белы австрийским герцогом Фрид-рихом II Бабенбергом (Фридрихом Воинственным), враждовавшим тогда с германским императором Фридрихом II Гогенштауфеном. В скором времени Даниил и Василько собрались в поход в помощь своему новому союзнику, о чем сохранилось сообщение в летописи. Выступление Романовичей могло произойти в конце 1236 г., к этому времени германский император завоевал Штирию и большую часть Австрии и в январе 1237 г. был уже в Вене.

Реакция венгерского короля, союзника германского императора, не замедлила сказаться: он был вынужден пойти на определенные уступки волынским князьям, скорректировав свою позицию в отношении Галича. Летом 1237 г. Даниил и Василько отправились в Венгрию по приглашению Белы, звавшего их, по словам летописи, «на честь». Об имевших место тогда переговорах ничего не известно, но результаты их достаточно очевидны.

Сразу же по возвращении Романовичей из Венгрии состоялся мирный договор Даниила с галицким князем Михаилом, без боя уступившим Романовичам часть своих владений. Причем передаче Романовичам подлежала непосредственно граничащая с Венгрией «горная страна Перемышльская». Ясно, что подобное решение могло быть принято только в результате политического давления, обусловлено кардинальными изменениями в расстановке внешнеполитических сил, участвующих в конфликте. Подтверждением этому служит и отказ короля от обещания выдать свою дочь замуж за сына Михаила Всеволодовича Ростислава.

В. А. Матвеенко (Москва)

ОБ ИЗДАНИИ ВРЕМЕННИКА ГЕОРГИЯ МОНАХА

1. В. М. Истрин высказал ряд мыслей по поводу последующих изданий славяно-русского перевода Хроники Георгия Амартола — Временника Георгия Монаха (далее — ВГМ). Он мечтал о времени, когда все памятники древнерусской письменности будут изданы — по нескольку раз и разнообразными способами. Идеалом и конечной целью научного исследования и издания ВГМ он считал его публикацию «в первоначальном виде». Но ученый ясно представлял себе методологические пределы на пути к достижению этой цели и решительно говорил о недостижимости идеала (*Истр.* II. XXIX).

Ввиду невозможности охватить в одном издании все разнообразие задач, каждый издатель ориентируется на определенный круг задач, который, тем не менее, никогда не остается незыблемым. При подготовке наборного издания ВГМ (В. А. Матвеенко и Л. И. Щеголевой) обнаружились текстологические проблемы, краткое обсуждение которых и является целью настоящей заметки.

2. Теоретически очевидный баланс между факсимильным и наборным изданием методологически не выдержан. В наборное издание введены некоторые значимые детали графики. Так, передача трех видов букв для [о], помогает увидеть путь порчи исходного текста. Пример: Тр183г предлог **ѡ**, все остальные списки союз **но**, греч. μη δε = **ни**. Видно, что Тр представляет третью ступень порчи.

3. Из двух задач текстологии — восстановление первичных чтений и история порчи по спискам — в готовящемся издании предпочтение отдается первой. Это значит, что некоторые разночтения, важные для истории порчи, не учтены. Восстановление пропусков ведется в два этапа. На первом в базу Тр вводятся пропуски, удостоверенные русскими списками. Пропуски, очевидные, но не поддержанные списками, в базу не вводятся, реконструируемый вид отмечается в комментарии. Из-за уточнения словоделения некоторые места выглядят лишенными смысла. Это заготовки для следующего шага восстановления. Нам важно не то, как переосмыслил место писец и справщик, а что он испортил в угоду своему переосмыслению. Пример: архиереи ми (утрата литеры и: изначально было ими).

4. Связь с текстологией византийского памятника. Изданный де Боором Коаленев кодекс (Со) ХГА хорошо соотносится с ВГМ, хотя, естественно, не является протооригиналом славянского перевода. Во множестве мест ВГМ соответствует разночтениям других греч. кодексов.

5. Статистика или индивидуальный подход? Не ставя под сомнение статистический метод, развитый для ВГМ и семьи связанных с ним русских хронографов, подчеркнем продуктивность глубинной проработки отдельных мест текста в свете вариантов.

6. Сохранение очевидных ошибок Тр. В. М. Истрин, при всем его бережном отношении к тексту, кое-где убрал явные ошибки только данной, как он думал, рукописи. Например, он убрал ошибочное ѧ в възбраняющѥѧ Тр156а (И246$_{11}$ възбраняюще). Между тем в Синодальном списке, неизвестном В. М. Истрину, находим как раз эту же ошибку: възбраняющеѧ — прекрасный материал для суждений о соотношении между списками.

А. Г. Мельник (Ростов)

О НАДГРОБНОЙ ИКОНЕ РОСТОВСКОГО СВЯТОГО ПЕТРА ЦАРЕВИЧА В ЖИТИИ КОНЦА XVII в.

Житийная икона Петра царевича, хранящаяся в Государственном музее-заповеднике «Ростовский кремль» (инв. № И-940), известна, но изучена недостаточно. В настоящей работе применен комплексный подход к ее исследованию, т. е. обобщению подверглись данные формально-стилистического и иконографического анализа самого произведения, свидетельства о нем архивных документов, литературных памятников и других источников.

В учетной документации музея отсутствуют указания, откуда данная икона поступила в его хранилище. Просмотр краеведческой литературы и архивных описей всех ростовских храмов и монастырей показал, что житийные иконы Петра царевича в конце XIX — начале XX в. существовали только в Ростовском Петровском монастыре. Старейшая опись последнего, датируемая 1748 г., свидетельствует, что в нем тогда имелась только одна житийная икона Петра царевича.

Она находилась на южном краю местного ряда иконостаса собора Петра и Павла (1682–1684), непосредственно над ракой св. Петра царевича. Значит, в описи 1748 г. фигурирует интересующая нас икона. Из чего следует, что она изначально, т. е. в конце XVII в., была задумана и написана как надгробный образ. Именно это является ключом к пониманию своеобразия ее замысла.

В описи 1805 г. при фиксации иконостаса церкви Похвалы Богородицы (1695) той же обители сказано: «На завороте образ преподобнаго Петра царевича в житии, вверху на Спасителе венчик и на преподобном венец с цатою и оклад вокруг средины, серебряные золоченые. Оной образ прежде был в соборной церкви пред ракою Петра царевича». Это документальное свидетельство того, что рассматриваемая икона около 1805 г. была перемещена из собора Петра и Павла в находившуюся рядом с ним церковь Похвалы Богородицы. Следовательно, недавнее утверждение В. И. Вахриной, что указанное произведение специально написано для этого последнего храма, не соответствует действительности.

В среднике иконы изображен преподобный Петр царевич в рост. В большинстве окружающих средник клейм представлены важнейшие, с точки зрения автора замысла данного произведения, эпизоды «Повести о Петре, царевича ордынском». Основная часть клейм читается слева направо, минуя средник. Но в этом вполне традиционном порядке есть весьма многозначительное нарушение: 9-е клеймо расположено не правее 8-го, а ниже его, на одной левой стороне от средника; по другую, правую от него сторону, напротив данной пары клейм, 10-е и 11-е клейма также расположены одно под другим. В левой паре названных клейм отражены эпизоды Повести о явлении сначала Петру царевичу, а потом ростовскому епископу Игнатию апостолов Петра и Павла. В правой паре упомянутых клейм представлены эпизоды Повести, в центре которых фигурируют три иконы: Богородицы с Младенцем, св. Димитрия и св. Николы. Их, согласно Повести, приобрел Петр царевич в Ростове на деньги, данные ему апостолами Петром и Павлом. Важно, что в непосредственной близости, справа от рассматриваемой иконы, на южной стене собора, над ракой преподобного располагались три образа с аналогичными названиями. В Петровском монастыре они почитались как те самые иконы-реликвии, о которых говорилось выше. Слева же от житийного образа Петра царевича находилась храмовая икона апостолов Петра и Павла. Их разделяла лишь южная алтарная дверь. Образы апостолов храмовой иконы и левой пары упомянутых клейм зримо перекликались между собой. Подобная же перекличка существовала между тремя иконами-реликвиями и их изображениями в правой паре клейм. Несомненно, так и было задумано изначально. Следовательно, исследуемая икона создавалась как важный элемент весьма развитого сакрального комплекса, который, кроме нее, включал в себя храмовую икону апостолов Петра и Павла, раку Петра царевича, его же образ на крышке этой раки и лежавший на ней покров с шитым изображением преподобного. Данный комплекс в целом и рассматриваемая икона в частности призваны были не только достойно оформлять место упокоения св. Петра царевича, но и демонстрировать его духовную связь с апостолами Петром и Павлом.

В. В. Мильков, С. М. Полянский (Москва)

ВЕРСИИ КОСМОУСТРОЕНИЯ ПО ДАННЫМ ПАМЯТНИКОВ ДРЕВНЕРУССКОЙ КНИЖНОСТИ

Христианскими экзегетами не было выработано единой концепции мироустройства, поэтому в древнерусской письменности, прежде всего в переводной, фиксируются аналогичные византийским версии космоустроения.

1) Плоскостно-комарная концепция мироздания распространялась через тексты антиохийской традиции богословия. Здесь Вселенная была представлена по образному подобию дома — с

плоской Землей и водно-земной периферией, на края которой опирается «комарный» свод неба, перекрывающий уподобленную потолочной перегородке твердь. Эталонным памятником была «Христианская топография» Козьмы Индикоплова (известна с XII в.; древнейший список 1495 г. ГИМ. Увар. № 566). Аналогичные идеи излагались в «Шестодневе» Севериана Габальского (в компилятивной форме известен с XII в., а с XV в. распространялся в отдельных списках), а через них в «Хронографах», «Беседе трех святителей», «Вопросах и ответах Афанасия к князю Антиоху»), в «Палее Толковой» (появилась не позднее XIII в., дошла в списках XIV–XVII в.). Антиохийский вариант космоустроения вошел в русские переработки «Палеи Толковой» и «Христианской топографии» (разновидности «Шестодневеца» читаются по рукописям БАН. 24.5.8; РНБ. Погод. № 1434; Погод. № 1436; Сол. № 866/976; РНБ. Соф. № 1448; ГИМ. Син. № 318; РНБ. Карамз. F. IV. 603; РГАДА. Ф. 181. № 370/820; РГБ. Тр. № 39; ГИМ. Син. № 548).

Данная космологическая концепция неоправданно выдавалась за единственную и официальную принятую древнерусской Церковью концепцию космоустроения.

2) На Руси, как и в Византии, антиохийская концепция космоустроения сосуществовала наряду с геоцентрической космологией, с которой знакомили тексты богословов, представлявших каппадокийскую традицию. Прежде всего это «Богословие» Иоанна Дамаскина (древнейший список ГИМ. Син. № 108), переводы «Бесед на Шестоднев» Василия Великого (в компиляциях известны с XII в., полные списки датируются XV–XVII в.), «Шестоднев» Иоанна экзарха Болгарского, который руководствовался установками Василия Великого и Аристотеля. Собственные суждения Иоанн экзарх предваряет историческим очерком геоцентризма. Приспособленную к христианству аристотелевско-птолемеевскую схему космоустроения воспроизводят также переводы Григория Нисского, Гергия Писиды, «Шестодневник» РГБ. Муз. № 921 и естественнонаучная компиляция ГИМ. Син. № 951 (XV в.). У каппадокийцев и их последователей небесная твердь представлена шарообразной, двигавшейся по кругу. Земля полагалась в центре мироздания на равноудаленном расстоянии от небесной сферы. Планеты локализовались на околоземных круговых орбитах плавающими по семи ярусам (поясам) физического пространства.

Ассиметричную разновидность геоцентризма воспроизводят тексты, уподоблявшие строение Вселенной яйцу. В рукописной традиции они фигурировали под названиями «О земном устроении», «Указ о земли Ивана Дамаскина», «О яйце». Космологическая статья читается в РГБ. Рум. № 358 (XV в.); РНБ. Кир.-Бел. № XII (XV в.); РНБ. Кир.-Бел. № 11/1088 (XV в.); Собрание МГУ. № 1396 (сер. XVI в.); ГИМ. Барс. № 396 (конец XVI – начало XVII в.); ГИМ. Барс. № 1518 (конец XVI – начало XVII в.); ГИМ. Епарх. № 367 (конец XV в.); а также РНБ. Погод. № 1643; РНБ. Q.I.1007 и Сим. № 59. Сведения о яйцеподобном устройстве Космоса вошли в «Прение Панагиота с Азимитом».

3) Апокрифические версии обнаруживают большую вариативность вселенских описаний. Многослойное устройство небес по геоцентрической схеме описывает «Книга Еноха» (известна с XI–XII в. в краткой редакции и в полной представлена списками XV–XVII в.), чресполосно локализующая рай, ад, ангельские силы, небесные светила и природные стихии на разных небесных ярусах. В эманационной части «Книги Еноха» фигурируют только твердь и воздушные планетные круги. Если в рассказе о путешествии Еноха по небесам с некоторой осторожностью возможно усматривать влияние геоцентрического принципа мироустройства, то в эманационной части прорисована замкнутая (по антиохийскому типу) схема мироздания. Мифоапокрифическая характеристика мироздания содержится в тексте «Беседы трех святителей» (РНБ. Сол. № 925/1035. XVII в.). Здесь описывается эманационный процесс происхождения мира и антропоморфное восприятие Космоса. Бог как бы пребывает внутри космического дома, сливаясь с его частями. В «Видении Исайи» (известно с рубежа XII–XIII в.) описываются семь ноуменальных и населенных ангелами

небес. Многослойные небеса располагаются в иерархическом порядке выше тверди и оказываются реалией исключительно внеприродной, сам же характер устроения физического Космоса не конкретизируется. В «Откровении Авраама» описаны лежащие ниже «простертия» тверди семь небес, а на них небесные природные явления и множество ангелов, повелителей стихий. В «Откровении Варуха» говорится о существовании многослойных небес. При перемещении героя апокрифа и светил открываются небесные двери. Земная топография рая указывает на горизонтальную перспективу космоустроения, а упоминание жестких делений ярусов, скорее всего, отражает представление о границах воздушных поясов. В «Видении апостола Павла» описаны три неба и «начало небесное» (т. е. опора неба), основанное на окружающем Вселенную Океане, а за ним рай и ад. В характеристику мироздания вводится четкое указание на плоскостное восприятие мирового пространства. Сопоставимую с антиохийской космологическую схему воспроизводит апокриф «О всей твари» (РГБ. Тр. № 774. 1531 г.). Космологическая схема сочетается в произведении с мифологическими архетипами: Мировой Океан, Кур, а также столп, подобно Древу мира связующий сферы Космоса воедино.

Ряд космологических описаний посвящен поиску опор мироздания. В одной из редакций «Беседы трех святителей» (РНБ. Сол. № 925/1035), Земля держится на китах, а дно моря на «железном столпие», опирающемся на неугасимый огонь. Еще по одному варианту «Беседы» известно олицетворяющее землю «великорыбие», воды держатся камнем, камень опирается на китов, несущих свою ношу по реке огненной. Весь ряд опор держит нижерасположенный огонь и «первопосаженный дуб», коренья которого на силе Божией стоят. Новые детали добавляет список «Беседы трех святителей» из РНБ. Сол. № 1138: дно вод опирается на великое железное семистолпие, в пределах которого помещается адово жилище. Столпие держится огнем неугасимым. Все мироздание, кроме того, «обдержится» воздухом, рай мыслился помещенным за морем, в окраинной части Вселенной. Типологически космологические сюжеты «Беседы» более всего соответствуют концепции Козьмы Индикоплова, отражая синтез антиохийских представлений о мире как доме с элементами древних представлений о тартаре.

Из сказанного ясно, что собственных космологических теорий в Древней Руси выработано не было. При этом литература была богата текстами космологической тематики, говорить об однородности которой не приходится. В конечном счете все варианты замыкались либо на геоцентризм, либо на плоскосно-комарную космосхему, т. к. апокрифы воспроизводили трансформированные их варианты. Геоцетризм в древнерусской книжности не менее репрезентативен, чем плоскостно-комарная концепция. Геоцентрическая космология впитала античные идеи сферического мироустройства, в разное время формулировавшиеся Парменидом, Эмпедоклом, Платоном, Аристотелем и Птолемеем. Антиохийская традиция также воспроизводила препарированные космологические архетипы античности (плоское прямоугольное пространство Земли и горы на нем, Мировой Океан). Через переводные тексты космологической тематики на Русь поступали научные и философские знания, приобщавшие к наследию античности в христианской интерпретации. На основе переводов создавались славяно-русские компиляции и переработки. Трансплантированная космология стала составной частью древнерусской мысли.

Н. И. Милютенко (Санкт-Петербург)

ИСТОЧНИК РАССКАЗА О КНЯЗЕ АНДРЕЕ ЯРОСЛАВИЧЕ В НОВГОРОДСКОЙ КАРАМЗИНСКОЙ И НОВГОРОДСКОЙ IV ЛЕТОПИСЯХ

Все северо-восточные летописи сообщают, что после гибели Ярослава Владимирским князем стал его брат Святослав. Но сыновья убитого, Александр и Андрей, отправились сначала в Орду к Батыю, а затем в Карокорум. В 1249 г. старший Александр получил «Кыевъ и всю Русьскую

землю, а Андрѣи сѣде в Володимери на столѣ» (Лавр.). Александр не поехал в Киев, а остался в Новгороде. В 1250 г. Андрей женился на дочери Даниила Галицкого, который фактически контролировал все дела в киевской земле. В 1252 г. возник конфликт Андрея и его младшего брата Ярослава с Ордой. В результате Владимир и Тверь были разгромлены татарским воеводой Неврюем, а Александр, не принимавший участия в этих событиях, стал ещё и Владимирским князем.

В Лавр., МС и Ерм. повторяется одно и то же известие о гибели семьи Ярослава Ярославича, но рассказ о разгроме Владимира отличается очень серьезно. В МС и Ерм. сказано, что Андрей Ярославич бежал сначала в Новгород, где его не приняли, он ушел сначала в Псков, а затем уехал в Швецию вместе с княгиней. Об этих событиях кратко говорится и в Н1 мл. под 6759 (1251) г., но там говорится, что его впоследствии убили. Согласно скандинавским источникам[1] он остался жив. В 1257 г. Андрей уже ездил «в Татары» вместе с Александром и племянником Борисом Ростовским. Скончался князь в 1264 г. О гибели Андрея в Швеции говорится в С1, но там сказано, что его убили «немци». В МС, где Н1 мл. соединена с Владимирским сводом, новгородская ошибка в статье 1252 г. исправлена.

В С1 известия Владимирского свода о гибели Ярослава и нашествии Неврюя вставлены в статьи 6754 и 6759 г. из Н1 мл., где читаются обширные выписки из Жития Александра Невского. НК2 (а за ней и Н4) под 1247–1258 г. излагает события по другому источнику. Я. С. Лурье указал, что он близок Московской Академической летописи.

В отличие от летописей Лаврентьевско-Троицкой группы, которые подверглись сильному влиянию официального Владимирского летописания, МАк и «Летописец вскоре» отражают непосредственный ростовский взгляд на события 1249 г. и 1252 г. Там сказано, что Андрей прогнал своего дядю, а в 1259 г. сам лишился власти, что расценивается летописцем как справедливое возмездие. Некоторые известия, пропущенные в МАк, сохранились в «Летописце вскоре»:

«Лѣтописец вскоре»	МАк	С1	НК2
В то же лѣто сѣде въ Володимери Ярославъ, братъ Юрьевъ лѣтъ 9, а Ростовѣ сѣде княгини Василковая съ сынома Борисомъ и Глѣбомъ. Ярославъ	6746.<…> *Того же лѣта сѣде Ярославъ Всеволодович на столѣ. Того же лѣта отда Суздаль брату Святославу.*[= Лавр.]	Нет известия	6746.<…> Сѣде Ярославъ Всеволодович в Володимерѣ, а брату Святославу Суждаль, а в Ростовѣ сѣдоста Василковичи Борисъ да Глѣбъ на княженьи. < …>
умре въ Татарехъ. По немъ сѣде въ Володимери Святославъ братъ его лѣто 1, и прогна и Андрѣи, сынъ Ярославль,	6754.<…> Того же лѣта сѣде на столѣ Святославъ.	6754. <…> И много пострада за землю вотчины своея, обаженъ бо бысть Феодоромъ Яруновичемъ царю. И многы дни претерпѣвъ, и тое же осени семтября в 30 день преставися великии князь Ярославъ Всеволодовичь в Ордѣ нужною смертью.	6755.<…> *А Ярослав Всеволодосич преставися в Канов ѣ Ордѣ* [= Н1 мл], княживъ въ Володимерѣ лѣто. И по немъ сѣде братъ его Святославъ. И по единомъ лѣтѣ прогна его Андреи Хоробритовъ, сынъ Ярославль, а самъ сѣде на столѣ.
и княжи лѣтъ 5. И приде Неврюи, от Адама лѣто 6760, и прогна и за море.	6760. Прииде Неврюи и прогна князя Андрѣя за море. …	6759. *Того же лѣта прииде Неврюи, Котья, и Олабуга ...Остави же ту княгиню,сам ступи за море в Свѣискую землю... Бысть время неколко в Свѣискои земли,* [= МС] послѣди же на рати убьен бысть от немѣць.	6760. Прииде Неврюи царевич ратью татарскою на Суждаль и прогна Андрѣя Ярославича за море *въ Свѣи* [= Н1 мл], а княжилъ на Руси 3 лѣта, *и убиша и* [= Н1 мл] чюдь.

[1] *Джаксон Т. Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе (середина XI – середина XIII в.). М., 2000. С. 201–204. Ком. С. 207–217.

Рассказ о гибели Ярослава не полностью совпадает с МС. Сообщение о гибели Андрея в НК2 появилось явно под влиянием новгородского летописания.

Ростовский летописец послужил в 1293 г. источником для дополнения «Летописца вскоре патриарха Никифора». Видимо, уже в XV в. новгородский летописец опять обратился к этому летописцу, чтобы пополнить текст С1. Это говорит против предположения А. Г. Боброва, что составитель НК2 заимствовал материал непосредственно из свода Фотия. Судя по МС и Ерм. там было очень широко использовано Владимирское летописание

Е. И. Мишина (Москва)

К ВОПРОСУ О РЕАЛИЗАЦИИ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ ЗАЛОГОВОСТИ В ДРЕВНЕРУССКИХ БЕРЕСТЯНЫХ ГРАМОТАХ

1. Описание имеющегося грамматического материала, на наш взгляд, целесообразно предпринять с позиции современной теории функционально-семантического поля (далее – ФСП). При таком подходе залоговость может быть представлена как «комплекс ФСП, которые охватывают разноуровневые средства, характеризующие глагольное действие в его отношении к субъекту и объекту как семантическим категориям»[1]. Указанный комплекс включает поля активности / пассивности, возвратности (рефлексивности), взаимности и переходности / непереходности. Мы остановимся на первых двух компонентах данной структуры.

2. В древнерусском языке ФСП пассивности складывалось из пассивных конструкций, в которых выступали возвратные глаголы, с одной стороны, а также краткие страдательные причастия настоящего и прошедшего времени – с другой. Оба типа пассивных оборотов представлены в грамотах: «приказъ от попадьи. к попу что оу тебе было а пошло к онании а нинеце **проносится от кюрьяка»** (Гр. № 538); «поклоно от фовронее к филиксу с плацомо убиле мя пасынке. и. выгониле мя изо двора велише ми ехате в городо или самь поеди семо **убита есемо»** (Гр. № 415). При этом страдательные обороты с кратким страдательным причастием настоящего времени не отмечены.

Значительное преобладание пассивных оборотов с аналитической причастной формой дает основания предположить, что именно она была наиболее употребительной в разговорном языке XI–XIV в.

3. В зависимости от контекста причастная форма могла иметь акциональное или статальное значение. К числу глаголов, аналитический пассив которых имеет акциональное значение, относятся непредельные глаголы, обозначающие действия, в ходе которых объект не меняет свою природу и свойства. Напротив, статальное значение реализуется формами аналитического пассива от предельных глаголов совершенного вида, обозначающих действия, в ходе которых объект перестает быть себе тождественным. Следует отметить, что подавляющее большинство из всех отмеченных составляют примеры с акциональным значением причастной формы: «от дроцили. ко поникаропу. **куплено** ти рожи. осми надсяте полушоко…» (Гр. № 775). Статальное значение: «…ца гне **пережата** церосъ межѣ дѣ тъкѣ мои **зобижоны** жона моя **зобижона** ба дѣ ля гне оборони язъ…» (Гр. № 474).

4. Наиболее характерными для новгородских берестяных грамот являются двучленные пассивные конструкции с причастным сказуемым без специального второстепенного члена со значением действующего субъекта: «оу радятѣ **не възято** полъ третьѣ гривнѣѩ (Гр. № 799). Тем больший интерес представляют обороты с указанием агенса. Основными формами выражения агенса оказываются предложные сочетания Р. п. + от (пример см. выше) и Р. п. + у: «жизнобоуде **погоублене оу сычевиць** новъгородьске смьрде» (Гр. № 607/562).

[1] *Бондарко А. В.* Теория значения в системе функциональной грамматики. М., 2002.

5. ФСП рефлексивности помимо единичных примеров возвратных глаголов, выступающих в пассивных конструкциях, представлено в грамотах значительным числом словоформ различного значения. Среди них отмечены глаголы с плеонастической частицей ся («ся грозити»); безличные возвратные глаголы («мнѣ ся не можется») и др.

С точки зрения структуры возвратные глаголы в грамотах образовывались с помощью элемента ся, который выступает в том числе в своих фонетических вариантах се, си: «а то се деяло, жьнюси, изгодидце (!), понаболисе (пов.), нь дьциси (от тщатися)». Отмечена контактная постпозиция, контактная препозиция, дистантная постпозиция и препозиция возвратного аффикса по отношению к глаголу. Положение энклитики при этом подчинялось закону Вакернагеля[2]: «я ся дивлю, цьто ся оу васо дье, аже ми ся поцьньши насмихати, не останеть ти ся».

6. Кроме того, грамоты содержат любопытный материал, касающийся соотношения возвратных, образованных от непереходных, и невозвратных глаголов в древнерусском языке XI–XIV в.: попечалитися – попечаловати – попечаловатися, остати – остатися, понаболѣти – понаболѣтися.

7. На периферии ФСП залоговости находятся отглагольные имена действующих лиц и лиц, подвергавшихся какому-либо действию, образованные по продуктивным моделям, как примеры реализации агентивного или пассивного значений отдельной словоформой: искупникъ ‘выкупленный из плена‘, клеветникъ ‘обвинитель‘, крестникъ, ловець, наимитъ. Важно отметить совпадение слообразовательного типа для образования названия действующего лица и лица, подвергающегося действию.

Таким образом, проанализированные факты дают основания считать, что древнерусские берестяные грамоты являются источником редкого и заслуживающего внимания материала для анализа ФСП залоговости в древнерусском языке XI–XIV в.

[2] *Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. М., 2004.

Л. А. Москалева (Казань)

К БЫТОВАНИЮ СОЧИНЕНИЙ ЕФРЕМА СИРИНА В ДРЕВНЕЙ РУСИ*

Влияние сочинений Ефрема Сирина на Руси прослеживается на разных уровнях: распространенность текстов, включение Слов в другие сборники, компиляции из его текстов, Слова-подражания, приписываемые Ефрему Сирину, прямые цитаты, мотивы.

На Руси из всех сочинений пр. Ефрема Сирина наибольшим вниманием пользовались духовно-нравственные сочинения.

Паренесис как сборник сложился на славянской почве уже в X–XI в. и отличается от греческих текстов. В настоящее время известно несколько списков, среди которых одной из древнейших является рукопись РНБ Погод. 71а. Название получено от 50 поучений (греч. Parenesis) к египетским монахам. Но в славянских рукописях число поучений варьируется: в среднем их 100, однако имеются рукописи с 105 и даже 112 поучениями. Некоторые из них не принадлежат непосредственно пр. Ефрему, а являются компиляциями его наиболее популярных Слов или написаны под его влиянием[1]. В самой последовательности проявляется авторское самосознание составителя, «если под *авторским самосознанием* понимать самосознание книжника как писателя, то есть осознанность им целей сочинения и их качество, эстетические принципы и идеалы, осознание своего труда в рамках традиции»[2].

1. Сначала (вместо введения) дается жизнеописание Ефрема Сирина. Этот текст, очевидно, включен составителем как обоснование авторитетности его личности и пример для подражания.

* Работа подготовлена при поддержке РГНФ (проект № 05-04-04292а).

[1] *Архангельский А. С.* Творения отцов Церкви в древнерусской письменности. Казань, 1890. С. 88–118.

[2] *Конявская Е. Л.* Проблема авторского самосознания в летописи (XI–XII в.) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2000. № 2. С. 65–76.

2. Далее следует Слово о страхе души. Здесь отчетливо проявляется фундамент учения Ефрема Сирина о спасительности покаянных слез.

3. Таким образом, обосновав авторитетность святого и указав путь к спасению, автор переходит непосредственно к поучениям. Причем в Паренесисе поучения к египетским монахам переплетаются с другими словами Ефрема Сирина: начиная от практических советов по обустройству монашеского общежития до поучений о духовной чистоте и покаянии.

4. Житие Авраамия Затворника, близкого друга Ефрема Сирина, где очень сильны эсхатологические мотивы.

5. Слова о Страшном Суде — это то, к чему нужно готовиться и чего можно избежать, следуя его поучениям.

Славянский сборник полностью отражает систему взглядов самого Ефрема Сирина: в духовно-нравственных творениях он является по преимуществу проповедником сокрушения сердечного; о чем бы он ни говорил, мысль его невольно обращалась к концу времен и Страшному Суду.

Сочинения Ефрема Сирина, собранные в Паренесисе или включенные в другие сборники (например, Измарагды), оказали прямое влияние на русскую культуру и духовность: становление монашества, формирование нравственных идеалов, на которые ориентировались не только многие русские подвижники, но и миряне, для которых духовные идеалы совпадали с идеалами инока.

Ярким примером влияния Паренесиса на русскую книжность является Житие Авраамия Смоленского, созданное в XIII в. учеником святого — Ефремом. Нами были обнаружены цитаты как из Жития Авраамия Затворника, так и других Слов, входящих в состав Паренесиса. Они отражают актуальную и для Авраамия Смоленского мысль о Страшном Суде. В. Н. Топоров[3] указал на причину и наиболее очевидные сходства Жития Авраамия Смоленского и Жития Авраамия Затворника, заключающиеся в общем типе святости, подражании смоленского святого подвигу святого Авраамия Затворника, знакомстве Авраамия и Ефрема Смоленских с трудами Ефрема Сирина.

Интересно соотношение в Житиях сквозных семантических мотивов. Наиболее отчетливо проявляются количественные соотношения мотива света и мотива плача и покаянных слез.

В Житии Авраамия Затворника мотив света активно присутствует лишь в начале при характеристике самого святого, ближе к середине текста он уже не встречается. А мотив плача и слез, напротив, усиливается.

В Житии Авраамия Смоленского мотив света проходит через все произведение (большое количество слов корневого гнезда *свет-* и их роль в тексте было нами отмечено в предыдущих работах[4]). В этих работах нами показано, что само понятие свет и слова, составляющие корневое гнездо *свет-* (т. е. состав лексики и ее количественное соотношение) в древнерусской культуре (особенно в агиографическом жанре) являются знаком святости и отражают индивидуальный тип святости конкретного святого. Таким образом, *свет* можно признать одним из важных концептов древнерусской христианской культуры. Мотив света развивается в русле, заданном Житием Авраамия Затворника: это свет разумный, просвещающий душу и помысл, свет, просвещающий духовные очи, который воссиял в сердце. Эта фраза в нескольких вариантах неоднократно повторяется в Житии Авраамия Затворника и точно цитируется Ефремом в Житии Авраамия Смоленского. Все контексты света в Житии Авраамия Смоленского — о просвещении разума. Но, следуя традиции Жития Феодосия Печерского, мотив света усилен автором и становится качественной характеристикой типа святости — преподобия, еще не столь отчетливая в Житии Авраамия Затворника. И в этом ощутима роль автора Жития Авраамия Смоленского: это не простое копирование структуры Жития Авраамия Затворника, но творческое осмысление и развитие его идей.

[3] *Топоров В. Н.* Святость и святые в русской духовной культуре. М., 1998. Т. II. С. 73—78.

[4] *Москалева Л. А.* К истории гнезда с исходным *свет-* // Бодуэновские чтения: Бодуэн де Куртенэ и современная лингвистика: Междунар. науч. конф. (Казань. 11—13 декабря 2001 г.): Труды и материалы: В 2-х т. Казань, 2001. Т. I. С. 82—84.; *Москалева Л. А.* Особенности текстового бытования корнеслова *свет-* // II Международные Бодуэновские чтения: Казанская лингвистическая школа: традиции и современность (Казань. 11—13 декабря 2003 г.): Труды и материалы: В 2-х т. Казань, 2003. Т. II. С. 85—87.

Л. В. Мошкова (Москва)

ТОЛКОВАНИЕ 71 ПРАВИЛА КАРФАГЕНСКОГО СОБОРА: МЕСТО НАПИСАНИЯ И ПРОБЛЕМА ДАТИРОВКИ

Анонимное толкование 71 Карфагенского правила, присутствующее в некоторых восточнославянских списках Кормчей сербской редакции, не привлекло особого внимания исследователей. Из работ последнего времени только у А. И. Плигузова мы находим попутно сделанный анализ данного памятника. Рассматривая источники «нестяжательской» Кормчей Вассиана Патрикеева, этот автор совершенно правильно определил, откуда князь-инок заимствовал толкование 71 правила Карфагенского собора, но в вопросе датировки текста допустил ошибку, поскольку «оторвал» его историю от истории Кормчей сербской редакции на восточнославянских землях в целом.

Общеизвестно, что Кормчая сербской редакции была прислана на Русь в 60-е г. XIII в. В 70–80-е г. на основе сербской и древнеславянской Кормчих была составлена русская редакция памятника. В XIV–XV в. в северо-восточных землях распространялась русская редакция Кормчей, в западных и южных – преимущественно Кормчая сербской редакции.

В третьей четверти XV в. на территории отделившейся западнорусской митрополии на основе традиционной Кормчей сербской редакции была составлена так называемая Кормчая особого состава, в которой апостольские, соборные и часть отеческих правил были расположены в порядке указателя Синтагмы XIV титулов. В ее составе мы находим и анонимное толкование 71 правила Карфагенского собора.

Следовательно, список Кормчей сербской редакции, использованный при составлении новой Кормчей (это должен был быть авторитетный и, вероятно, древний список), интересующее нас толкование включал. Но его также содержал список Кормчей сербской редакции, привезенный в Москву в 1464 г. епископом Евфимием Брянским или Черниговским. Следовательно, с достаточной долей уверенности можно утверждать, что толкование было написано на территории Южной или Западной Руси, к середине XV в. содержалось в нескольких списках, восходящих к общему протографу, и не может быть никак связано с составлением московского летописного свода 1408 г.

Но если место создания анонимного толкования 71 правила и самые широкие временные границы его написания (вторая половина 60-х г. XIII в. – середина XV в.) устанавливаются достаточно надежно, то о конкретном времени его появления можно высказывать только предположения. Одно из них следующее.

Для того чтобы текст воспринимался как исконно принадлежащий Кормчей (и потому не подлежащий исключению при составлении нового типа данной книги), с момента его включения в ее состав должно было пройти немало времени. Поэтому рискну предположить, что перед нами достаточно древний памятник, написанный не позднее конца XIII в. Обоснования сделанного предположения диктует необходимость еще раз проанализировать содержание памятника, но уже с учетом определенного выше места написания.

К. А. Максимович (Москва)

ЗАПАДНОСЛАВЯНСКИЕ ПАМЯТНИКИ ПОКАЯННОЙ ДИСЦИПЛИНЫ В ДРЕВНЕЙ РУСИ (РУССКИЕ ВЕРСИИ ПЕНИТЕНЦИАЛА «ЗАПОВЕДИ СВЯТЫХ ОТЕЦ»)

Интереснейший памятник древнеславянской покаянной дисциплины – «Заповеди святых отец» (далее ЗСО) – представляет собой свободный, местами сокращенный перевод латинского епитимийника (пенитенциала). Перевод сохранился в ранних славянских рукописях – Синайском евхологии XI в. (далее SinEuch) и в древнерусской Устюжской кормчей XIII–XIV в. (далее U) – источники и состав последней отражают наиболее архаичный вид славянского номоканона[1]. Ближайшим оригиналом

[1] *Максимович К. А.* Закон судьныи людьмъ. Источниковедческие и лингвистические аспекты исследования славянского юридического памятника. М., 2004. С. 130–131.

перевода считается латинский Мерзебургский пенитенциал (poenitentiale Merseburgense) середины IX в. Славянский перевод не может восходить ко времени ранее начала X в., поскольку наличие в тексте грецизмов (сотона, диꙗкъ, манастъıрь) предполагает опору на уже достаточно развитую кирилло-мефодиевскую традицию. Особенности языка указывают на западно-паннонскую (словенскую или хорватскую) языковую область как место перевода памятника. ЗСО широко распространились в средневековом славянском мире — прежде всего в Болгарии и Сербии. Известны также по крайней мере две древнерусские версии ЗСО, сравнительный анализ которых и будет задачей нашего доклада.

1) Ѡт ꙁаповѣди ст•ъıхъ ѡц•ь Списки: МДА 541 (XVI в.), МДА 12 (XVI в.), Унд. 28 (XVI в.) и др. [2]

гл. 1: свое отеч•ство (2) SinEuch — оч•ьствиѥ своѥ, ѡч•ьство своѥ U[3]. Западнославянская форма U на -ствиѥ лучше, чем SinEuch, отражает возможный паннонско-словенский протограф X в. Русская редакция дает чтения, близкие к SinEuch: свое ѡч•ьство, ѡчество свое[4].

гл. 2: совпадает во всех версиях[5].

гл. 5: да покаетъс- SinEuch — да поститьс- U[6]. Западнославянское употребление слова постъ, поститис- в значении 'каяться' в U лучше отражает западный протограф ЗСО. Русская редакция следует чтению SinEuch: да покаетс-[7].

гл. 6: русская редакция отклоняется от SinEuch и следует U: ср. совпадающие чтения ноуждею кленеть с- (SinEuch нѫдьми) и ѡ хлѣбѣ и ѡ водѣ (в SinEuch опущено)[8].

гл. 7: в русской редакции текст испорчен — вместо оукрадеть главьноѥ что (лат. furtum capitale fecerit 'совершит «головную» кражу', т. е. кражу жизненно необходимого имущества — скота, домашней утвари и т. д.) поздние списки дают чтение ѕкрадеть славно что; вместо ꙁѣло добро драгое в русской редакции стоит или добро дрѹгое[9].

гл. 10: вместо ѡтравлениꙗ дѣлꙗ U, отровениѣ ради SinEuch русская редакция содержит чтение ѿ отравлени-[10].

гл. 12: русская редакция следует SinEuch: дїакъ (SinEuch диѣкъ, U дьꙗконъ)[11]. Показательно, что данное правило носит ярко выраженный западный характер, поскольку предписывает священнослужителям полное безбрачие (целибат) и тем самым вступает в противоречие с каноническим правом Восточной Церкви и государственным законодательством Византии, допускающими белое (брачное) духовенство (каноны Трул. 3, 6, 12; Гангр. 4; Nov. Iust. VI.1.3). Тем не менее, как видим, это правило вошло в древнерусские сборники епитимий.

гл. 19: ѡтроча U, SinEuch; в русской редакции дѣт-[12].

гл. 25: в русской редакции правила, запрещающего праздновать языческие коляды, сказано: ꙗко ѿ скотинъı есть игра та[13]. В U более корректное чтение: ꙗко ѿ сотонъı. В SinEuch эти слова отсутствуют[14]. Таким образом, русская редакция следует версии U; искажение носило, вероятно, случайный характер. Кроме того, поздние русские списки переосмысляют конструкцию ꙗкоже

[2] *Смирнов С.* Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины (Тексты и заметки) // ЧОИДР. 1912. Кн. 3. Разд. II. С. 126—128; *Тихонравов Н.* Памятники отреченной русской литературы. СПб., 1863. Т. II. С. 304—305 (заповеди 1—2, 5—7, 10, 12, 19, 25-27, 34, 42, 47).

[3] *Суворов Н. С.* Следы западно-католического церковного права в памятниках древнего русского церковного права. Ярославль, 1888. Т. III.

[4] *Смирнов С.* Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины (Тексты и заметки). С. 127. № 130.

[5] *Суворов Н. С.* Следы западно-католического церковного права в памятниках древнего русского церковного права. Т. III; *Смирнов С.* Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины (Тексты и заметки). С. 127. № 131.

[6] *Суворов Н. С.* Следы западно-католического церковного права в памятниках древнего русского церковного права. Т. IV.

[7] *Смирнов С.* Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины (Тексты и заметки). С. 127. № 132.

[8] Там же; *Суворов Н. С.* Следы западно-католического церковного права в памятниках древнего русского церковного права. Т. IV.

[9] Там же; *Смирнов С.* Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины (Тексты и заметки). С. 127. № 133.

[10] Там же. № 134; *Суворов Н. С.* Следы западно-католического церковного права в памятниках древнего русского церковного права. Т. V.

[11] Там же. Т. VI; *Смирнов С.* Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины (Тексты и заметки). С. 127. № 135.

[12] Там же. № 136; *Суворов Н. С.* Следы западно-католического церковного права в памятниках древнего русского церковного права. Т. VIII.

[13] *Смирнов С.* Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины (Тексты и заметки). С. 127. № 137.

[14] *Суворов Н. С.* Следы западно-католического церковного права в памятниках древнего русского церковного права. Т. XI.

прьвѣе погании твор-хоу 'как прежде делали язычники' (U, SinEuch) — наречие прьвѣе 'прежде' заменено прилагательным перви (там же).

гл. 26: русская редакция отражает протограф, занимающий промежуточное положение между U и SinEuch — так, в качестве наказания за аборт поздние русские списки вслед за SinEuch назначают 3 года епитимьи, тогда как U — 10 лет (ср. ниже, гл. 34)[15]. В другом месте русский редактор следует версии U вопреки SinEuch, ср.: аще жена изверьжеть (SinEuch добавляет: отроча)[16].

гл. 27: совпадает во всех версиях[17].

гл. 34: различается санкцией: за аборт русская редакция назначает 5 лет покаяния, из них три на хлебе и воде, тогда как U и SinEuch назначают 10 лет епитимьи (ср. выше, гл. 26), из них 2 на хлебе и воде. Зап.-слав. союз толи в консекутивном значении заменен в русской редакции союзом и[18].

гл. 42: каузальная конструкция за + вин. п. (за лѣность 'из-за лености') заменена в U иной конструкцией: за лѣностью. Русская редакция следует исконному чтению SinEuch[19].

гл. 47: как и в предыдущем случае, русская редакция следует чтению SinEuch — аще кто прольет ѿ св-тъі- чаши. В U, вероятно, исконное беспредложное управление: аще кто пролѣеть ст•ъіа чаша[20].

Особенности текста древнерусской версии ЗСО позволяют сделать вывод о том, что во многих местах она ориентируется как на текст SinEuch, так и на U. Текстология этой редакции позволяет предполагать промежуточный протограф, объединяющий в себе чтения обоих древнейших версий.

2) Другая подборка правил из состава ЗСО находится в добавленных статьях Древнеславянской кормчей без толкований: Правила с•тъіхъ оц•ь заповѣдѣ [sic!] с•того и великаго Васа всѣмъ намъ[21]. Ср.: ЗСО 20—21 (Л. 115 об.) ~ ПСО 9—10; ЗСО 29 ~ ПСО 19; ЗСО 31 ~ ПСО 20; ЗСО 45—46 ~ ПСО 11—12.

[15] Санкция основана на церковных канонах Трул. 21, Анкир. 21, Вас. Вел. 2.
[16] *Суворов Н. С.* Следы западно-католического церковного права в памятниках древнего русского церковного права. Т. XI; *Смирнов С.* Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины (Тексты и заметки). С. 127. № 138.
[17] Там же. № 139; *Суворов Н. С.* Следы западно-католического церковного права в памятниках древнего русского церковного права. Т. XI.
[18] Там же. Т. XV; *Смирнов С.* Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины (Тексты и заметки). С. 127. № 140.
[19] Там же. С. 128. № 141; *Суворов Н. С.* Следы западно-католического церковного права в памятниках древнего русского церковного права. Т. XIX.
[20] Там же.
[21] *Бенешевич В. Н.* Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкований. София, 1987. Т. II. С. 122—123. (Далее — ПСО).

С. М. Михеев (Москва)

РАЗДВОЕНИЕ УБИЙСТВА БОРИСА И ИСТОРИЯ БОРИСОГЛЕБСКОГО ЦИКЛА

Проблема взаимоотношения текстов борисоглебского цикла достаточно часто поднимается в научной литературе. Решение этой проблемы — уже после выхода «Разысканий» А. А. Шахматова, где кропотливому разбору данного вопроса посвящена отдельная глава[1] — подвергалось частым пересмотрам в работах С. А. Бугославского, Л. Мюллера, Н. Н. Ильина, А. Поппэ и других учёных. Критики Шахматова редко обращались к рассказам о *страстях* Бориса и Глеба, занимаясь чаще текстами о чудесах. Я рассмотрю различия описаний убийства Бориса в летописи, Несторовом «Чтении о Борисе и Глебе» (далее — Чтен.) и анонимном «Сказании о Борисе и Глебе» (далее — Сказ.).

В рассказе о гибели Бориса в ПВЛ и в Новгородской I летописи (НовгI) можно выделить три неравных части: 1) описание убийства Бориса (22 слова), 2) более подробное описание убийства его отрока Георгия (77) и 3) описание убийства Бориса двумя варягами, специально посланными Святополком, узнавшим о том, что Борис ещё жив (52). В Чтен. набор мотивов сходен, здесь находим: 1) нападение на Бориса в шатре (15), 2) убийство отрока (15) и 3) убийство Бориса около шатра (51 слово и молитва Бориса). В Сказ. аналогичный фрагмент оказывается длиннее и сложнее по структуре. Он состоит из описания 1) убийства Бориса в шатре

[1] *Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. (Работа несколько раз переиздавалась). Гл. III.

(37), 2) убийства Георгия (56), 3) смерти Бориса около шатра (199 слов и молитва), 4) отсечения главы Георгия (27) и 5) убийства Бориса двумя варягами (36).

Два вопроса, на которые я постараюсь здесь ответить, таковы: почему в перечисленных текстах мы сталкиваемся с «повторенным» убийством Бориса и почему древнерусские книжники (рассказы которых, очевидно, зависимы друг от друга) так видоизменяли свои источники при описании убиения Бориса.

Ответ на данные вопросы упрощается при обращении к истории возникновения рассказа об убийстве Бориса. Этот сюжет дошел до нас не только в древнерусских текстах, но и в повествовании об убийстве конунга Бурислава в древнеисландской «Эймундовой пряди». Сопоставление текстов позволяет сделать вывод, что основным источником всех рассказов о гибели Бориса послужило устное повествование, сложившееся в скандинавски ориентированной среде, окружавшей Ярослава Владимировича, и содержавшее сюжетную аллюзию на древнюю легенду о повешенном на собственной гривне свейском конунге Агни[2]. Мотив повешения на гривне при бытовании в русской и скандинавской среде подвергся значительным трансформациям. Так, в текстах борисоглебского цикла (вероятно, под влиянием чешских житий св. Вацлава) гривна стала уже атрибутом не самого Бориса, а его отрока Георгия.

Логичное объяснение удвоения убийства Бориса в свете вышесказанного представляется таким: при первоначальной записи древнерусского рассказа об убийстве Бориса были использованы два основных устных источника, восходящих к первоначальному устному рассказу об убийстве Бориса. В более полном из этих источников перечислялись вышегородские бояре, которым Святополк поручил убить Бориса, и уже были потеряны сведения о том, что убийцами Бориса были варяги. Вторым источником были слухи о том, что убийцами были два варяга (т. е., вероятно, Эймунд и Рагнар, о которых рассказывается в «Эймундовой пряди»).

Первое древнерусское письменное описание убийства Бориса точнее всего отразилось в дошедших до нас летописных версиях, восходящих к сводам, предшествующим ПВЛ. Это следует не только из того, что в списках НовгI и летописей, отражающих ПВЛ, мы видим более полный рассказ об убийстве Георгия, чем в Чтен. Наиболее ярко о зависимости Чтен. и Сказ. от летописи свидетельствуют особенности отражения в этих текстах «двойного» убийства Бориса.

Как уже неоднократно отмечалось, одним из основных приёмов работы Нестора было опущение конкретных сведений своего источника[3]. Кроме того, автор Чтен. пытался делать свой рассказ логичным, если не находил логики в источнике. Приверженность этим принципам стала причиной изменения Нестором сюжета тёмного летописного повествования, где сначала говорилось о нападении на Бориса (находившегося *в* шатре) *около* шатра, а затем о повторном убиении Бориса, которого везли с места первого убийства, *одним из* двух варягов. В Чтен. вместо этого находим более логичный рассказ об убийстве Бориса, выскочившего из шатра после нападения, *одним из* убийц. Таким образом, Нестор исправил путаницу своего источника с убийством то ли *в* шатре, то ли *около* него и путаницу с повторным посыланием убийц и двойным убийством.

Автор Сказ., возможно, имел в своём распоряжении и летописную версию рассказа о гибели Бориса, и текст Нестора. Он не пытался сделать своё повествование логичнее или понять причины различий своих источников. Его целью было наиболее подробное описание событий. Поэтому в Сказ. мы находим уже не удвоение, а почти что утроение убийства: его автор отдельно описал и ранение Бориса в шатре, и убиение у шатра, и повторное убийство двумя варягами.

В заключение отмечу, что те выводы, к которым привело меня данное микроисточниковедческое исследование, в целом идентичны выводам Шахматова, сделанным на основании полномасштабного анализа борисоглебского цикла. В гипотезы всех последующих критиков шахматовской схемы выявленные особенности рассказа об убийстве Бориса не укладываются никак.

[2] *Михеев С. М.* Золотая гривна Бориса и родовое проклятье Инглингов: К проблеме варяжских источников древнерусских текстов // Славяноведение. М., 2005. № 2. С. 28–42.

[3] *Ильин Н. Н.* Летописная статья 6523 года и ее источник. (Опыт анализа.) М., 1957. С. 99; *Бугославский С. А.* Древнерусские литературные произведения о Борисе и Глебе: Историко-литературное исследование. СПб. (в печати: Subsidia Byzantinorossica. Т. III. Текст доступен в Интернете: http://byzantinorossica.org.ru/ser_sbr_v3.html.). Гл. XI. С. 152–153.

Н. В. Николенкова (Москва)

ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОЕ «ЯКО» В ПЕРЕВОДНОМ АГИОГРАФИЧЕСКОМ СВОДЕ КНЯЗЯ КУРБСКОГО – ЧАСТЬ РЕЧИ И ЗНАЧЕНИЕ

1. Структура значения церковнославянского «яко» описывается нами на материале некоторых агиографических текстов, переведенных с латинского языка в кружке князя Курбского[1]. Уже сам факт перевода с латыни, а не с греческого языка может быть интересен при анализе использования служебных средств в этой группе памятников. Вопросы, которые мы поставили и пытаемся решить, заключаются в следующем: является ли использование служебных слов и союза «яко», в частности, результатом пословности перевода; вносится ли в структуру значения этого союза что-то новое по сравнению с его значением, выделенным для церковнославянских памятников XI–XV в.; оказываются ли какие-то значения утраченными в сопоставлении с выделенными для классических старославянских памятников; какой характер связи реализует использование в тексте союза «яко» – сочинение или подчинение.

2. Структура значения «яко» достаточно подробно описывается в исторических словарях, наиболее развернутая словарная статья содержится в словаре Р. М. Цейтлин[2]. Описанная структура очень сложна и включает в себя около 20 значений, среди которых есть и конструктивно обусловленные, представляющие для нас особенный интерес. Исходя из словарной статьи «яко» для старославянского языка оказывался в ряду слов с не до конца определенным значением и даже частиречной принадлежностью, что давало ему возможность, во-первых, использоваться в большом ряду контекстов, во-вторых, развивать и конкретизировать значение по мере развития письменной традиции на ЦСЯ.

3. Изучение «яко» как союза привело к представлению о его подчинительном характере; описывая асемантический характер данного союза, его рассматривают как один из этапов развития подчинительных отношений в бинарных группах ПЕ[3]. Подобное употребление «яко» в исследуемой группе текстов оказывается окказионально, не соотносится оно и с типичным употреблением слова в агиографических текстах этого же времени.

4. Использование для уточнения структуры значения «яко» в ЦСЯ периода XVI века латинских переводов оказывается интересным, так как выявляет осознанную ситуацию выбора церковнославянского слова или конструкции. Нами рассматриваются в первую очередь контексты, где «яко» выступает в роли служебного средства или его части. Анализ конструкций с «яко» во второй её части показывает скорее сочинительный, нежели подчинительный его характер. Чаще всего это служебное слово будет использовано в конструкциях «тако… яко», при этом латинский аналог может быть различен.

5. При анализе контекстов с использованием «яко» мы выявили определенную семантическую незначимость этого служебного средства. Фактически «яко» имеет лишь частичное значение: при переводе «яко» используется для целого ряда латинских слов и частей. Иногда при переводе не выявляется различий между «яко» и «да» (хотя собственное значение последнего для ЦСЯ трудно описать; скорее всего, можно говорить лишь о конструктивно обусловленном значении последнего). Таким образом, ставится под сомнение фугкционирование «яко» как наречия с собственным значением.

6. Некоторые значения «яко» в исследуемых нами текстах не реализованы вовсе (к примеру, «яко» как маркер начала прямой речи), что может свидетельствовать об утрате «яко» этого значения для XVI века. Все это может стать основанием для уточнения словарной статьи для ЦС «яко» в сравнении со старославянским «яко».

7. В тексте житий отмечены лексемы с использованием «як-», во многом само использование корня будет соотнесено с латинским оригиналом. Подобные использования проанализированы особо.

---

[1] Используются публикации в серии «Памятники церковной письменности», в частности: *Калугин В. В.* «Житие святителя Николая Мирликийского» в агиографическом своде Андрея Курбского. М., 2003; Святой Георгий Победоносец в агиографическом своде Андрея Курбского. М., 2004.

[2] Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Под редакцией Р. М. Цейтлин и др. М., 1999.

[3] *Преображенская М. Н.* Служебные средства в истории синтаксического строя русского языка XI–XVII вв. (сложноподчиненное предложение). М., 1991. С. 97–101.

А. И. Папков (Белгород)

ПОХОД РОССИЙСКИХ ВОЙСК НА МИРГОРОД ОСЕНЬЮ 1633 г.

В истории Смоленской войны (1632—1634) ответные действия российских войск остаются практически не изученными. Между тем, в фондах РГАДА сохранились материалы русского приказного делопроизводства, позволяющие осветить отдельные малоизученные эпизоды Смоленской войны.

На начальном этапе войны на южной окраине Российского царства правительство ограничивалось только оборонительными мерами. На приграничной территории, по мере возможности, организовывался отпор черкасским отрядам, продолжалась станичная и сторожевая служба. На южную украйну из Москвы посылались дополнительные вооруженные силы. Весной 1633 г. в Северскую область был отправлен отряд во главе с воеводами Бутурлиным и Олябьевым для предотвращения разорения российских уездов черкасами. Стольнику Ф. Бутурлину приказывалось: «...На литовских людей и на черкас посылати голов с сотнями и велеть над ними промышляти всякими обычаи, чтоб над литовскими людьми и над черкасы поиск учинити, и у городов стоять, и уездов воевать не дать...»[1]. В случае поимки черкасских и литовских языков их предписывалось расспрашивать и пытать. В условиях войны это было делом обычным по отношению к неприятелю. Затем, помимо оборонительных мер, северским и украинным воеводам было приказано посылать войска на города, принадлежавшие раньше Российскому царству и отошедшие к Речи Посполитой по Деулинскому перемирию 1618 г. По замыслу правительства, такие действия должны были способствовать возвращению этих городов под юрисдикцию Москвы. Поэтому в 1633 г. от царского имени было направлено письмо к Семену Рагозину и другим детям боярским, донским казакам и служилым людям упомянутых городов, которые самовольно, воспользовавшись обстановкой военного времени, пошли к черкасским городкам с целью грабежа и разбоя. В письме говорилось: «...На черкасские городки... северских и украиннных городов воеводам нашим ходить и ратных людей до нашего указа посылать не велено, для того, что черкасы стоят за веру против еретиков, что польские люди у них веру нарушают и за то, что у них с польскими людьми за веру бои были великие, да и ныне есть»[2]. Царское правительство предпочитало не провоцировать украинцев, надеясь, что, благодаря религиозным разногласиям с католиками и униатами, они втянутся в борьбу с поляками. А русские служилые люди не ограничивались предписанным правительством районом действий. Из Путивля и Рыльска 10 января 1633 г. в Разряд прибыли гонцы с донесениями об успешных походах объединенных сил путивльцев и рылян в район Ромен. В ходе этой военной экспедиции были взяты два острожка и выжжены посады[3]. По всей видимости, Ромны были быстро восстановлены, т. к. спустя всего полгода, 23 июля 1633 г., отряд путивльцев снова выжег Роменский острог[4].

Во время Смоленской войны отчетливо проявились особенности порубежья. Пограничные земли в предшествующий период входили поочередно в состав Российского царства и Речи Посполитой. Это отразилось и на ходе боевых действий. Зимой 1632 г. русские войска подошли к костелу, стоявшему под Новгородом-Северским, и расположенному рядом с ним острожку. Указанный опорный пункт оборонялся сотней черкас и служилыми людьми, бывшими до 1618 г. российскими подданными. Воевода Баим Болтин предложил этим служилым людям не сопротивляться и перейти вместе с семьями «на государево имя». Получив согласие, воевода

[1] АСЭИ. СПб., 1836. Т. III. № 220. С. 326.
[2] Акты Московского государства, изданные императорскою Академиею наук. СПб., 1890. Т. I. № 486. С. 448.
[3] Дворцовые разряды. СПб., 1850. Т. II. Стб. 311–312.
[4] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. № 117. Л. 79.

направил отряд к костелу. В результате ночного боя черкасы были уничтожены, а опорный пункт взят[5]. В это же время служилыми людьми, отправленными из Путивля, был сожжен острог г. Батурина. При штурме захватили 48 пленных, а большая часть гарнизона погибла в огне[6]. 20 ноября 1633 г. в Белгород вернулись ратные люди из похода. Они сообщили воеводе Волконскому об отсутствии в Полтаве войск, готовых к походу, т. к. черкасы ушли в Лубны. Белгородцы доложили о взятии ими Полтавского города и острога, при этом «...многих литовских людей побили и большой острог, и слободы, и посады сожгли, а достальные литовские люди сели в малом острожке»[7]. Объединенные силы из Рыльска, Путивля, Новгорода-Северского и Севска взяли и разорили город Борзну. Большой и малый остроги, села, деревни и слободы в округе были сожжены. Языков поляков и черкас привели в свои города: в Рыльск — 17 чел.[8], в Путивль — 20[9].

Одной из трудных, но успешных экспедиций русских войск стал поход на Миргород осенью 1633 г. Ему предшествовала тщательная подготовка. Путивльские воеводы Никита Никитич Гагарин и Андрей Васильевич Усов отправили отряд путивльцев под командованием головы Владимира Григорьевича Черепова для захвата пленных. «Языков» добыли под г. Серебряным, и только после их допроса ратные люди были посланы под Миргород[10]. Из Путивля отряд под командованием Ивана Бутурлина вышел 27 сентября 1633 г., а 30 числа того же месяца был предпринят штурм Миргорода. Большой острог был взят, в крепости захватили значительное количество пленных, а многие из оборонявшихся были убиты и ранены. Небольшой части гарнизона удалось отсидеться в «малом острожке», который не сумели взять, видимо, из-за нехватки времени. Пленные показали, что в Лубнах, расположенных в 30 верстах от Миргорода, находится отряд полковника Пырского, усиленный воинскими людьми и черкасами из других городков. Это обстоятельство обусловило торопливость действий русских войск. Стены крепости, башни, дворы, посад и прилегающие слободы сожгли. В качестве трофеев не стали брать даже крепостную артиллерию. Пушки оставили на стенах, т. к. «сволочь не успели, потому что зажгли острог вскоре и сами пошли назад»[11].

В составе отряда И. Бутурлина были путивльские и черниговские дворяне, дети боярские, верстанные казаки, а также донские атаманы, есаулы и казаки. Точную численность определить невозможно, сохранился только послужной список этого похода, в котором перечислены наиболее отличившиеся служилые люди[12]. Наибольший урон противнику нанесли дворяне и дети боярские, составлявшие, видимо, ударную силу отряда. Согласно списку, 69 путивльских дворян и детей боярских убили 109 чел., а 54 служилых черниговца этой же категории — 74. Если сравнить количество уничтоженных врагов и перечисленных в списке служилых людей, то в первом случае получается соотношение, равное 1,58 в пользу победителей, а во втором — 1,37. В то же время 12 верстанных казаков, упомянутых в списке, убили только 10 чел., что дает соотношение 0,83, а 100 донских казаков уничтожили 68 чел. (соотношение — 0,68). На обратном пути, в 10 верстах от Миргорода, отряд И. Бутурлина настигли черкасы лубенского полковника Пырского. Вместе с ним действовали отряды лубенского урядника Позлатовского, лохвицкого полковника Турского и миргородского урядника Матяша Царенка. Отписка путивльских воевод, полученная в столице 20 октября 1633 г., сообщает о том, что бой с лубенскими черкасами произошел 1 октября. В ходе боя было захвачено 100 пленных, убиты полковник Пырской и урядник

[5] Там же. Столбцы Московского стола. № 102. Л. 62.
[6] Там же. Л. 67.
[7] *Танков А. А.* Историческая летопись курского дворянства. Т. I. М., 1913. С. 194.
[8] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 53. Л. 333.
[9] *Танков А. А.* Историческая летопись курского дворянства. С. 207.
[10] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. № 178. Л. 47.
[11] Там же. Столбцы Белгородского стола. № 53. Л. 62.
[12] Там же. Столбцы Севского стола. № 178. Л. 45–66.

Турской. В ходе этого сражения было побито более 1000 литовских людей и черкас. Численность погибших в этом сражении черкас весьма приблизительна, ее определяли «по смете», поскольку путивльцы спешили как можно быстрее покинуть опасную зону. Весьма вероятно, воеводы преувеличили урон, нанесенный противнику, однако тот факт, что в схватке принимали участие значительные силы, подтверждается указанием на протяженность поля боя в три версты и медленным продвижением русского отряда в дальнейшем: за два дня он прошел 20 верст, что не вяжется с предшествующей спешкой.

3 октября возле места, именовавшегося «Пять могил», произошел бой с отрядом под командованием синицкого урядника пана Маркеева, в ходе которого противник потерял более 300 чел. убитыми и ранеными, а пленными — 50. Перед сражением путивльцы убили пленных, захваченных в Миргороде и на бою 1 октября. Сделать это пришлось для того, чтобы высвободить людей, задействованных на их охране. А черкасы, плененные 3 октября, показали, что 1 и 2 октября российские войска имели дело со значительными силами черкас — 3000 и 2000 чел. соответственно[13]. Эти украинцы были приведены в Путивль, но впоследствии половина из них умерла от ран[14]. Большая смертность среди пленных позволяет предположить, что в плен попали в основном тяжелораненые, а это свидетельствует об ожесточенности боевых действий. За такую службу царь Михаил Федорович высказал свою похвалу участникам похода[15]. Важно также сообщение воевод о том, что согласно государева указу, украинские крестьяне, захваченные во время походов 1633 г., «отданы тем путивльским людем, хто из поимал»[16]. Узнав о разгроме Миргорода, из Нежина в район Ромен прибыл полковник Лаворской с 1000 черкас. Он разослал листы по всем украинским городкам, призывая всех желающих собираться для похода на Путивль[17]. В дальнейшем черкасские отряды продолжали активно участвовать в боевых действиях на Поле.

Приведенные факты позволяют представить всю сложность взаимоотношений двух родственных славянских народов, разделенных границами и интересами конфликтовавших государств. Видимо, важнейшим условием перехода от конфронтации к взаимовыгодному сотрудничеству было объединение русских и украинцев в рамках единого государства. Высказанное предположение подтверждается образованием после Переяславской рады 1654 г. Слободской Украины со смешанным русско-украинским населением.

[13] Там же. Столбцы Белгородского стола. № 53. Л. 61–63.
[14] Там же. Столбцы Севского стола. № 117. Л. 68–74.
[15] Там же. Столбцы Приказного стола. № 57. Л. 636–639; Там же. Столбцы Белгородского стола. № 53. Л. 67–69.
[16] Там же. Столбцы Севского стола. № 178. Л. 46.
[17] Там же. Столбцы Белгородского стола. № 53. Л. 155.

Г. А. Пожидаева (Москва)

ТРАДИЦИЯ ДРЕВНЕРУССКОЙ МОНОДИИ В ПЕСНОПЕНИЯХ ТИПОГРАФСКОГО УСТАВА

Типографский устав и кондакарь конца XI – начала XII в. – одна из первых нотированных певческих рукописей Древней Руси, отразившая главные типы и виды церковного пения той эпохи.

В состав книги включены нотированные песнопения – самоподобны кондакарного и знаменного пения, подборка которых отличается системностью и максимальной полнотой для этого периода. Типографский устав представляет особую ценность, поскольку в нем фактически

изложены основные приемы композиционной техники, причем не только для кондакарного пения, но и для важнейшего распева русской православной церкви — знаменного распева силлабического и силлабо-мелизматического типов.

В нотированных песнопениях Типографского устава зафиксирован сложившийся к тому времени интонационный фонд и главные музыкальные и музыкально-речевые структуры кондакарного пения как части системы древнерусских распевов. Кондакарная традиция, судя по нотированным песнопениям, сохраняется в других, более поздних списках: Благовещенском, Успенском, Лаврском кондакарях.

До последнего времени кондакарная нотация считалась едва ли не буквальным «слепком» с палеовизантийской нотации шартрской разновидности. Такая точка зрения основана на их чисто внешнем сходстве — двухуровневой записи напевов с помощью так называемых больших ипостаз (верхний уровень графически крупных знаков) и простых знаков (нижний уровень «мелких» знаков). Последние исследования свидетельствуют о том, что кондакарная нотация является самостоятельной самодостаточной знаковой системой, принципиально отличающейся от византийской системы музыкальной письменности.

Интересный материал для исследователя дает сопоставление Типографского устава с более поздним списком — Благовещенским кондакарем конца XII — начала XIII в., в котором сохраняются и развиваются певческие традиции Типографского устава. В Благовещенском кондакаре обнаружены фрагменты вкраплений знаменной нотации в кондакарную. Это позволяет вплотную приблизиться к научно-корректной расшифровке кондакарного знамени. Образцы расшифрованных нами кондакарных и знаменных песнопений по списку Типографского устава подтверждают высказанную академиком Б. Асафьевым идею об общем интонационном фонде эпохи. Об этом свидетельствуют сходные черты кондакарного и знаменного пения, которые отразились в таких важнейших для всей древнерусской монодии элементах, как ладовая, интонационно-ритмическая и структурная организация.

М. В. Пожидаева (Москва)

РАСПЕВЫ СВЯТО-ТРОИЦКОЙ СЕРГИЕВОЙ ЛАВРЫ XVI–XVIII ВЕКОВ

Свято-Троицкая Сергиева Лавра обладает богатыми традициями песнотворчества. Одноголосные песнопения, созданные в этом духовном и культурном центре, содержатся в опубликованном «Ирмологии по напеву Троице-Сергиевой Лавры», а также в работах ученых-медиевистов. Изучение стилистики этих песнопений, которые еще не были обьектом специального исследования, является нашей целью. Комплексный подход в решении данной проблемы заключается, во-первых, в рассмотрении троицких песнопений различных типов и видов (путевой, знаменный силлабический и силлабо-мелизматический). Во-вторых, к работе были привлечены источники, содержащие песнопения разных стилей и периодов церковного пения, с XI по XIX в.

Структурный анализ музыкальных и музыкально-речевых единиц песнопений позволил раскрыть композиционную технику их создания и выявить их стилистические особенности; среди рассмотренных структур некоторые являются наиболее показательными, демонстрирующими принципы композиционной *системы* знаменного и путевого троицкого пения одноголосной ветви и создающими художественный образ напева.

Сравнение троицких ирмосов и путевых песнопений с образцами знаменного пения силлабического и силлабо-мелизматического типов, а также с путевой традицией других монастырей

позволило выявить *особенности распева Лавры*, а также определить его место в историческом процессе формирования церковной монодии.

В результате сравнительного анализа, раскрывшего оригинальные стилистические черты троицкого напева, подтвердилось *своеобразие монастырских традиций*. Очевидно стремление песнотворцев Лавры к *сохранению древних традиций* церковного пения, характеризующих Студийскую эпоху (до XV в.), поэтому троицкие песнопения отражают некоторые стилистические черты, восходящие, возможно, ко времени создания монастыря (1337 г.).

Сравнение песнопений Троицкого ирмология с силлабическим знаменным пением XI–XII и XVII в., выявляющее их общие и различные черты, позволило сделать выводы о более позднем происхождении троицких напевов и отнести их создание ко времени XVII – нач. XIX в. Таким образом, песнопения Троицкого ирмология представляют собой *поздний этап в развитии знаменного пения*, сохраняющего, однако, ранние традиции. Вне сомнения, создатели напевов ставили своей целью сохранить черты древнейшего слоя знаменного распева.

Сравнение путевого троицкого пения со знаменным выявило их общие черты. Это подтверждает, на уровне структурного анализа, идею Н. Успенского о «родстве» путевого и знаменного пения. Ученый имел в виду сходство путевого пения общей традиции и знаменного силлабо-мелизматического (созданного после реформы XV в.). Однако в ходе структурного анализа обнаружилась тесная взаимосвязь между путевым троицким распевом и знаменным другого типа – *силлабическим*: одно из доказательств – частичное совпадение по стилистическим признакам словаря основных лексических единиц троицкого пути со словарем силлабического троицкого пения. Между путевым троицким и знаменным силлабо-мелизматическим пением проявилось отдаленное «родство» и общие истоки на раннем этапе развития церковной монодии.

Поскольку именно силлабический знаменный распев был основным видом пения в период домосковской Руси, его связь с путевым распевом (частью которого является троицкий путь) подтверждает *преемственность* последнего. Это согласуется с одной из гипотез, высказанных И. Гарднером, о происхождении названия путевого распева, связанного с понятиями «правило», «обычай» и возникшего на основе устоявшихся традиций, имеющих глубокие исторические корни.

Б. М. Пудалов (Нижний Новгород)

«ЖИТИЕ ЕВФИМИЯ СУЗДАЛЬСКОГО» И СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА НИЖЕГОРОДСКОГО

«Житие Евфимия Суздальского» – памятник древнерусской агиографии, остающийся малоизученным. Введение в научный оборот списка нач. XVI в. (Центральный архив Нижегородской области. Ф. 2636. Оп. 2. № 52. Сборник из Печерского монастыря. Л. 592–597 об.) опровергает существующую датировку и атрибуцию памятника. Создание жития следует датировать в интервале между 1405 г. (дата преставления преп. Евфимия) и нач. XVI в. (дата наиболее раннего списка жития), при этом внимательное изучение текста по списку «Нижегородского сборника» позволяет несколько уточнить эту датировку. От времени деятельности Евфимия автора отделяет несколько десятилетий: только у биографа из другой эпохи могло оказаться так мало подлинных сведений о прославляемом лице. В тексте нет упоминаний о личном знакомстве с преподобным и ссылок на «самовидцев», зато немало хронологических ошибок (например, определение статуса Бориса Константиновича в 1352 г. как великого князя нижегородского и суздальского, верховного правителя державы). Для датировки жития имеет значение следующий

фрагмент: Дионисий Печерский перед отправкой преподобного «мало отчасти повѣда ему, трудоносное лице моча слезами, рече: «Грѣх ради наших и за умножение безаконий в послѣдняя времена по нашему к Богу отшествию будет запустѣние граду тому (т. е. Нижнему Новгороду. – *Б. П.*) и святым Божиим церквам и монастырей разорение от поганых агарян», еже и бысть по прозрѣнию преподобнаго Деонисиа» (Ниж. сб. Л. 595а). Данный фрагмент жития указывает, скорее всего, на татарское нашествие 1445 г., приведшее к сильному разорению Нижегородского края. Судя по документальным источникам, «момотяковщина» долго оставалась наиболее памятным событием для нижегородцев даже спустя два-три десятилетия после 1445 г. Таким образом, составление ранней редакции жития следует датировать серединой-второй половиной XV в.

Источниковедческий анализ «Жития Евфимия Суздальского» позволяет сделать ряд наблюдений, имеющих значение для изучения истории великого княжества Нижегородского и решения спорных вопросов.

1. Вызывает интерес противопоставление «верхних» и «нижних» «стран и городов», например, в словах князя Бориса Константиновича Дионисию Печерскому: «В нашем дрьжавствѣ в отчинѣ нашей есть домы молитвеныя опщии обители в Нижнем Новѣградѣ, а в врьхних странах у нас в нашеи дрьжавѣ градѣ Суздалѣ не обретеся обитель опще жителство иноком» (Ниж.сб. Л. 594а); Дионисий посылает учеников из Печерского монастыря основывать монастырь в Суздаль «в верьхняя грады и страны» (Л. 594в); Евфимий «поиде от восточныя страны от нижних в врьхняя грады и страны» (Л. 595а). Данные упоминания следует поставить в связь с выявленной Е. Э. Гранстрем записью, где чернец Малахия Философ называет себя по-гречески «наместник Владимира Верхней («απάνω») России Московской». По-видимому, к середине XV в. существовала традиция называть Нижегородскую округу «нижней страной», в противопоставление региону Суздаля и Владимира («верхняя страна»).

2. Уточнение датировки жития и легендарный характер читающихся здесь агиографических известий о суздальском епископе Иоанне заставляют критически отнестись к версии о пребывании на Суздальской кафедре во второй трети XIV в. одновременно двух епископов, поставленных при поддержке враждовавших московского и нижегородского великих князей. Данная версия, возникшая в сочинениях провинциальных историографов XVIII – перв. пол. XIX в., получила развитие в последующих работах историков и краеведов (И. М. Покровский, А. А. Титов) и наиболее отчетливо сформулирована современным нижегородским исследователем Ю. В. Сочневым. Между тем, отсутствие летописных упоминаний об Иоанне Суздальском в период 40–60-х годов XIV в. приводит к мысли, что персонажем житийной легенды мог быть епископ Иоанн, умерший в 1314 г. (Троицкая и Симеоновская летописи, под 6822 г.) и спустя годы действительно именуемый «блаженный чюдотворець». Для агиографа, работавшего приблизительно через сто лет после основания Спасо-Евфимьева монастыря, все это было уже «воспоминанием о воспоминании». Не выдерживают критики утверждения о том, что суздальская кафедра пустовала между 1299–1347 г., а также попытки опереться для доказательства версии «о двух иерархиях» на еще более позднее и легендарное «Житие Иоанна Суздальского» и компилятивное известие Устюжской летописи под 6860 г. Наконец, отождествление епископа Иоанна с архимандритом Нижегородского Печерского монастыря Ионой и прочие домыслы, основанные на так называемой «местной грамоте» Дмитрия Константиновича, следует решительно отвергнуть.

3. Дальнейшего изучения, с привлечением иных источников, заслуживает вопрос о времени основания Дионисием Нижегородского Печерского монастыря. Ни «Житие Евфимия Суздальского», ни иные источники (агиографические и летописные) не содержат даты основания Печерского монастыря, и нет оснований принимать встречающуюся в краеведческой литературе дату 1328–1330 г. Описание деятельности Дионисия позволяет предполагать основание монастыря в 40-х г. XV в. при великом князе Константине Дмитриевиче, перенесшем столицу княжества

из Суздаля в Нижний Новгород. Требует дополнительного анализа и владельческая история Суздаля во втор. пол. XIV в. и особенно в перв. пол. XV в. Летописные и агиографические упоминания представителей различных ветвей Константиновичей на княжении в Суздале принято понимать как переход удела от одной ветви к другой, так что неизбежно приходится предполагать обострение междоусобной борьбы при поддержке московских князей (о чем писал А. А. Горский). Между тем, на наш взгляд, следует учитывать и иную возможность — совместное управление старой «родовой» столицей и ее округой князьями-соправителями (тем более, что аналогичная система управления известна в Московском и Ростовском княжествах). Такое понимание владельческой истории Суздаля, опирающееся на ряд косвенных свидетельств источников, позволяет несколько иначе представить удельную систему великого княжества Нижегородского и взаимоотношения князей Суздальского дома.

В. Г. Пуцко (Калуга)

ПОКРОВ БОГОМАТЕРИ: ОТ РЕЛИКВИИ К ВИДЕНИЮ (ПО МАТЕРИАЛАМ САКРАЛЬНОГО ИСКУССТВА НА РУСИ)

Установление праздника Покрова пресвятой Богородицы 1 октября, накануне памяти Блаженного Андрея, Христа ради юродивого, в сюжетном плане связано с его видением и представляет изначально принадлежность русского церковного календаря. Появление праздника засвидетельствовано постройкой церкви Покрова на Нерли в 1165 г., генетически связанной с почитанием иконы Богоматери Боголюбской[1]. Уже Н. П. Кондаков обратил внимание на то, что этот образ соответствует изображению на Суздальских вратах, около 1230 г., с сопроводительной надписью, свидетельствующему о прославлении собственно «покрова», т. е. мафория Богородицы, хранившегося во Влахернах[2]. Это почитание реликвии прослеживается и в Киеве, где уже около 1200 г. изготовляли бронзовые кресты-энколпионы с рельефным изображением Богоматери Агиосоритиссы, идентичным суздальскому[3]. Последнее, как известно, входит в цикл композиций, иллюстрирующих константинопольскую традицию[4]. Живописная техника иконы Богоматери Боголюбской соответствует приемам константинопольской живописи XI—XII в.[5] Этот вывод не исключает византийско-киевское происхождение произведения, возможно увезенного во Владимир вместе с иконой Богоматери Владимирской.

Позже, в XV—XVI в., иконографический образ Богоматери Агиосоритиссы встречается на ковчегах-мощевиках[6], а также воспроизводим вместе с влахернским киворием[7] и, наконец, становится основой многофигурной композиции, включающей молящихся святых и народ[8].

Между тем, во второй половине XIV в. появляются первые изображения Покрова, воспроизводящие видение Блаженного Андрея. Эта икона из Суздаля, представляющая Богоматерь

[1] *Воронин Н. Н.* Из истории русско-византийской церковной борьбы XII в. // Византийский временник. М., 1965. Т. XXVI. С. 208—218.

[2] *Кондаков Н. П.* Иконография Богоматери. Пг., 1915. Т. II. С. 97—99.

[3] *Пуцко В. Г.* «Богородица Десятинная» и ранняя иконография Покрова // Festschrift für F. Von Lilienfeld. Erlangen, 1982. С. 355—373; *Пуцко В. Г.* Киевский крест-энколпион с Княжей Горы // Slavia Antiqua. Poznan, 1988. T. XXXI. С. 209—225.

[4] *Grabar A.* Une source d'inspiration de l'iconographie byzantine tardive: les ceremoinies du culte de la Vierge // Cahiers archeologiques. T. XXVI. Paris, 1976. P. 152—162.

[5] *Романова М. В.* Уникальное произведение живописи домонгольской Руси // Русское искусство XI—XIII вв. Сборник статей. М., 1986. С. 72.

[6] *Николаева Т. В.* Произведения мелкой пластики XIII—XVII вв. в собрании Загорского музея. Каталог. Загорск, 1960. № 119, 122.

[7] *Пуцко В. Г.* Каргопольская икона Богоматери. (О генезисе иконографии Покрова) // Чтения по исследованию и реставрации памятников художественной культуры Северной Руси, посвящ. памяти Н. В. Перцева. Архангельск, 1992. С. 77—88.

[8] См.: *Овчинникова Е. С.* Московский вариант «Богоматери Боголюбской». Об использовании древних иконографических изводов в иконописи XVI века // Искусствознание. 1998. № 2. С. 240—261.

с красным покровом в распростертых руках[9], новгородская фреска церкви Федора Стратилата (1370 г.) и икона конца XIV в. из Зверина монастыря с изображением Богоматери Оранты, над которой ангелы простирают покров[10]. Композиция построена по схеме Вознесения, а группы в нижней части иконы обнаруживают сходство со сценами, появляющимися в византийском искусстве с конца XIII в.[11] Упрощенный вариант этой развитой композиции представляет галицкая народная икона, воспроизводящая ее структуру и опускающая детали, и датировать данный памятник началом XIII в. нет никаких оснований[12]. В указанное время был известен лишь один вариант Покрова: с Богоматерью Агисоритиссой и ангелами. Формирование новгородской версии XV в. не отличается динамичностью, но около 1500 г. оно усваивает элементы московской иконографической схемы: с фигурой Романа Сладкопевца на амвоне и иначе трактованными группами святых[13].

Радикально изменяется иконографическая схема Покрова в течение XVI в. и в собственно новгородских произведениях, и на Русском Севере[14]. Ее вариативность, скорее всего, была инспирирована начавшими проникать ренессансными тенденциями. В украинской и белорусской иконописи развитие иконографии Покрова в основном прослеживается на более позднем материале, более европеизированном, вплоть до усвоения западной иконографической формулы[15]. Но и здесь XVI в. явно отмечен поисками новых путей, что обусловлено ослаблением византийской художественной традиции. Соответственно и видение Блаженного Андрея отодвигается на второй план, а затем исчезает совсем из новой схемы с ее усилившимся светским жанрово-портретным элементом. В целом иконография Покрова весьма адекватно отражает эволюцию сакрального искусства в его историко-культурном измерении, с учетом особенностей, которые присущи православному моленному образу.

Л. В. Прокопенко (Москва)

ПРОЛОЖНАЯ РЕДАКЦИЯ ПАНДЕКТ АНТИОХА

В Прологе за сентябрьскую половину года так называемой краткой редакции имеется 10 отрывков из славянского перевода Пандект Антиоха (далее – ПА):

13 октября	Слово о мздоимцах (глава 9 в греческом тексте)
14 октября	Слово о чаянии будущих благ (глава 125)
15 октября	Слово о дающих куны в резы (глава 12)
25 октября	Слово о гневе (глава 23)
10 декабря	Слово о том, чтобы никого не оскорблять (глава 60)
18 декабря	Слово о благоречии (глава 62)
29 декабря	Слово о прекословии (глава 32)

[9] Гос. Третьяковская галерея. Каталог собрания. М., 1995. Т. I. С. 121. № 48.

[10] *Ковалева В. М.* Росписи в новгородской церкви Федора Стратилата // Средневековое искусство. Русь-Грузия. М., 1978. С. 152–153, схема на с. 151; *Лазарев В. Н.* О дате одной новгородской иконы // Новое в археологии. М., 1072. С. 247–253.

[11] *Джурич В. И.* Портреты в изображениях рождественских стихир // Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа: искусство и культура. М., 1973. С. 244–255.

[12] Ср.: *Александрович В.* Иконография древнейшей украинской иконы Покрова Богоматери // Byzantinoslavica. Prague, 1998. T. LIX. С. 125–135.

[13] См.: *Гордиенко Э. А.* «Покров» в новгородском изобразительном искусстве. (Источники образования типа) // Древний Новгород: история, искусство, археология. Нов. исследования. М., 1983. С. 314–337; *Смирнова Э. С., Лаурина В. К., Гордиенко Э. А.* Живопись Великого Новгорода. XV в. М., 1982. № 9, 10, 19, 63 (4а).

[14] *Пуцко В.* Новгородская икона Покрова Пресвятой Богородицы // София. 2002. № 4. С. 26–29; *Пуцко В.* Икона из Воскресенского Горицкого монастыря и северорусские иконографические схемы Покрова XVI века // Кириллов: Краеведческий альманах. Вологда, 2001. Вып. 4. С. 219–237.

[15] Подробнее см.: *Gearowicz M.* Mater Misericordiae, Pokrow, Pokrewa w sztuce i legedzie Srodkowo-Wschodniej Europy. Wroclaw, 1986; *Пуцко В. Г.* Украинские и белорусские иконы Покрова XVII–XVIII вв.: истоки иконографической схемы // Белорусский сборник. СПб., 2002. Вып. 2. С. 34–55; *Косів Р.* Іконографія Богородиці в західноукраїнських іконах Покрови XIV–XVII ст.: традиції та впливи // Волинська ікона: дослідження та реставрація. Луцьк, 2003. Вип. 10. С. 41–49.

30 декабря Слово о празднословии (глава 33)
31 января Слово о том, чтобы сострадать друг другу (глава 92)
26 февраля Слово о снах (глава 84)

В Прологе пространной редакции (также за сентябрьскую половину года), помимо этих 10 отрывков, находится еще несколько.

Отрывки из ПА рассредоточены по всему тексту Пролога, в отличие от компактного расположения отрывков из других произведений (жития Иоанна Златоуста, жития Варлаама и Иоасафа и др.).

ПА, по мнению исследователей, были переведены в Болгарии еще в X в. и очень рано стали известны на Руси: самый ранний список датируют XI в. (ГИМ. Воскр. № 30; далее — ПА XI), значительная часть ПА находится также в сборнике XII—XIII вв. (РГБ. Тр.-Серг. № 12; далее — СбТр).

В статье проведено сопоставительное исследование лексики и синтаксиса древнейших списков Пандект Антиоха (тех глав, что вошли в состав Пролога) и их проложной редакции. Для сравнения использовались ПА XI, СбТр, Прологи — Лобковский 1262 или 1282 г. (ГИМ. Хлуд. 187; далее — ПрЛ), Пролог 1313 г. (ГИМ. Син. 239; далее — Пр1313), Юрьевский 2-й пол. XIV в. (РГАДА. Тип. 153; далее — ПрЮр).

1. Характер обработки «слов» ПА в Прологе различный: так, Слово о благоречии (18 декабря) включено почти полностью, Слово о гневе (25 октября) сильно сокращено. Но сокращение достигается не пересказом «своими словами», а удалением отдельных фраз.

2. Лексические замены. Встречаются замены болгарских слов на общеславянские, например (СбТр — ПрЛ): съкоутатн — скроушнтн (о гневе), моудьнъ — медлнвъ, кратнтьс- — протнвнтьс- (κλονέω ‘гнать’); общеславянских на русские: лнхва — ръзъ; общеславянских на восточнославянские региональные: коузньць — ковачь; общеславянских на общеславянские же, но, вероятно, более употребительные во времена составления Пролога: двнзатнс- — настоупатн, страстн — грѣхы, жестоносьно — неоудобьноснмъ, родъ — родьство (γέεννα, смешанная с γενεά), достонть — подобаеть; грецизмов на славянскую лексику: клнръ — старешннъı.

Отметим непоследовательность замен: прнсно часто меняется на всегда, премоудрость на моудрость, етеръı на дроугн, но иногда эти слова сохраняются. Заслуживает интереса тот факт, что слово коузньць, замененное в отрывке из ПА на ковачь, встречается несколько раз в других статьях того же ПрЛ (например, в слове о златокузнеце, 6 октября).

3. Синтаксические замены. Синтаксические кальки с греческого, в изобилии присутствующие в ПА, заменяются на более естественные для древнерусского языка конструкции: *инф.* на отглагольные *сущ.* с предлогами; конструкции *глаг.* + *инф.* на конструкции с *инф.* в качестве *подл.* и субъектом в *дат. п.* и др. Характерные примеры (СбТр — ПрЛ):

скоръ послоушатн а моудьнъ глатн — скоръ на послоушанне н медлнвъ на гнѣвъ;
вельмн хощеть моуднтнс- чловк — велмн добро есть моуднтнс- чловкоу;
не бъıхомъ празьдьнословеснлн — празьдьнословьцн бъıхомъ ннколн же бъıлн;
порѣюеть бѣсъ сь гнѣвьнъıн чловка — порѣюеть дннаволъ человѣка на гнѣвъ.

4. Проложная редакция не является новым переводом ПА, это продукт редактирования. Пользовался ли редактор греческим текстом ПА (AntPand)? Ответ на этот вопрос, скорее, отрицательный.

В Слове о гневе (25 октября, 23-я глава AntPand) есть фрагмент, отсутствующий в ПА XI и СбТр, но имеющийся в греческом оригинале. Это серьезный довод в пользу того, что у составителя Пролога все же был греческий текст ПА, которым он мог пользоваться для редактирования. Но этому предположению противоречит значительное количество лексических замен в Прологах, сделанных неправильно (например, прѣзорнвъıн в СбТр — прозорнвъıн в ПрЮр, прозьрлнвъıн в ПрЛ; греч. ἀφηνιαστής ‘непокорный’).

А. А. Решетова (Рязань)

К ВОПРОСУ О РЕДАКЦИЯХ «ПОВЕСТИ О СВЯТЫХ И БОГОПРОХОДНЫХ МЕСТАХ» ГАВРИИЛА НАЗАРЕТСКОГО

В 1651 г., во время пребывания назаретского митрополита Гавриила в Москве, корпус паломнической литературы Древней Руси пополнил еще один текст — «Повесть о святых и богопроходных местах». Количество сохранившихся списков памятника, атрибутированного Гавриилу, говорит о том, что «Повесть» на протяжении втор. пол. XVII—XVIII в. была несколько раз переписана русскими писцами, то есть обрела в древнерусской письменности свою историю бытования. Указания на 6 списков, представляющих две редакции текста, содержит работа С. О. Долгова, подготовившего единственное издание «Повести» Гавриила Назаретского[1], и статья Е. Н. Матвеевой в «Словаре книжников и книжности Древней Руси. XVII в.»[2] Обзор списков свидетельствует, что их число с 1900 г. не увеличилось, вместе с тем местонахождение всех обнаруженных ранее в настоящее время известно: 1) РГБ. Собр. В. М. Ундольского (Ф. 310). № 734. Кон. XVII — нач. XVIII в. Скоропись. 4°. 20 л. (принимаем условные обозначения списков «Повести», данные С. О. Долговым, — Ундольский); 2) ГИМ. Собр. Синодальное. № 684. Кон. XVII в. Скоропись и полуустав. 4°. Повесть занимает Л. 227—250 об. (Синодальный); 3) РГАДА. Собр. библ. МГАМИД (Ф. 181). Оп. 1. № 14/15. Втор. четв. XVIII в. Скоропись. 1°. Л. 135—147 об. (Архивный)[3]; 4) РНБ. Собр. ОЛДП (Ф. 536). Q. 235. XVII в. Скоропись и полуустав. 4°. Л. 1—21 об. (Лопаревский); 5) БАН. 45.11.16. Никифоровский сборник. трет. четв. XV в., с дополнениями XVI, XVII, XVIII в. Полуустав. 4°. Л. 339—348 об. (Никифоровский)[4]; 6) НБ имени Н. И. Лобачевского Казанского ГУ (г. Казань). Отдел рукописей и редких книг. № 89/19950. XVIII в. Скоропись. В 4°. Л. 120—131 (Казанский).

С. О. Долгов сделал предположение о существовании двух редакций памятника: первая сохранилась в ранних списках (к ним он отнес Синодальный, Лопаревский и Ундольский), вторая — в рукописях XVIII в., которые при переписывании лишились фонетико-лексического своеобразия, присущего первой редакции (имеются в виду Никифоровский, Архивный и Казанский). Для издания «Повести» С. О. Долгов выбрал «лучший», на его взгляд, список первой редакции и подвел разночтения по остальным 5 рукописям, включая более поздние (XVIII в.), причисленные им ко второй редакции. Это не вызвало особых осложнений — обе редакции, пользуясь терминологией Долгова, вполне свободно «накладываются» друг на друга, поскольку, как заметил сам исследователь, принципиальное их отличие, по сути, сводится к наличию в списках заключительной части «Повести». Списки XVIII в. (Н, А, К) завершает послесловие с указанием имени «смиреннаго Гавриила» и времени написания текста — «лето 7159-е (1651), марта», а три рукописных варианта «Повести» XVII в. (С, Л, У), про которые С. О. Долгов упомянул, что «они не знают никакого указания на личность автора», такого дополнения не содержат.

На наш взгляд, имеющиеся фонетико-лексические разночтения списков XVII и XVIII в., а также важное для атрибуции памятника послесловие вряд ли могут служить основанием для их разделения на

[1] *Долгов С. О.* Предисловие // ППС. 1900. Т. XVIII. Вып. 1 (52). С. VIII. См.: Повесть о Святых и Богопроходных местах Святаго града Иерусалима, приписываемая Гавриилу Назаретскому епископу 1651 г. [Текст] / Ред. С. О. Долгов // ППС. 1900. Т. XVIII. Вып. 1 (52). С. 1—22.

[2] Ниже исправляем отдельные неточности, допущенные в данной словарной статье. См.: *Матвеева Е. Н.* Гавриил // Словарь книжников и книжности Древней Руси. XVII в. СПб., 1992. Ч. 1. С. 189.

[3] В «Словаре книжников и книжности Древней Руси. XVII в.» указан устаревший № хранения ркп. (под влиянием работы С. О. Долгова, см.: *Долгов С. О.* Предисловие. С. VIII) и дана неточная ее характеристика: «ЦГАДА. Ф. 181. Собр. МГАМИД. 4°. № 8 (105). Л. 135—145» (*Матвеева Е. Н.* Гавриил. С. 189).

[4] В «Словаре книжников и книжности Древней Руси. XVII в.» дана лишь «глухая» ссылка на прежнее место хранения ркп. без необходимых в данном случае уточнений: «бывш. собр. Никифорова» (*Матвеева Е. Н.* Гавриил. С. 189). Скорее всего, на это указание повлияла работа С. О. Долгова — исследователь обращался к списку в бытность его в собственности купца Никифорова, однако в 1902 г. ркп. была приобретена у наследников купца библиотекой АН, в рукописной коллекции которой она находится и в настоящее время.

две редакции. Как показывает анализ разночтений, все имеющиеся текстовые изменения в более поздних рукописях не были систематическими, последовательно выдержанными на протяжении всего текста, их сложно назвать результатом целенаправленной работы переписчиков. Скорее, в данном случае следует говорить о *двух видах одной редакции*. Отношения между списками складываются следующим образом. Наиболее близки Синодальный и Лопаревский, с незначительным количеством отклонений (частичные фонетические и лексические замены) они практически копируют друг друга; датируемые XVII в., они, действительно, представляют один из видов «Повести». Вопреки утверждениям С. О. Долгова, Ундольский, на наш взгляд, более близок Никофоровскому, Архивному и Казанскому — спискам XVIII в., несмотря на то что хронологически его логичнее было бы отнести к первой текстовой разновидности (он датирован кон XVII — нач. XVIII в.), однако разночтения говорят об обратном. На основании этих четырех списков складывается другая разновидность текста. Хотя, надо признать, несмотря на близость к более поздним кодексам, в Ундольском нет концовки, которая позиционировала бы его как список данного вида. Предполагаем, что его рукописный источник вполне мог содержать подобное «информативное» послесловие (в отличие от Синодального и Лопаревского, в Ундольском, как и в Архивном, Никифоровском, Казанском, имеется финальная вставка «Аминь»), однако по неясной для нас причине при переписывании был допущен пропуск строк, атрибутирующих текст.

Сопоставление двух текстовых разновидностей сводятся к следующим наблюдениям. В списках второй разновидности отмечаются фонетические, морфологические и лексические *замены*, как правило, они приводят к «поновлению» стиля повествования; *пропуски и перестановки слов* в предложениях, которые зачастую говорят о смене крупного фрагмента на малый, изменении типа предложения со сложного на простой или освобождают текст от единообразных синтаксических конструкций и устраняют инверсии, упорядочивают построение фразы; *вставки*, порой значительные по объему (предполагается, что создатель этого вида текста прекрасно понимал, о чем идет речь, что позволяло ему свободно обращаться с источником).

Изменения в списках, более поздних по времени появления, нередко сводились к выправлению синтаксического строя повествования, на это, прежде всего, был нацелен целый ряд всевозможных замен, пропусков, вставок. Явно конспективная форма путеводителя, документализированный тип повествования, столь характерный для «Повести» Гавриила как жанрового аналога греческого проскинитария, не всегда устраивали создателей второй ее разновидности; за данными текстовыми трансформациями очень часто прочитывается стремление книжника сделать текст более «гладким», удобным и легким для чтения, придать ему в большей степени беллетристический стиль, внести в него те особенности, которые приблизили сочинение к жанру хождения с его повествовательной манерой. Скорее всего, это желание переписчиков-редакторов было не всегда четко осознаваемо и тем более целенаправленно. Мы не заявляем о жанровой модификации «Повести» Гавриила в ее второй разновидности, в данном случае уместно указать на наметившиеся тенденции в литературной технике книжников XVIII в. по отношению к жанру греческого путеводителя / проскинитария.

А. А. Романова (Санкт-Петербург)

СКАЗАНИЕ ОБ АГАПИТЕ МАРКУШЕВСКОМ И ЧУДЕСАХ ОТ ИКОНЫ НИКОЛЫ ВЕЛИКОРЕЦКОГО

Сведения о ранней истории Маркушевской обители (основана в 1576 г. старцем Борисоглебского Сольвычегодского монастыря Агапитом) исследователями черпаются прежде всего из «Истории вкратце о преподобном Агапите и о создании обители сея», составленной по поручению архиепископа Холмогорского и Важского Варнавы, побывавшего в монастыре в 1712 г. «История...» неоднократно

публиковалась[1]. Однако вне поля зрения исследователей оказался источник значительно более ранний, а именно «Сказание о явлении образа Николы Великорецкого и чудеса от него» (нач. «Лето 7084 году месяца марта в 25 день на памят Благовещения…»), сохранившееся в списке РГБ. Ф. 711 (Собр. Гранкова). № 94. 38 л. Единственное упоминание о нем в литературе встречается у Н. Суворова: очевидно, еще в XIX в. список Сказания об Агапите Маркушевском хранился в Благовещенской Маркушевской церкви, построенной в 50-е г. XIX в. на месте Агапитовой пустыни[2].

«Сказание» объединяет житие основателя и рассказ о чудесах от чудотворной монастырской иконы. Надо полагать, оно послужило одним из источников «Истории»: в нем рассказывается о самом Агапите, его болезни, явлении иконы с повелением отправиться на реку Маркушу, о самом путешествии, о тяготах, которые довелось претерпеть основателю обители. Обосновавшись на реке Маркуше, Агапит поставил там 28 июля часовню, 21 августа ее освятил не названный по имени священник из Шебенги. В отличие от «Истории...», в «Сказании...» не упоминается о строительстве второй, Благовещенской церкви и о трагической гибели Агапита, убитого жителями близлежащей деревни в 1584 г. Рассказ об обустройстве монастыря плавно перетекает в перечень чудес (исцелений), доведенный до 7161 (1653) г. Всего чудес 198 (после 178-го два чуда без номера, № 177 стоит дважды). Основная часть рукописи написана на бумаге, датируемой 1 третью XVII в.; отдельная тетрадка, служащая как бы «оберткой», более поздняя — сер. XVII в. (Л. 1—3, 36—38). Этим же временем датируются и последние из записанных в рукопись чудес.

Повествования литературно не обработаны: описывается недуг и сообщается об избавлении от него (как правило, в формулировке «и Никола чюдотворец ея/его простил»). Большинство чудес не содержит указания на дату: только в описании 105-го чуда указана дата: 6 марта 7088 г., 126-е датировано 18 марта 7089 г., 137-е — 7 февраля 7090 г., 178-е — 16 февраля 7086 г., 177-е (2) — 28 февраля 7099 г.). На л. 36—38 записаны чудеса 190—195, датированные 2 февраля 7151—3 марта 7161 г. Таким образом, первый слой чудес был записан сразу после освящения Никольской церкви 7 сентября 7087 (1578) г. (дата указана в «Истории» и в записи на сохранившемся до нашего времени закладном кресте). Можно предположить, что сбой в нумерации чудес возник, когда создавался второй «слой» чудес (отдельные записи чудес 1588 и 1591 г.), третий же «слой» был создан с полувековым перерывом.

В. М. Рычка (Киев)

ОБРАЗ КНЯЗЯ СВЯТОСЛАВА ИГОРЕВИЧА В «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»

Становление и развитие летописания в Киевской Руси, как известно, протекало в категориальном русле христианского мировоззрения. Определяющей для древнерусских летописцев была книжная, в частности ветхозаветная традиция. На ее исторические образцы прежде всего и были ориентированы древнейшие летописные тексты. Священная историософия Библии сообщала старокиевским книжникам понимание истории и была источником осознания своего собственного прошлого, места Руси среди

[1] См.: *Малевинский А.* Описание бывшего Николаевского Маркушевского монастыря, что ныне приходская Маркушевская Благовещенская церковь, состоящая Вологодской епархии в Тотемском уезде // ВГВ. 1849. № 45. Часть неофиц.; Суворов Н. Воспоминание о Маркушевском Николаевском монастыре, бывшем в Тотемском уезде Вологодской епархии, с краткими сведениями о трех, бывших приписными к нему пустынях: Дружининой, Печенской и Бабозерской // ВЕВ. 1878. № 12. Прибавления. № 12. С. 226—227. Прим. *; *Степановский И. К.* Вологодская старина: Историко-археологический сборник. Вологда, 1890. С. 391—392.

[2] *Суворов Н.* Воспоминание о Маркушевском Николаевском монастыре // ВЕВ. 1878. № 13. С. 248: «Чудотворная икона св. Николая Чудотворца, именуемая Великорецкою. <...> В архиве церкви хранится тетрадь, в которой записано 195 чудес от этой иконы». По всей вероятности, речь идет именно о списке, попавшем впоследствии в собрание Гранкова. Суворов не упомянул о том, что в «тетради» с чудесами от иконы находилось также и повествование о начале обители, и отсутствие точной информации стало причиной того, что в литературе «Сказание...» осталось неизвестным (см., например: Православная энциклопедия. М., 2000. Т. I. С. 230—231).

других христианских народов. Типологический символизм определял основное идейное содержание раннего киевского летописания. Чуть ли не каждый его персонаж, каждое заметное событие находит соответствие в книжных, прежде всего библейских событийных моделях.

Например, образ Святослава — мужественного воителя, каким его рисует ставшая уже хрестоматийной летописная статья 964 г. (**Князю Святославу възрастъшю и възмужавшю, нача вои совкупляти многи и храбры, и легъко ходя, аки пардус, войны многы творяше□...**), текстуально основывается на характеристиках Александра Македонского Хроники Георгия Амартола.

Знаменитая «речь», вложенная летописцем в уста киевского князя (**Не любо ми есть в Киевѣ быти, хочю жити в Переяславци на Дунаи, яко то есть середа земли моей, яко ту вся благая сходятся: от Грекъ злато, поволоки, вина и овощеве разноличныя, изъ Чехъ же, из Угоръ сребро и комони, из Руси же скора и воскъ, медъ и челядь**), кажется, небезосновательно соотносится И. Н. Данилевским с хилиастическим пророчеством Иезекииля: «так говорит Господь Бог: вот, Я возьму сынов Израилевых из среды народов, между которыми они находятся, и соберу их отовсюду и приведу их в землю их. На этой земле, на горах Израиля Я сделаю их одним народом, и один Царь будет царем у всех их, и не будут более двумя народами, и уже не будут вперед разделяться на два царства. И не будут уже осквернять себя идолами своими и мерзостями своими и всякими пороками своими, и освобожу их из всех местожительства их, где они грешили, и очищу их, и будут Моим народом, и Я буду их Богом» (Иез. 37: 21—23).

Сопоставив летописный фразеологизм **середа земли**, которым в древнерусской литературе домонгольского времени принято было обозначать Иерусалим, с соответствующими фрагментами Жития Василия Нового и библейской книги Ездры, исследователь обнаружил в поведении Святослава ряд интереснейших аналогий с действиями персидского царя Кира. Согласно пророчества Иеремии, именно язычнику Киру предстояло возродить Иерусалим и храм Господень: «В первый год Кира, царя Персидского, во исполнение слова Господня из уст Иеремии, возбудил Господь дух Кира, царя Персидского, и он повелел объявить по всему царству своему, словесно и письменно: так говорит Кир, царь Персидский: все царства земли дал мне Господь Бог небесный, и Он повелел мне построить Ему дом в Иерусалиме, что в Иудее. Кто есть из вас, из всего народа Его, — да будет Бог его с ним, — и пусть он идет в Иерусалим, что в Иудее, и строит дом Господа Бога Израилева, Того Бога, Который в Иерусалиме. А все оставшиеся во всех местах, где бы тот ни жил, пусть помогут ему жители места того **серебром** и **золотом** и иным имуществом, и **скотом**, с доброхотным даянием для дома Божия, что в Иерусалиме» (Ездра 1: 2—4).

Уготовив Святославу подобную миссию, наш летописец тем самым закладывает в языческое прошлое Руси идею ее извечной богоизбранности и претензию на преемственность христианских сакральных центров правоверного мира, которыми были Иерусалим, Царьград/Константинополь и столица Симеона Болгарского — Преслав, или *Преславен град* . Эти рефлексии, полагаю, и предопределили выбор названия третьего по значению после Киева и Чернигова города «Русской земли» — Переяславля.

Развивая цепь аналогий Святослава с Киром, И. Н. Данилевский усматривает родство образов персидского царя и древнерусского князя в истории кончины обоих правителей. Исследователь приводит Геродотово предание, согласно которому Кир погиб во время сражения с массагетами. По повелению царицы Томирис труп Кира был найден среди павших в бою, а затем обезглавлен. Его отрубленная голова была брошена в мех, наполненный кровью, чтобы персидский правитель мог вдоволь напиться ею, — которой он так жаждал. Мне же представляется, что более близкой аналогией рассматриваемому сюжету является сообщение Хроники Георгия Амартола о кончине византийского императора Никифора.

Эти параллели суть штрихи к портрету доблестного киевского полководца, названного митрополитом Иларионом в «Слове о Законе и Благодати» Святославом *Славным*, они открывают перспективу дальнейшего постижения сотканного в «Повести временных лет» образа князя Святослава Игоревича.

А. А. Селин (Санкт-Петербург)

ОПИСИ И РАСПРОДАЖИ ВЫМОРОЧНОГО, ОПАЛЬНОГО И ИЗМЕННИЧЬЕГО ИМУЩЕСТВА В НОВГОРОДЕ НАЧАЛА XVII ВЕКА[1]

Два обстоятельства истории Новгорода в Смутное время, как правило, оказывают непреодолимое влияние на каждого исследователя, подступающего к ее рассмотрению. Это, с одной стороны, шведское военное присутствие (варианты: оккупация, интервенция) в 1611–1617 г. и, с другой – пребывание здесь одного из виднейших писателей начала XVII столетия – дьяка Ивана Тимофеева[2].

Эпоха Смуты в Новгороде обеспечена источниками довольно своеобразно: с одной стороны, существует ряд нарративных текстов, достаточно тенденциозно описывающих происходившие в городе события; с другой – в Государственном архиве Швеции (Riksarkivet) хранится большой объем материала, происходящий из города. Нам хотелось привлечь внимание к одной из категорий источников – оценным и продажным спискам имущества умерших и отъехавших из Новгорода, сохранившихся как в Riksarkivet, так и в других архивохранилищах.

Перечень таких списков открывается описью имущества несчастного М. И. Татищева, составленной вскоре после его гибели и опубликованной в 1850 г.[3] Наиболее ярко выделил значение этого источника Ю. В. Татищев[4]. Историк ставил себе целью отказаться от идеализированного образа кн. М. В. Скопина-Шуйского в пользу оправдания своего предка. Ему это удалось: отметки о продаже и ином распределении имущества покойного М. И. Татищева говорят о прямой материальной выгоде, которой воспользовались М. В. Скопин-Шуйский, кн. А. П. Куракин и московские дворяне, оказавшиеся в Новгороде со Скопиным. Важно, однако, подчеркнуть, что источник доносит информацию и о других покупателях «опального» имущества. Среди них Афанасий Бурцов, дворянин-пусторжевец, в середине сентября 1608 г. привезший в Новгород весть об отъезде Скопина, Татищева и дьяка Телепнева в Ивангород[5].

Несколько типологически близких документов сохранилось и в составе архива Новгородской приказной избы.

Постоянные военные действия гражданской войны начала XVII в., обилие политических сторон, то появлявшихся, то исчезавших, приводили к формированию большого фонда изменничьего имущества, привлекательного объекта интересов для лиц, лояльных действующей власти. Наиболее распространенные и привлекательные объекты имущества – поместья[6] и хлеб, остающийся в поместьях от покинувших свои дворы или умерших хозяев. В редких случаях в нашем распоряжении имеются описания имущества, в этих поместьях содержащегося.

Таково дело о сыске живота изменника Богдана Помещикова[7], в августе 1613 г. покинувшего свою службу приказчиком дворцовых сел в Порхове и бежавшего во Псков вместе с женой. Большую часть имущества – «которое было платье и всякой судовой запас, и то все свез Богдан

[1] This work was supported by Swedish Institute, Stockholm (www.si.se).

[2] Впрочем, в последнее время авторство знаменитого «Временника» подвергается сомнению. Мы не будем здесь подробно останавливаться на историографии этого вопроса.

[3] Опись и продажа с публичного торга оставшегося имения по убиению народом обвиненного в измене Михайлы Татищева в 116 году. 1608/09 // Временник Общества истории и древностей Российских. 1850. Кн. 8.

[4] *Татищев Ю. В.* Деятели Смутного времени. I. Михаил Игнатьевич Татищев // Летопись историко-родословного общества. 1905. Год 1. Вып. 1. С. 44–45.

[5] Новый летописец // Хроники Смутного времени. М., 1998. С. 326. Бурцов купил «кафтан холодной, сукно вишнево лундыш, ветчан, нашивка в 12 местех, шолк вишнев с серебром в полнос»», «10 аршин тафты немецкие», «ожерелишко, бархат космат литовской чюбар, ветчано», «бобрик ярой» (Опись и продажа… С. 1, 5, 6).

[6] Не будем здесь подробно останавливаться на характеристике поместья как собственности.

[7] Дело о сыске живота изменника Богдана Помещикова. 1613. 30.08 // Riksarkivet, Stockholm, Ockupationsarkivet fren Novgorod. Serie 2: 57. Л. 1–22.

Помещиков с собою в Порхов, как бывал в Порхове на приказе»; в поместье сохранилось лишь часть движимого имущества — «рогатый живот»[8], хлеб и сено.

Через несколько недель из Новгорода вместе со своими матерями отъехали дети боярские Г. П. и И. А. Загоскины. Дело об обыске их городского и загородного имущества сохранилось в приказной избе полностью[9]. 3 октября 1613 г. в их городские и загородные дворы (пригородную деревню Родионово) были посланы для переписи имущества дети боярские Иван Выповский и Иван Аничков. Найденное имущество было конфисковано и дано для оценки новгородским посадским людям. После 4 октября началась распродажа. Среди покупателей имущества Загоскиных много людей, в Новгороде известных. Так, черное медведно, оцененное в полполтины, было продано кн. Федору Черному Оболенскому[10]. Латы, ценой в 2 гривны купил переводчик Олферий Северов[11]. Ветхий зендинный кафтан за 10 денег купил Венедикт Тимашев (воевода Орешка в 1610 г.). Большую часть провизии — подьячий Афанасий Бражников (один из активных покупателей имущества М. И. Татищева в 1608 г.). О даче бесплатно ржи, конфискованной в пригородном поместье Загоскина, бил челом дьяк Иван Тимофеев[12].

11 июля 1613 г. было описано имущество Нарбековых, незадолго до этого бежавших из Новгорода к Москве[13], а позднее и других дворян, поздней осенью 1613 г. покинувших Новгород. Особняком стоит дело об оценке и продаже имущества Второго Голенищева, бежавшего из Новгорода после 16 июля 1611 г. и оцененного только в ноябре 1613 г.[14] Неистлевшая часть этого имущества была отдана старорусскому воеводе кн. Андрею Шаховскому.

Рассматриваемый тип источников дает богатую картину нравов новгородцев начала XVII в. Среди покупателей имущества изменников и опальных — представители высших слоев новгородского общества, не гнушающихся «ветчаными» деталями одежды. Важна также роль приставов и оценщиков имущества: первыми, как правило, выступает пара: сын боярский и подьячий, вторыми — посадские люди. Отметим, что при оценке икон в двух случаях упоминаются одни и те же лица — иконники вдовой поп Посник и дьякон Истома[15].

Р. А. Симонов, О. Р. Хромов (Москва)

«ЧАСЫ НА КРУГУ»

Среди разыскиваемых изданий Московского Печатного двора упоминается листовое издание «Часы на кругу». В архиве Приказа книгопечатного дела сохранились достаточно подробные сведения о нем, выявленные Е. В. Лукьяновой. «В марте 1687 (7195) г. на «бумаге большой руки» наборщиком Андреем Федотовым с мастеровыми людьми напечатано «наймом»... 4800

[8] «Рогатым животом» была единственная корова Помещикова, которую «по приказу бояр и воевод дьяк Пятой Григорьев взял себе безденежно» (Там же. Л. 18).

[9] Розыск об изменничьем имуществе Григория Павлова сына Загоскина и Ивана Андреева сына Загоскина. 1613. 3.10—1614. 29.07 // Riksarkivet, Stockholm, Ockupationsarckivet fren Novgorod. Serie 2: 101-B.

[10] Там же. Л. 8.

[11] О нем подробнее: *Пересветов-Мурат А. И.* Из Ростова в Ингерманландию: М. А. Пересветов и другие baijor'ы // Новгородский исторический сборник. СПб., 1999. Вып. 7 (17). С. 366—376.

[12] Розыск об изменничьем имуществе Григория Павлова сына Загоскина и Ивана Андреева сына Загоскина. Л. 14.

[13] Об «измене» Нарбековых подробно: *Селин А. А.* Об «изменах» в Новгороде 1611—1616 г. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2003. № 1(11). С. 5—13.

[14] Роспись, сколько по переписи Никифора Бибикова да подьячего Митьки Игнатьева осталось в новгородское взятие после побега Второго Голенищева на его подворье образов, рухляди и съестного запаса, сколько запасу отдано князю Андрею Шаховскому, а также оценный и продажный список рухляди. 1613, ноябрь // Riksarkivet, Stockholm, Ockupationsarkivet fren Novgorod. Serie 2: 292-A.

[15] Роспись, сколько по переписи Микифора Бибикова Л. 6; Переписной и оценной список живота Федора Ларионова. 1613. 20.10 // Riksarkivet, Stockholm, Ockupationsarkivet fren Novgorod. Serie 2: 268.

листов «Кругов месячных, коегожда месяца и всякий день, часы дневные и нощные прибывают и убывают, под ними ж рождения и ущербы Луна». По указу от 5 апреля 1687 г. листы продавались по 4 деньги[1]. Несмотря на сохранившиеся указы об издании, его подробное заглавие лист с «Часами на кругу» 1687 г. до сих пор не обнаружен. Однако выявлено более раннее аналогичное издание, архивных сведений о котором не сохранилось[2].

При знакомстве с графическими материалами в Отделе рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского Казанского государственного университета (НБЛ КГУ) О. Р. Хромовым в альбоме с ксилографиями анонимного мастера и киевского гравера XVII в. Илии был обнаружен отпечатанный типографским способом лист, дублированный на альбомную страницу с заглавием «**[кр]ѹгъ имѣіаи в себѣ [ч]асы дневныѧ, и нощныѧ на кійждо м(с)цъ, и день часы прибываютъ, или оубываютъ, во днехъ и в нощехъ□**» (НБЛ КГУ Инв. № 1591. Л. 52).

Ниже на листе приведены выходные данные: указано, что издание осуществлено при «благоверном и христолюбивом» царе Алексее Михайловиче и царевиче Алексее Алексеевиче по благословлению «всенародных учителей и пастырей церковных, пресщенныхъ митрополитов боголюбивых архиепископов и благоверных епископов» 15 марта 1663 (7171) г.

Альбом с «Часами на кругу» находился в фондах НБЛ КГУ с момента ее основания, поскольку входил в состав известной «Потемкинской библиотеки», собранной выдающимся государственным деятелем Г. А. Потемкиным-Таврическим. По распоряжению Павла I в 1798 г. библиотека была передана в ведение I Казанской мужской гимназии. Позднее она вместе с библиотекой В. И. Полянского легла в основу создаваемой Научной библиотеки Казанского университета.

Обнаруженное в альбоме издание Московского печатного двора, судя по заголовку, близко к изданию 1687 г. и является относительно него первым, но отличается отсутствием таблицы новолуний и полнолуний. На листе изображена круговая диаграмма с заголовком в центре «**ЧАСЫ Дневныѧ И нощныѧ**». Надо полагать, что заголовок и круговая диаграмма дали краткое название изданию «Часы на кругу».

Круговая диаграмма и рамка выполнены в наборной технике высокой двухкрасочной печати с обильным применением наборных украшений, характерных для изданий Московского печатного двора 50–60-х г. XVI в. В верхней части наборную рамку замыкает ксилографическая заставка с изображением Деисуса. Она известна в изданиях Московского Печатного двора с 1659 по 1675 г.[3] Таким образом, выявленное издание по употреблению наборных материалов можно отнести к типичным образцам Московского печатного двора середины XVII в.

«Часы на кругу» 1663 г., очевидно, восходят к какому-то варианту круговой диаграммы «пособий», использовавшихся для переналадки два раза в месяц боевых башенных часов с подразделением на «дневные» и «ночные» часы постоянной длительности («равноденственные») с максимумом в 17 часов, применявшихся в Москве примерно с середины XVI в.[4] При переводе часового механизма на новый режим работы часовщики ориентировались на суточный возраст Луны. Этот перевод в календарную дату (солнечного календаря) достигался довольно трудоемким путем[5]. В «Часах на кругу» этот вопрос решался достаточно просто — путем увязки календарных дат, в которые должны были переналаживаться часы, с соответствующими памятями святых и священных событий.

[1] *Лукьянова Е. В.* Листовые издания Московского печатного двора во второй половине XVII в. (по документам Приказа книгопечатного дела) // Федоровские чтения. 2003. М., 2003. С. 222–223.

[2] Авторы выражают сердечную благодарность Е. В. Лукьяновой за консультацию по этому вопросу.

[3] *Зернова А. С.* Орнаментика книг Московсой печати XVI–XVII веков. М., 1952. № 398.

[4] Об указанных «пособиях» см., например: *Симонов Р. А.* Русские «пособия» XVII в. о бое часов как свидетельства наблюдений восходов и заходов Солнца // Историко-астрономические исследования. М., 1992 (1994). Вып. 24. С. 235–243; Переиздание: *Симонов Р. А.* Естественнонаучная мысль Древней Руси: Избранные труды. М., 2001. С. 236–246; *Симонов Р. А.* Данные о длительности дня и ночи для Москвы в материалах псковича Ивана Рыкова (ок. 1579 г.) // Румянцевские чтения-2003. М., 2003. С. 227–231.

«Часы на кругу», не утратив связи с практикой регулировки башенных часов, приобрели более отчетливо характер средневекового текста естественнонаучного содержания о годичной динамике светлого и темного времени суток на широте Москвы. По-видимому, в процессе подготовки издания круговая диаграмма «Часов на кругу» была перевернута (со сменой ориентации верх-низ) по сравнению с образцом – круговой диаграммой «пособия», используемого в практике переналадки башенных часов с боем.

В издании 1678 г., судя по заголовку («...под ними ж рождения и ущерьа Луна»), «Часы на кругу» были дополнены данными о наступлении новолуний и полнолуний в каждом месяце по лунным кругам. Эта традиция получила дальнейшее развитие. Так, в собрании Российской национальной библиотеки[6] находится соответствующая гравюра на дереве (доска резана ок. 1750 г., оттиск сделан в 70-х г. XVIII в). По сравнению с «Часами на кругу» 1663 г., центральная часть гравюры вместо текста содержит антропоморфное изображение Солнца. К нему (изображению) примыкают слова об этом светиле: сверху «Во(з)вра(т) со(л)нцу назиму», снизу «Во(з)вра(т) со(л)нцу на лето». По справочным данным, рассматриваемая гравюра на дереве послужила основой для гравюры на меди «Календарь на 1774–1798 г.»[7].

Следовательно, в XVIII в. листовое издание «Часы на кругу» получило распространение в виде гравюр на дереве и на меди[8]. По сравнению с изданием 1663 г. гравюры были дополнены календарными сведениями о структуре года и расписанием фаз Луны. Гравированные «Часы на кругу» XVIII в. можно рассматривать в качестве проявления своего рода «естественнонаучного барокко». Здесь научность гравюры как бы «поднималась» за счет «украшения» текста сведениями, по существу ничего не дающими для раскрытия его смысла, состоящего в доведении до пользователя данных о годичной динамике длительности дня и ночи (в часах).

[5] РГБ. Ф. 173.I. № 103. Круг миротворный, кон. XVI в. Л. 101 об. *Симонов Р. А.* Русские «пособия» XVII в. о бое часов как свидетельства наблюдений восходов и заходов Солнца. С. 239–241; *Симонов Р. А.* Избранные труды. С. 241–244.
[6] РНБ. Э-Олс 11-2264. *Ровинский Д. А.* Русские народные картинки. В 5 т. СПБ. 1881. Т. II. С. 455. № 667.
[7] РНБ. Э-Олс 7-1314; *Мишина Е. А.* Русская гравюра на дереве XVII–XVIII в. СП. Б/г. № 167.
[8] Отметим, что в сочинении священника Василия Петрова «Рука Богословля или наука изъяснения о Пасхалии, учрежденная Первым Никейским Вселенским собором, Содержащяя в Православной грекороссийской Церкви, изъяснения правилами и предложенная изражениями Российских букв» (М., 1787) на с. 140 помещена круговая диаграмма «пособия» по переводу часов дневных и ночных по дням месяца. В ней отсутствуют святцы, сведения о фазах Луны, а в центре также помещено антропоморфное изображение Солнца.

И. Д. Соловьева (Санкт-Петербург)

ОКЛАД НАПРЕСТОЛЬНОГО ЕВАНГЕЛИЯ – НЕИЗВЕСТНЫЙ ПАМЯТНИК НОВГОРОДСКОГО ИСКУССТВА XIV СТОЛЕТИЯ

Древнейшие напрестольные Евангелия, за редким исключением, не сохранили свои драгоценные оклады. Поэтому каждый новый памятник приобретает особую значимость. Впервые публикуемый, по-видимому, полностью сохранившийся оклад находится в собрании Русского музея в Санкт-Петербурге и принадлежит к наиболее распространенному в Древней Руси наборному типу декора кодексов Евангелий. На его обтянутую тканью верхнюю крышку наложено семь толстых медных пластин с вырезанными на них изображениями Распятия, предстоящих Богоматерью и Иоанном Богословом и четырех евангелистов – Иоанна, Матфея, Луки и Марка. Центральная пластина имеет форму восьмиконечного креста, угловые выполнены в виде вытянутых «глаголей». Фигуры

святых и драпировки их одеяний переданы уверенными контурными линиями, выдающими руку опытного мастера. Уникальна иконография стоящих в рост евангелистов, обеими руками поддерживающих книги. Св. Марк представлен фронтально, фигуры остальных евангелистов размещены в легких трехчетвертных поворотах к центру композиции. Их образы исполнены созерцательности, в них ощутима ориентация на византийские образцы. Обращает на себя внимание лаконичность композиции — в ней отсутствуют какие-либо детали, фигуры представлены без поземов на гладких фонах, одна из ветвей наугольников остается незаполненной. Изображения сопровождают надписи, выполненные крупным уставом в два штриха, некоторые элементы букв орнаментированы.

Оклад принадлежал несохранившейся рукописи, а ныне укреплен на Евангелии первой трети XVI века, происхождение и время поступления которого остаются неизвестны. Стилистические особенности, аналогии в книжной миниатюре, палеография надписей позволяют связать памятник с искусством Новгорода и датировать рубежом XIV—XV столетий.

Я. Г. Солодкин (Нижневартовск)

ОБ ОБЩИХ ИСТОЧНИКАХ ПИСКАРЕВСКОГО И НОВОГО ЛЕТОПИСЦЕВ

Исследователи не раз обращали внимание на сходство ряда известий Пискаревского и Нового летописцев — крупнейших памятников частного и официального летописания первой половины XVII в., но объясняли его по-разному. И. И. Смирнов, имея в виду статьи о восстании И. Болотникова, пришел к выводу о зависимости компиляции из собрания Д. В. Пискарева от «Книги, глаголемой Новый летописец». Ввиду существенных расхождений между двумя памятниками такое заключение следует признать поспешным. Л. Е. Морозова, напротив, «прообразом», даже прямым источником ряда глав Нового летописца (далее — НЛ) считает те сообщения летописца, возвращенного О. А. Яковлевой в научный обиход после полувекового забвения, в которых «канва» изображаемых событий во многом «однотипна», хотя и не наблюдается полного тождества. Однако часто об одних и тех же событиях (например, «Сибирском взятии», смерти Ивана IV, столичных волнениях 1584 г., последующем «заговоре» Шуйских, учреждении патриаршества, выборгском походе 1592 г., сооружении новой смоленской крепости, происхождении первого самозванца) в Пискаревском летописце (далее — ПЛ) и НЛ сказано по-разному. В официальном летописце конца правления Филарета нет и содержащихся в ПЛ заметок о строительстве в «царствующем граде» и Подмосковье, «явлениях», сооружении рак святым (кроме как Макарию Калязинскому), рудознатце, книгопечатании при Федоре Ивановиче и Борисе Годунове, пожаре 1593—1594 г. в российской столице, пресечении трех боярских родов в годы «самодержавства» преемника Грозного, «поставлении» царем Борисом иконы Троицы в монастырь Святого Сергия, принятии иночества князем А. И. Голицыным, «воровстве» на государевом дворе в 1602—1603 г. Примем во внимание также частное происхождение основного летописного источника заключительной части ПЛ и установленную М. Н. Тихомировым компилятивность этого свода. В. Г. Вовина-Лебедева, показавшая уязвимость решения Л. Е. Морозовой, поначалу думала, что НЛ и ПЛ восходят к одному летописному источнику, использованному и в Рукописи Филарета. Позднее видная исследовательница НЛ отнесла близость свидетельств этого произведения и ПЛ, даже в деталях (о крымском нашествии на Москву в 1591 г., возведении нового «града» в Смоленске, посольстве в Данию за женихом Ксении Годуновой Иоганном, сражении в Тарках и судьбе С. Маматова, биографии Г. Отрепьева, расправах Илейки Муромца над видными дворянами в Путивле, бое с Лисовским государевых воевод, чудесном видении в Нижнем Новгороде, попытке убить Д. М. Пожарского в Ярославле) на счет «общих мест» летописцев XVII в., тем более, что сходные с сопоставляемыми рассказы об

отступлении Казы-Гирея из предместий российской столицы, пребывании Лжедмитрия I в Литве и казнях многих представителях знати «царевичем Петром» мы встречаем в записках И. Массы, Хронографе второй редакции, одной разрядной записи, Карамзинском хронографе[1]. Поскольку различий между двумя сравниваемыми памятниками немало, В. Г. Вовина-Лебедева признала сомнительным «путь поисков» общего для них источника Оставив без объяснения сходство ПЛ и НЛ, эта исследовательница недавно предположила, что наличие общих сюжетов в данных сочинениях, к примеру, об убийствах дворян Лжепетром, — результат зависимости от устной традиции[2]. В НЛ, в частности, соответствующие данные, по мысли автора первого монографического труда о происхождении «книги ... об изменах и выслугах московских и новгородцких», оказались благодаря многочисленным членам государева двора[3]. Выходит, что в ПЛ аналогичные сведения внесены всего лишь одним лицом — создателем «записок москвича» (по определению О. А. Яковлевой), которые легли в основу оригинальной части обширной компиляции, т. е. этому лицу было известно столько преданий, сколько десяткам дворян из окружения царя и патриарха. Уже данное обстоятельство ставит под сомнение вывод В. Г. Вовиной-Лебедевой. В сближаемых исследователями фрагментах ПЛ и НЛ запечатлелись подробности событий конца XVI — начала XVII в., которые едва ли могли удержаться только в памяти современников. Так, есть веские основания считать, что перечни дворян, павших в «шехвальской» экспедиции и казненных по воле «царевича Петра», заимствованы в эти летописцы из «разрядов». Создатели ПЛ и НЛ могли пересказать и весьма популярную на закате «межъусобной брани» повесть о видении Григорию в Нижнем Новгороде.

В литературе неоднократно отмечалось, что ПЛ, особенно в части за царствование Грозного, запечатлел толки и слухи. В ряду источников НЛ устная традиция занимает куда более скромное место (). Маловероятно, что авторы НЛ и «записок москвича», сохраненных ПЛ, повествовали о многих событиях кануна и времени Смуты, следуя лишь молве, передающей, как известно, разнообразные версии одних и тех же явлений. Описание этих событий в интересующих нас памятниках не отличается резко выраженным своеобразием, почему, допуская, что их составители прибегали и к устным источникам, следует говорить о вторичности ПЛ и НЛ в близких друг к другу статьях относительно документальных и нарративных сочинений.

[1] *Вовина В. Г.* Новый летописец и спорные вопросы изучения позднего русского летописания // Отечественная история. 1992. № 5. С. 120—123, 130. Примеч. 21, 23.

[2] По наблюдению В. Г. Вовиной-Лебедевой, в НЛ не упоминается только князь А. Ростовский, зато идет речь о Ю. Приимкове-Ростовском. В действительности разница между рассматриваемыми произведениями в «росписях» убитых самозванным царевичем, да и в «тарском» походе, более значительна.

[3] *Вовина-Лебедева В. Г.* Новый летописец: история текста. СПб., 2004. С. 229—236, 238, 287. Примеч. 32; С. 350, 351.

[4] *Тихомиров М. Н.* Русское летописание. М., 1979. С. 234—235, 237, 239, 240; *Корецкий В. И.* История русского летописания второй половины XVI — начала XVII в. М., 1986. С. 65, 86, 141, 208, 225 и др.

Ю. В. Степанова (Тверь)

ЭЛЕМЕНТЫ ДРЕВНЕРУССКОГО КОСТЮМА ПО ПИСЬМЕННЫМ ИСТОЧНИКАМ XII—XV в. И ДАННЫЕ АРХЕОЛОГИИ*

Изучение древнерусского костюма базируется на данных письменных, археологических и изобразительных источников. Письменные источники позволяют судить о материале, из которого изготавливалась та или иная одежда, о ее принадлежности и даже стоимости. Но в редких

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ и Администрации Тверской области (проект № 05-01-57102а/ц)

случаях можно точно представить, как кроился, шился, застегивался, носился и в конечном итоге выглядел тот или иной элемент костюма. Эти фрагментарные данные оказываются более информативными при сопоставлении с археологическими материалами. В корпус русских письменных источников XII–XV в. по истории древнерусского костюма входят летописи, берестяные грамоты, духовные грамоты русских князей. В целом они дают более 90 терминов, имеющих отношение к костюму. Из них около 40 относятся к одежде, 8 – обозначают различные виды или части головных уборов, 13 – украшения, 16 – обозначают разные виды тканей, 2 – кожи, еще 10 – обозначают цвета одежд или тканей, и 3 – относятся к обуви. Число же упоминаний костюма в письменных источниках в целом превышает 200.

Большое количество терминов, обозначающих одежду, свидетельствует о сложном составе или, скорее, многослойности древнерусской одежды.

К нижней одежде однозначно можно отнести лишь термин *сорочица* (*срачица, сорочка*). Материалы древнерусских погребений позволяют говорить, что женская и мужская нижняя одежда были сходны: они имели глухой покрой и небольшой разрез спереди. Нарядные сорочицы имели невысокие воротники-стоечки, украшенные вышивкой цветным шелком и золотыми нитями.

В отличие от нижней верхняя одежда обозначается гораздо большим количеством различных терминов. Наиболее часто упоминаемым среди видов верхней одежды является *кожух*, который, видимо, являлся наиболее теплой (и самой верхней) мужской и женской одеждой. Имеющиеся свидетельства письменных источников об этой одежде позволяют говорить, что кожухом могла называться как одежда с рукавами, так и типа накидки. По находкам в древнерусских погребениях известны остатки верхней одежды, сшитой мехом внутрь, застегивавшейся при помощи воздушных петель.

Таким образом, женская и мужская одежды в ряде случаев (нижняя и самая верхняя) имели одинаковые названия. По-видимому, они были сходны и по своему крою. Остальные термины, рассматриваемые ниже, относятся исключительно к мужскому или к женскому костюму. Следует отметить, при описании древнерусского мужского костюма в письменных источниках используются 24 термина и упоминаются они гораздо чаще, тогда как при описании женского зафиксировано лишь 13 единично встречающихся термина. При этом из «мужских» терминов 21 обозначает одежду, 3 – головной убор, и 1 – обувь, тогда как из «женских» 5 обозначают части головного убора, еще 5 – украшения, и лишь 3 – одежду.

Целый ряд понятий относится к мужской верхней наплечной одежде типа накидки. Пожалуй, это единственный вид одежды, обозначаемый таким количеством терминов: *корзно, мятль, луда (лудиц), коц, япкыт, манатья*. Прежде всего, очевидны различия в материале этих видов накидок (луда – плащ из тяжелой материи с использованием золотной нити, япкыт – по-видимому, войлочный плащ) и их принадлежности (манатья – одежда духовенства, коц – исключительно княжеский плащ). Одежда типа плаща хорошо известна по археологическим источникам. По материалам древнерусских погребений реконструируются застегиваемые фибулами накидки. Фиксируются разные способы их ношения: 1) с застежкой на шее или у плеча, 2) с застежкой сбоку (при этом одна рука оставалась открытой). Вполне возможно, что плащи с разными способами застежки и покроя могли иметь и разные названия, но письменные источники здесь не дают возможности для уточнения. Помимо одежд типа накидки письменные источники позволяют выделить группу наплечной распашной верхней одежды, к которой можно отнести *свиту, бугай, охабень, опашень, терлик*. Эта одежда известна только по археологическим материалам эпохи позднего средневековья и практически не фиксируется в погребальных памятниках X–XIII в.

Группа терминов, относящихся исключительно к женскому костюму, включает в основном названия украшений (*колтки, усерязи, монисто, ожерелье, алам*), а также головных уборов или их частей (*юбрус, чело, цьльцьмо, повоец, привитка*). Лишь три названия обозначают виды

женской одежды — *чупрун*, *подволока*, *понявица*. Важно отметить, что небольшой ряд понятий достаточно полно характеризует состав женского головного убора. Все эти элементы, несмотря на их фрагментарность, фиксируются по археологическим материалам. Кроме того, все приведенные названия хорошо известны из этнографии. Чело или очелье — передняя, возвышавшаяся надо лбом часть головного убора. Повоец (повойник), имевший вид мягкой шапочки, являлся нижней частью головного убора, носившейся под кокошником, сорокой, убрусом. Юбрус (убрус) — полотенчатая часть головного убора, надевавшаяся поверх его основных элементов (кики, повойника). Колтки (колты) — украшение головного убора, хорошо известное по материалам древнерусских кладов. Усерязи, по предположению Н. В. Жилиной, — височные подвески, характерные для древнерусского женского убора. Письменные источники ничего не говорят нам о том, как могли сочетаться все эти детали головного убора. Однако известен целый ряд древнерусских погребений и кладов, по материалам которых археологи реконструируют разные комбинации перечисленных элементов: убрус, повойник, очелье в сочетании с височными кольцами, подвесками. Все они могли носиться и одновременно, составляя сложный головной убор, аналогичный русскому этнографическому убору.

С. В. Стрельников (Сакт-Петербург)

К ВОПРОСУ О ДОСТОВЕРНОСТИ МЕЖЕВЫХ КНИГ ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВА МОНАСТЫРЯ СЕРЕДИНЫ XVI в. (НА ПРИМЕРЕ РОСТОВСКОГО УЕЗДА)*

Межевые книги как разновидность писцовой документации возникли в середине XVI в. Их предтечей в более ранний период являлись межевые, отводные и дозорные грамоты, которые после возникновения межевых книг не исчезли, а продолжали сосуществовать.

Во второй половине 50-х г. XVI в. в Русском государстве было предпринято широкомасштабное межевание земель крупнейшего духовного феодала страны — Троице-Сергиева монастыря. Это мероприятие было осуществлено по инициативе правительства с целью урегулирования земельных споров с монастырем. Оно было проведено двумя межевыми комиссиями по всем уездам, где находились монастырские владения. Первая комиссия под руководством князя Ивана Дмитриевича Ростовского и подьячего Муртозы Никитина сына Чуфарова провела межевание в 7064 (1555/56) г. и 7065 (1556/57) г. Смена руководителя межевого описания князя И. Д. Ростовского на князя Андрея Стародубского ознаменовала деятельность комиссии 7066 (1557/58) г.

Межевые книги фонда Поместного приказа № 20 и № 254 были известны еще дореволюционным исследователям (П. И. Иванов, К. А. Неволин, И. Ф. Токмаков, С. В. Рождественский и И. Е. Герман), однако первые опыты по источниковедческому изучению межевых книг относятся к середине XX в., когда в отечественной науке особенно активно велось изучение различных сторон социально-экономической истории государства и общества.

Межевые книги Троице-Сергиева монастыря применительно к Переяславскому уезду были рассмотрены Ю. Г. Алексеевым и С. З. Черновым. Позднее В. Б. Кобрин и другие исследователи не раз обращались к межевым книгам относительно различных аспектов русской истории XV—XVI в. В 80—90-е г. XX в. М. С. Черкасова достаточно часто привлекала межевые книги для создания общей картины складывания вотчины Троице-Сергиева монастыря.

Сопоставление троицких межевых книг середины XVI в. с другими источниками приводит к необходимости рассмотрения вопроса о степени их достоверности. В качестве примера берется фрагмент межевых книг, относящийся к межеванию Ростовского уезда.

Ростовский уезд при межевании троицких владений был представлен в деятельности обеих комиссий. Первая комиссия провела межевание в Лутском, Согильском, Песьем, Савине и

*Работа выполнена при содействии РГНФ (проект № 05-01-01378а).

Пегловском станах, вторая — в Печеготском стане. Обе книги дошли в подлиннике. Следует отметить неполноту межевого описания. Так, за Троице-Сергиевым монастырем с 1554 г. в Савине стане числились Чуфаровские пустоши, приобретенные у Ростовского Богоявленского монастыря и вновь возвращенные ему в конце XVI в. Сами Чуфаровские пустоши этимологически можно связать с одним из основных межевщиков — М. Н. Чуфаровым, скрепившим межевые книги. Он в качестве послуха встречается в актах по Ростову с 30-х г. XVI в.

При изучении троицких межевых книг мы сталкиваемся с проблемой их достоверности. Так, по троицкой межевой книге 1555/56—1556/57 г. за князем И. Д. Бельским в поместье числилось село (сельцо) Спасское. Однако история села по актовому материалу заставляет усомниться в его владельческом статусе. Незадолго перед смертью в 1542 г. И. И. Челяднин завещал село, примыкавшее к комплексу вотчинных владений Челядниных, своей сестре Марфе и ее детям. Марфа была замужем за князем Д. Ф. Бельским. Таким образом, приданое Марфы являлось вотчинным владением, поскольку в этом статусе было передано жене князя Д. Ф. Бельского, от которого И. Д. Бельский и унаследовал село. В 1575 г. Кирилло-Белозерский монастырь получил от Ивана IV жалованную вотчинную грамоту на сельцо Спасское с деревнями по душе погибшего в майском пожаре 1571 г. князя И. Д. Бельского из его же вотчины. Следовательно, за 30 лет владение, судя по документам, дважды поменяло свой статус: от вотчины к поместью и снова к вотчине. Известны случаи, когда владельцы вотчин отписывали свои земли на государя и вновь их получали, но уже на поместном праве. Однако большие сомнения вызывает подобная мобильность земельной собственности за сравнительно небольшой срок и в рамках одной семьи. Скорее всего, мы имеем дело с неточностью или небрежностью писцов, проводивших межевание.

Являлась ли данная ошибка случайной или же была закономерной? Для решения этого вопроса необходимо обратиться к самим троицким межевым книгам. Межевые книги по Ростовскому уезду следующим образом проводят разделение владельческого статуса. При определении земли в качестве вотчины или поместья выясняется, что в 8 случаях статус владения указан в качестве вотчины, в 9 — поместье, а в 15 случаях статус владения вовсе не определен. То есть в половине межеваний поместных и вотчинных владений их статус определен как «земля» («земля Василья Гиреева», «земля Фомы Иванова сына Третьякова» и т. д.). При этом из термина «земля» нельзя определить, обозначали ли так поместье или вотчину. При межевании владений князя И. А. Булгакова и Т. Есипова их статус определен как «земля», но чуть позже встречаем уточнение «вотчина». Аналогично и с «землей» П. Зюзина, только здесь уточняется — «поместье». Подобная нейтральность прослеживается и в статусе владений черносошных и дворцовых земель. Для них характерно общее обозначение «земля царя великого князя». Вероятно, это не случайно. Писцам, проводившим межевание троицких вотчин, был не важен владельческий статус смежных земель. Они не занимались проверкой владельческих прав соседних с Троице-Сергиевым монастырем территорий, поскольку это не входило в их компетенцию. Основной задачей межевщиков было определение «межи» и «граней», то есть границ земельных владений Троице-Сергиева монастыря.

П. С. Стефанович (Москва)

ПЛЕНЕНИЕ ПЕРЕМЫШЛЬСКОГО КНЯЗЯ ВОЛОДАРЯ РОСТИСЛАВИЧА 1122 г. В ОСВЕЩЕНИИ РУССКИХ ЛЕТОПИСЕЙ, ЗАПАДНЫХ ИСТОЧНИКОВ И В. Н. ТАТИЩЕВА

1. Володарь Ростиславич правил Перемышльским княжеством с середины 80-х годов XI в. до своей смерти в 1124 г. Одной из отличительных черт внешней политики этого князя была вражда с Польшей, граничившей с его княжеством. Кульминацией этой вражды стало пленение Володаря поляками в 1122 г. Русские летописи об этом событии сообщают только одной фразой

под 6630 (1122) г.: Лаврентьевская — «яша Ляхове Володаря Василкова брата», Ипатьевская — «и Володаря яша Ляховѣ лестью Василкова брата» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 292; Т. 2. Стб. 286). Правда, Ипатьевская летопись вспоминает об этом событии позднее в статье 6653 г.: «Тои же зимѣ (т. е. зимой 1145/1146 г. — *П. С.*) Владиславъ Лядьскии кн(я)зь емъ мужа своего Петрка (ХП: Петрока) и слѣпи, а языка ему урѣза и домъ его розъграби, токмо съ женою и съ дѣтьми выгна изъ земли своея. И иде в Русь. Якоже еуанг(е)лское слово г(лагол)еть: еюже мѣрою мѣрить, възмѣрить ти с(я). Ты емъ Руского кн(я)зя лестью Володаря и умучивы иÌ и имѣние его усхыти все, егоже Б(ог)ъ по нѣколицѣ д(ь)невъ не призрѣ, о немже бѣ в заднихъ лѣтѣхъ писано» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 319). Как следует из этого известия, пленение Володаря было делом рук «мужа» по имени Петрок, который, видимо, служил польскому князю Владиславу, сыну Болеслава Кривоустого, но затем попал у него в немилость и ушёл «в Русь». Обращает на себя внимание ссылка летописца на некий рассказ о пленении Володаря «в задних летех».

2. В своё время эта ссылка летописца послужила И. А. Линниченко доказательством того, что в русских летописях, не дошедших до нашего времени, действительно, содержался рассказ о пленении Володаря, который был гораздо подробнее, чем короткая фраза Лаврентьевской и Ипатьевской летописей, и который отразился в двух поздних источниках — «Польской истории» Яна Длугоша и своде В. Н. Татищева[1].

Новейшее издание русского комментированного перевода известий Длугоша, относящихся до Руси, позволяет подкрепить соображения Линниченко. Издатели отмечают, что в той части хроники, которая охватывает 20-е годы XII в., отразился «блок галицких известий», происходящий, по всей видимости, из некоей древнерусской летописи, которой пользовался Длугош и которая излагала события ранней галицкой истории подробнее, чем дошедшие до нас своды. В этот «блок» попадает и довольно обстоятельное известие 1122 г. о пленении Володаря. Согласно Длугошу, Володарь был захвачен во время похода, предпринятого им ради грабежа польских владений, «в месте под названием Высоке (Wyszokÿe)». Хронист сообщает некоторые подробности события, но не говорит, кто именно взял в плен русского князя. В то же время Длугош под 1134 г. рассказывает ещё раз о пленении русского князя, на этот раз другого — Ярополка Владимировича, и здесь героем, осуществившим это деяние, указывается польский вельможа Петр Властович. Однако исследователями выяснено, что этот рассказ — более яркий и отводящий главную роль Петру Властовичу — Длугош отнёс к Ярополку по какому-то недоразумению; в том источнике, откуда хронист заимствовал рассказ, а именно в «Польской хронике» Винцентия Кадлубека, речь идёт о том же Володаре. Можно предположить, что Длугош, который, очевидно, «группировал» разнящиеся между собой известия источников, бывших в его распоряжении, имея в своих польских источниках подробный и яркий рассказ о «подвиге» Петра Властовича, отнёс к этому рассказу те данные, которые нашёл в русских летописях и которые коррелировали с этим рассказом; в его русском источнике упоминался Петр («Петрок»), но Длугош не стал писать о нём, отнеся его деятельность к 1134 г., когда якобы был пленён Ярополк.

3. Линниченко сопоставил известие Длугоша о пленении Володаря в 1122 г. с тем же известием у Татищева. Выяснилось, что оба известия совпадают как в общем (захват князя во время похода на Польшу), так и в некоторых деталях (например, упоминание «урочисча высокого», соответствие суммы выкупа, который был заплачен за освобождение Володаря и др.). Единственное, в чём обнаруживается несоответствие, — в рассказе Татищева о «Петроне», воеводе Володаря, «родом поляке», которого подкупили поляки и который предал им своего князя. Однако это несоответствие можно объяснить тем, что Длугош, как уже сказано, убрал упоминание Петра из этого известия, чтобы не путать его с Петром Властовичем в статье 1134 г. Рассказ же Татищева о «Петроне» как виновнике пленения Володаря подтверждается независимыми источниками: во-первых, упоминанием о «Петроке» Ипатьевской летописи, а во-вторых, свидетельствами немецких

[1] *Линниченко И. А.* Взаимные отношения Руси и Польши до половины XIV столетия. Ч. I: Русь и Польша до конца XII века. Киев, 1884.

источников XII в. — «Хроники» Ортлиба Звифальтенского и «Диалогов о житии Оттона Бамбергского» Герборда — повествующих о захвате Володаря Петром Властовичем. Причём, самое любопытное, более ранний и, как показал Линниченко, более достоверный рассказ Ортлиба не говорит — в отличие от Герборда и Кадлубека — о том, что Петр изначально служил Болеславу и намеренно перешёл к Володарю, чтобы пленить его и отвезти в Краков к своему князю. Таким образом, из соотношения разных источников рассказ Татищева оказывается наиболее достоверным.

Известие Татищева представляется наиболее вероятным и с точки зрения того, насколько оно соответствует современным ему реалиям. Сообщение, что Петр Властович (Петрок) изначально состоял в дружине Володаря, выглядит значительно более реально, чем фантастический рассказ о преднамеренном «переходе» поляка к русскому князю с целью похитить его. В то же время нет ничего невозможного в том, что Пётр был поляком. Надо принять во внимание, во-первых, пограничное с Польшей положение Перемышльского княжества, а во-вторых, частые контакты русских и поляков, в том числе долгие пребывания русских и польских князей в Польше и на Руси, соответственно (в 60—70-е годы XII в. на службе у смоленских князей упоминается некий Владислав *Лях*). Вполне вписывается в древнерусские реалии и «тайная пересылка» между Петром и поляками: такого рода предательства регулярно случались в условиях дружинного быта Древней Руси и так же регулярно осуждались древнерусскими летописцами.

Свидетельству Татищева не противоречат и данные о позднейшей судьбе Петра Властовича. Известно, например, что бывший воевода Володаря занял видное положение при дворе Болеслава Кривоустого, что он совершил значительные пожертвования в пользу церкви (как сказано у Ортлиба и в других источниках, в качестве покаяния за предательство своего бывшего князя) и что он, наконец, сохранял связи с Русью (в частности, есть известие о браке Петра с русской княжной, возможно, дочерью Святополка Изяславича Киевского). Не совсем ясно, как расценивать сообщение Ипатьевской летописи об опале и возвращении «Петрока» «в Русь» в свете того, что в средневековой Польше был знаменит род, основанный Петром Властовичем. Вряд ли оно целиком ошибочно, как считал Линниченко; скорее, надо предполагать, что после того как Владислав бежал из Польши в 1146 г., а власть перешла к Болеславу IV Кудрявому, Пётр (либо его дети) вернулся в Краков.

Е. Г. Сосновцева (*Санкт-Петербург*)

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЖИТИЯ ЮЛИАНИИ ЛАЗАРЕВСКОЙ

Житие Юлиании Лазаревской выделяется среди других произведений XVII в. благодаря своему автору, Дружине Осорьину, сыну блаженной. Такие особенности, как отступление от агиографического канона и большое количество бытовых деталей, привели к разногласиям по поводу жанровой принадлежности текста[1]. Сравнение Краткой и Пространной редакций Жития Юлиании Лазаревской обнаруживает разночтения на всех языковых уровнях. Это особенно интересно, если считать, что обе редакции были созданы Дружиной Осорьиным. Таким образом, речь может идти о целенаправленной языковой правке, вносимой автором в произведение. При этом Краткая редакция написана раньше других вариантов и ближе к архетипу, чем Пространная редакция — более поздняя переработка исходного текста[2].

При создании Пространной редакции в текст были внесены следующие изменения. На уровне лексики происходит замена как отдельных слов («успение» — «преставление»[3]; «поп» — «священник»), так и целых оборотов («умре» — «преставися от жития сего»; «потом» —

[1] Так, М. О. Скрипиль относит произведение к жанру светской повести (см.: *Скрипиль М. О.* Повесть об Улиянии Осорьиной (комментарии и тексты) // ТОДРЛ. М.; Л., 1948. Т. 6. С. 271), а Т. Р. Руди, на основании анализа композиции и стилистических особенностей, — к житиям (см.: Житие Юлиании Лазаревской (Повесть об Ульянии Осорьиной) / Исследование и подготовка текста Т. Р. Руди. СПб., 1996. С. 88, 99 (далее цитируется по этому изд.).
[2] Там же. С. 73—75.
[3] При сравнении первый пример в паре приводится из Краткой ред., второй — из Пространной.

«помале же по том же времени»). Близким по типу к лексическим заменам является введение в некоторые фразы слов, усиливающих эмоциональную окраску высказывания, подчеркивающих интенсивность какого-либо действия или переживания: «глаголаху ей» — «глаголаху ей по вся дни»; «и нуждаху ю» — «и тако многажды нуждаху ея»; «яко всем дивитися о ней» — «яко дивитися о ней свекру и свекрови и южиком их».

К орфографическим особенностям списков можно отнести такие написания, как «саномь» — «саном»; «объшиваше» — «обшиваше». Прослеживается достаточно последовательная замена в Пространной редакции флексий прилагательных *-ого* на *-аго*, связанная со следованием книжной норме. По-видимому, к орфографическим различиям следует отнести употребление в Пространной редакции форм типа *посылаху*, *хождаше* вместо форм *посылааху*, *хождааше* в цитируемом списке Краткой редакции.

Из морфологических особенностей следует отметить непоследовательное использование форм двойственного числа как в Краткой, так и в Пространной редакции, ср.: «своими руками» — «своима рукама»; «повелеста ей» — «повелеша ей».

На месте бесприставочных глаголов НСВ в Краткой редакции употребляются глаголы СВ с приставками в Пространной редакции, ср.: «не лучися» — «не случися»; «убояся и ляже на постели, усну крепко» — «убояся велми, и возляже на постели и... усну крепко». Данные примеры соотносятся с общей тенденцией закрепления форм аориста за глаголами совершенного вида[4]. Однако Житие дает несколько примеров замены типа «нищим цену даяше» — «раздаяше», «везоша в пределы муромския» — «отвезоша в пределы муромския». Вместе с этим встречаются и обратные случаи: «увиде яве мужа святолепна» — «виде яве мужа святолепна».

Кроме того, в Краткой редакции Жития Юлиании Лазаревской отмечен только один случай употребления л-формы прош. вр. без связки: «и воздвиг десницу свою» (Ср.: «и воздвиже десницу свою» (Простр. ред.)). Единственный случай употребления л-формы в Пространной редакции: «Желанием возжелах великаго аггельскаго образа еще от юности моея, но не сподобилася грех моих ради», — и тоже с параллельной формой аориста в Краткой редакции. На фоне последовательного употребления форм аориста, имперфекта и перфекта со связкой в тексте обеих редакций данные формы выглядят случайными. Однако краткая редакция сопровождается изложением чудес, и здесь л-формы встречаются чаще, например: «Прикладныя копейки позлащеные тати покрали от образа и на улице изронили. Все целы, только не объяви Бог, кто крал». Аналогичная закономерность наблюдается при сравнении языка Жития Анны Кашинской и Повести о чудесах Анны Кашинской. Но если в последнем случае Житие и Повесть написаны разными авторами[5] и данные особенности можно было бы объяснить разной языковой компетенцией писателей, Житие и чудеса Юлиании Лазаревской написаны одним человеком.

Особенности языка Жития Юлиании Лазаревской связаны, помимо общей языковой ситуации XVII в., со своеобразием агиографического жанра. С одной стороны, писатель должен был придерживаться строгих правил, охватывающих все уровни текста, от общей композиции до раскрытия определенных тем и мотивов при помощи устойчивых речевых формул. С другой стороны, жизнеописание святого предполагает изложение посмертных чудес, и даже в тех случаях, когда речь в житии идет о давних событиях, агиограф, как правило, записывает часть чудес со слов очевидцев или сам является их свидетелем[6]. Возможно, поэтому посмертные чудеса могут описываться в более свободной форме, чем земной путь святого, активные языковые процессы здесь могут быть представлены шире, чем в других частях текста.

[4] *Живов В. М.* Очерки по исторической морфологии русского языка XVII–XVIII веков. М., 2004. С. 100–101.

[5] См.: *Семячко С. А.* Круг агиографических памятников, посвященных Анне Кашинской. II. Агиографический цикл // ТОДРЛ. СПб., 1999. Т. 51. С. 231.

[6] Так, например, Житие Жития Паисия Угличского, подвизавшегося в XV в., было создано, предположительно, при подготовке канонизации на рубеже XVI–XVII в. (см.: *Каган М. Д.* Словарь книжников и книжности Древней Руси. II пол. XIV–XVI в. Ч. I. Л., 1988. С. 137).

В. Н. Темушев (Минск)

К ВОПРОСУ О МОСКОВСКО-ЛИТОВСКОЙ ГРАНИЦЕ XV в. (ВЛАДЕНИЯ КНЯЗЕЙ КРОШИНСКИХ)

Западная граница Великого княжества Московского на вяземском направлении между 1403–80-ми г. XV в. являлась наиболее устойчивым отрезком московско-литовской границы. Очевидно, именно в этом причина того, что каким-либо образом обозначить указанный участок границы крайне сложно.

В результате московско-литовской войны 1486/87–1494 г. Вяземское княжество было присоединено к Москве, но масштаб присоединенной территории, ее протяженность, границы в грамоте о «перемирье вечном» 1494 г. не обозначались. Очевидно, массив Вяземского княжества целиком, без исключений, отошел к Москве, поэтому определение его территории не являлось необходимостью. Однако в связи с этим мы, возможно, теряем последнюю возможность очертить первоначальную московско-литовскую границу.

Реконструкция московско-литовской границы на вяземском направлении становится возможной благодаря локализации владений многочисленных вяземских князей (собственно Вяземские, Бывалицкие, Козловские, Жилинские, Глинские, Крошинские).

Существует мнение о том, что после присоединения Вяземского княжества к ВКЛ (1403 г.) владения местных князей остались в неприкосновенности. Однако великокняжеская власть все-таки вмешивалась в поземельные дела местных князей. Можно предположить, что перераспределение вяземских земель осуществлялось целенаправленно с расчетом обеспечить оборону крайних восточных пределов государства. Так, на самой границе оказались владения князей Крошинских. Попытки их локализации до настоящего времени не делалось. Только М. К. Любавский неопределенно заметил, что они лежали по соседству с можайскими. Такой вывод опирался на знание посольских речей, в которых московская сторона заявляла, что «ино те места, сказывают, издавна тянут к Можайску к нашему великому княжству Московскому» (имелись в виду волости Крошинских Тешиновичи, Сукромна, Ольховец, Надславль, Отъезд, Лела). Некоторые вяземские волости, действительно, появились в составе можайских (в духовной грамоте Ивана III), но судьба волостей Крошинских некоторое время не прослеживалась. Только из грамоты 1530 г. мы узнаем о существовании Сукроменского стана в составе Старицкого уезда, холмских волостях Старый и Новый Отъезд. Позже станы Отвотский и Сукроменский появились в Можайском уезде.

Среди можайских известен также стан Тешинов и Загорье. Таким образом, в один стан были объединены московская волость, известная со времен Дмитрия Донского, и волость князей Крошинских. Несмотря на то что развести две части позднейшего стана невозможно, тем более что и сам объединенный стан локализовать сложно, мы все же можем сделать вывод о протяженности владений ВКЛ за реку Гжать, на восток от которой находился стан.

На север от Сукромны располагался Можайский стан Оленский. Он также был опустошен в Смутное время, но неуверенная его локализация между верховьями рек Москвы и Яузы дает основу для дальнейших поисков на карте. Недалеко от устья Яузы находим ее приток Олелю, вокруг которой, вероятно, и размещался Оленский стан. Созвучие названия позволяет отождествить этот стан с волостью князей Крошинских Лелой через следующую цепочку Оленский–Олеля–Лела.

Рядом, чуть севернее, находилась волость Сукромна, основной массив которой, видимо, занимал течение р. Сукромли, от которой и получил название.

Остальные волости Крошинских (Ольховец, Надславль, Отъезд), к сожалению, не поддаются локализации.

Итак, волости князей Крошинских занимали пространство на восток от р. Гжать (приток Вазузы) по обоим берегам р. Яузы (правый приток Яузы). Примерно через среднее течение Яузы параллельно Гжати проходила древняя московско-литовская граница, точное определение которой невозможно из-за недостаточности источников. Таким образом, владения князей Крошинских вдавались клином в московские земли, их положение было ненадежным, что и подтвердилось в самом начале московско-литовской конфронтации в 1487 г., когда Крошинские были сметены со своих владений, которые «деди и отци их дръжали, и они породилися на той своей отчине».

А. П. Толочко (Киев)

ПРИРИСОВКИ ЗВЕРЕЙ К МИНИАТЮРАМ РАДЗИВИЛОВСКОЙ ЛЕТОПИСИ И ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ РУКОПИСИ

Радзивиловская летопись – несомненно, наиболее знаменитая рукопись, содержащая летописный текст. Ее миниатюры не раз становились предметом специального изучения. Рукопись датируется 90-ми г. XV в., и рисунки, по согласному заключению многих исследователей, несут на себе отпечаток времени.

Место изготовления Радзивиловской летописи – Великое княжество Литовское, вероятнее всего, Владимир-Волынский.

Считается установленным, что в создании миниатюр Радзивиловской летописи принимали участие несколько художников – от двух до пяти. Часть из них следовала традиционным византийским образцам (предположительно, точно копируя древний оригинал), иные же чувствовали себя менее стесненными старым каноном.

Исследователи, впрочем, единодушны в том, что одному из «западных» мастеров принадлежат многочисленные дорисовки к первоначальным миниатюрам. Среди этих пририсовок есть несколько изображений животных: собака? – № 351 (Л. 155), медведь – № 352 (Л. 155 об.), собака? – № 359 (Л. 157), обезьяна с плодом – № 363 (Л. 158), кошка с мышью – № 371 (Л. 161), медведь – № 374 (Л. 162), лев – № 384 (Л. 165).

Эти изображения животных издавна вызывают недоумение исследователей: они не мотивированы ни композициями миниатюр, ни текстом летописи. В то же время в них не признавали случайной прихоти художника, по-видимому, считая ее неуместной в рукописи такого уровня.

Существует стойкая традиция трактовать пририсовки как аллегорические изображения (В. И. Сизов, О. И. Подобедова, Б. А. Рыбаков), считая их комментарием иллюстратора (то ли самой рукописи, то ли ее древнего протографа) к тексту летописи. Однако приходится признать, что ключ к пририсовкам не найден. Некоторые из изображений, не исключено, так и останутся неистолкованными. Вместе с тем, по крайней мере, несколько из них поддается уверенной и недвусмысленной интерпретации.

На л. 162 к правому полю рис. 374 пририсован медведь. По-видимому, реалистическое, это изображение на самом деле крайне эмблематично и имеет точную иконографическую аналогию.

Среди фресок Успенского собора во Владимире-на-Клязьме, выполненных совместно Даниилом Черным и Андреем Рублевым, но, разумеется, приписываемых Андрею, среди сцен Страшного суда есть изображение «Видения четырех царств» (иначе именуемых «Символами четырех погибельных царств»). Изображение помещено в «шелыге промежуточной арки западной части среднего нефа». Эта композиция издавна числится среди несомненных работ Рублева, неоднократно описывалась и репродуцировалась. Она представляет собой медальон, в который вписаны изображения четырех

зверей пророчества Даниила (Даниил 7: 1–8): льва, медведя, барса и «зверя четвертого», символизирующих Римское, Вавилонское, Македонское и Антихристово царства.

Сравнение рублевского медведя с пририсованным к миниатюре на л. 162 Радзивиловской летописи не оставляет сомнений в их ближайшем сходстве и даже наводит на мысль, что миниатюрист копировал каким-то образом известную ему фреску. Этот же образ фигурирует и в иной композиции – «Земля и море отдают своих мертвецов».

«Видение четырех царств» Рублева позволяет идентифицировать еще одну «звериную» дорисовку, собственно открывающую всю серию – изображение на л. 155, в котором исследователи почему-то упорно видели «собаку». На самом деле, это лев, желтый, как и на рублевской фреске. Странная поза зверя (голова развернута назад; кажется, будто он стоит на задних лапах), несомненно, объясняется тем, что прототип дорисовки был вписан в медальон.

С меньшей уверенностью идентифицируются два оставшихся зверя: барс и «зверь рогатый».

Недавно А. Л. Никитин остроумно (и, вероятно, верно) связал создание Радзивиловской летописи с возобновлением сгоревшего и частично разрушенного во время татарского набега зимы 1490/1491 г. Успенского собора во Владимире Волынском. Владимирский епископ Вассиан предпринял в 1494 г. большие усилия для «обновления» храма и снабжения его «книгами». Можно думать, что параллельно с возобновлением кафедры художники, расписывавшие Успенский собор, были задействованы в изготовлении Радзивиловской летописи. Из приписок к *Радз.* становится очевидно, что ее создатели интересовались «Московским Володимером» и его собором (Л. 204) и также временем основания Успенского собора во Владимире-Волынском (Л. 157 об.) Они, следовательно, прочитывали нечто символическое в совпадении названий городов и одинаковом посвящении их кафедральных соборов. Этим объяснялось бы и присутствие на миниатюрах *Радз.* некоторых фигур из фресок Страшного суда в Успенском соборе Владимира-на-Клязьме.

Обостренное внимание к эсхатологическим символам можно объяснить из общего умонастроения эпохи. Стоит помнить, что создание Радзивиловской летописи совпадало с завершением «седьмой тысящи» лет, по истечении которой (в 1492 г.) ожидался конец света. Во всяком случае ясно, что изображения эсхатологических зверей не могут быть прямым комментарием к тексту летописи. Скорее всего, они и вовсе не связаны с ее содержанием. Их объяснение стоит искать в той «параллельной» иконописной деятельности, которой были заняты художники *Радз.*

Поскольку изготовление *Радз.* происходило одновременно с обновлением Успенского собора во Владимире, в авторах миниатюр летописи естественнее всего видеть живописцев, работающих над росписями храма.

Пририсовки зверей не единственные необъяснимые (или, скорее, необъясненные) добавления к миниатюрам Радзивиловской летописи. Уникальный статус рукописи заставляет рассматривать ее как парадную, торжественную рукопись, созданную по случаю какого-то неординарного, как правило, политического события. Она представляется слишком серьезной вещью, где все осмысленно и все неслучайно, а каждая деталь имеет свое назначение. Но так ли это? После всех переделок, редактирований, исправлений и дорисовок рукопись имеет на удивление неопрятный вид. Если ее когда-то и предполагалось сделать парадной, труд нескольких последовательных мастеров полностью уничтожил этот замысел. Недоумение должно вызывать уже само количество работающих в разных манерах художников, радикально и без особой нужды перерабатывающих вполне достойные миниатюры предшественников. Объем вложенного труда удивляет тем более, что результатом становилась все более «грязная» рукопись. То, как непочтительно обходился каждый последующий мастер с работами своего коллеги, даже не пытаясь при этом скрыть следов переделок и исправлений, наводит на мысль, что на этой рукописи художники просто упражнялись. Она служила своего рода полигоном, на котором опробовались различные варианты решений, испытывались художники разных манер. Иными словами, *Радз.* была не парадной, но черновой рукописью.

Об этом же свидетельствует и совершенно необычный для скрипториев византийского круга порядок изготовления рукописи, при котором первым работал миниатюрист, а писец вносил текст в оставшееся незаполненным место между миниатюрами. Видимо, на Волыни к концу XV в. было утрачено искусство создания иллюминированных рукописей исторического содержания. Дополнительное подтверждение эта мысль находит в количестве привлеченных иконографических образцов: В. И. Сизов предполагал использование гравюр Нюренбергской хроники 1493 г. и, осторожнее, иллюстрированной редакции Саксонского зерцала XIV в. Теперь очевидно, что привлечена была и «толковая» (иллюстрированная) Псалтырь. Вероятно, будущее исследование обнаружит и другие иконографические образцы для миниатюр *Радз*. Во всяком случае ясно, что ее оформление представляло собой предприятие гораздо более сложное, чем просто копирование (с допустимыми искажениями) некоего иллюминированного образца (волынского ли конца XIII в., «переяславльского» ли начала XIII в.) Это, конечно, заставляет с большей, чем прежде, осторожностью относиться к миниатюрам Радзивиловской летописи как достоверному источнику для XII–XIII в.

Н. В. Трофимова (Москва)

ПОВЕСТЬ О ПОХОДЕ СВЯТОСЛАВА ВСЕВОЛОДОВИЧА НА ВОЛЖСКИХ БУЛГАР В 1220 г. ПО ЛЕТОПИСНЫМ СВОДАМ XV–XVI в.

Повесть о походе войск северо-восточной Руси против волжских булгар сохранилась лишь в части летописных сводов. Она имеет в них три основных вида.

Первый вид зафиксирован Лаврентьевской летописью. В ней кратко сообщалось об отправлении Георгием Всеволодовичем войска во главе с его братом Святославом на булгар, намечались основные этапы в ходе битвы и сообщалось о победе Святослава. Повесть лишена деталей: в ней не рассказывается, как это было обычно, о составе войска, из всех участников назван лишь глава похода, не раскрываются результаты битвы, не описано возвращение победивших в свою землю.

Второй вид повести находится в Ермолинской летописи, текст которой А. А. Шахматов возводил к Ростовскому владычному своду[1]. Эта повесть более подробно передает ход событий, указывая на обстоятельства, в которых происходила битва (описаны укрепления Ошела, упомянута буря, начавшаяся во время боя). Последовательно рассказано о действиях русского войска и противников. Значительное место занимает повествование о событиях, последовавших за сражением: шествии победоносного войска по землям противника, встрече с ростовским и устюжским полками, завоевавшими земли по Каме, возвращении во Владимир. Обращая внимание на детали событий, летописец в то же время не характеризует их участников.Этот вариант повести использован был составителями кратких летописных сводов 1497 и 1518 г., а также во всех списках Никоновской летописи, кроме Лаптевского, и в Тверском сборнике.

Третий вид повести зафиксирован в Московском летописном своде конца XV в., Воскресенской летописи, Никоновской по Лаптевскому списку.

А. А. Шахматов возводил эту часть Московского свода к древней Владимирской летописи через Ростовский свод времени епископа Ефрема[2].

Повесть по сравнению со вторым видом дополнена множеством деталей: подробно рассказано о расстановке войск на подходе к Ошелу Святославом, детализируется эпизод приступа к городу, описывается судьба горожан и тех воинов Святослава, которые пытались войти в город во время пожара, сообщается о награждении Юрием брата и его войска за успешный поход.

[1] *Шахматов А. А.* Разыскания о русских летописях. М., 2001. С. 648.
[2] Там же. С. 776. См. также: *Приселков М. Д.* История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996. С. 253.

В этом варианте повести увеличивается и изобразительное начало. Летописцем нарисована сцена подхода войска к городу в сплошном дыму, описан горящий город, изображена буря на реке в момент возвращения Святослава к ладьям.

Князь представлен значительно ярче, чем в других вариантах текста. Он изображен как главное лицо похода, ему принадлежат все важнейшие решения, дважды переданные через прямую речь, отсутствующую в других летописях.

Особое внимание уделено чувствам собирательных персонажей повести: летописец обращает внимание на тяжелое состояние русских воинов, выдерживавших битву в дыму, на страх булгар в зажженном со всех сторон городе, на печаль жителей, видящих, как войско Святослава ведет в плен их родных, на радость владимирцев в момент возвращения войска. Чувства передаются не только через авторские характеристики, но и через описание их внешних проявлений.

Последний вид повести представляет собой наиболее полный и художественный рассказ о событиях, а внимание к описаниям и передаче чувств героев соответствует интересу ряда летописных сводов конца XV–XVI в. к изобразительной стороне повествования.

А. А. Турилов (Москва)

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ОБЪЕМА КНИЖНО-ЛИТЕРАТУРНОГО КОРПУСА «ПЕРВОГО ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО ВЛИЯНИЯ»

«Первое восточнославянское влияние» (далее ПВсВ) конца XII–XIII в. на южнославянские культуры (и прежде всего книжно-письменную традицию) со времен выхода в свет первой обобщающей работы М. Н. Сперанского (1923 г) занимает видное место в истории межславянских средневековых культурных связей (наряду с «первым» (кон. X–XI в.) и «вторым» (втор. пол. XIV–XV в.) «южнославянскими влияниями» на русскую культуру и «вторым восточнославянским» на болгарскую и сербскую в XVI–XVII в.), хотя в болгарской литературе последних полутора десятилетий заметна явная тенденция если не полностью отрицать, то максимально маргинализировать это явление. Феномену посвящены статьи М. Н. Сперанского, В. П. Адриановой-Перетц, Б. Ст. Ангелова, В. А. Мошина (среди прочего постаравшегося максимально полно охарактеризовать его исторический фон и контекст), Х. Микласа (издавшего, в частности, в 1988 г. наиболее полный на тот момент список источников для изучения явления), Р. Павловой, автора тезисов, и ряда других. Но, несмотря на регулярное обращение исследователей к разработке разных аспектов темы, одним из основных продолжает оставаться источниковедческий, от результатов которого напрямую зависит оценка масштабов явления. Специфика же корпуса этих источников (особенно в сравнении с более поздними этапами межславянских культурных связей) состоит в сочетании их асинхронности (в списках XIII в. дошла лишь небольшая их часть) со значительной распыленностью (в отличие от источников по истории южнославянских «влияний» их невозможно изучать на материалах хранилищ одной страны).

Объем и состав корпуса отражают колебания исследователей и невыработанность четких хронологических критериев в отношении списков входящих в него памятников. М. Н. Сперанский, в статье 1923 г. оперировавший памятниками, дошедшими в списках XV в. (Повесть об Акире Премудром, Поучение Феодосия Печерского против латин), позднее (в работе, опубликованной в 1960 г.) склонился к мнению, что ряд русских памятников (толкования Никиты Ираклийского на слова Григория Богослова, житие Андрея Юродивого в древнейшем переводе) мог получить известность у южных славян в XIV–XV в.; в значительной мере это происходило из-за неточной датировки

рукописей в то время. Позднейшие исследователи (и в том числе автор тезисов) склонились к компромиссному варианту — списки XIV в. относились к корпусу источников ПВсВ безоговорочно, но памятники, рассмотренные во второй статье М. Н. Сперанского, в него не включались.

Книжно-литературный корпус ПВсВ может быть существенно расширен даже в традиционных хронологических пределах (до середины XIV в.) за счет включения в него целых типов книг, ранее по разным причинам не учтенных или не замеченных. Таковы помимо упомянутых выше памятников, Минеи праздничные и служебные, содержащие жития из Пролога редакции Константина Мокисийского (включая сюда и ряд ранних списков миней по Иерусалимскому уставу), минейный Кондакарь (ненотированный). Большое значение для выявления новых памятников и списков имела работа над Сводным каталогом славяно-русских рукописных книг в хранилищах бывшего СССР.

Принципиальным представляется, однако, установление верхней хронологической границы, ранее которой южнославянские списки сочинений, созданных на Руси либо вернувшихся оттуда на славянский Юг, безусловно могут быть отнесены к ПВсВ. Это связано с тем, что древнейшие (не позднее XIII в.) памятники занимали заметное место и в литературном корпусе «второго восточнославянского влияния». Об этом последнем нельзя говорить ранее 90-х г. XV в., когда начались посольства из афонских монастырей в Москву к великокняжескому и митрополичьему двору. В то же время на двухсотлетнем хронологическом промежутке между первым и вторым восточнославянскими «влияниями» нельзя указать периода, благоприятного для их возобновления. Конец XIII — первая половина XIV в. характеризуются полным разрывом связей и исчезновением русской монашеской колонии на Афоне (Пантелеимонов монастырь оставался «русским» лишь по названию до второй половины XVII в.), а до середины 70-х г. XIV в. этим связям (в любом направлении) серьезно препятствовал (вопреки бытующему в литературе мнению) сербско-византийский церковный конфликт. Вплоть до середины XV в. интересы южнославянских книжников были сосредоточены на новых переводах с греческого, а интересы русских колоний в Константинополе и на Афоне вполне покрываются понятием «второе южнославянское влияние». Далее до конца столетия в связях вновь наблюдается лакуна. Все это заставляет относить к результатам ПВсВ южнославянские списки древнерусских (или прошедших через русское посредство) памятников до конца XV в. Среди них можно указать столь значительные, как Сказание о перенесении мощей Николая Мирликийского в Бари, Историческая палея, житие пророка Моисея, Хроника Георгия Амартола в древнейшем переводе. Всего же в списке источников по истории феномена фигурирует на сегодняшний день свыше 120 кодексов XII—XV в., т. е. более чем вдвое по сравнению со списком Х. Микласа 1988 г. (56 рукописей до конца XIV в.).

А. С. Усачев (Москва)

СТЕПЕННАЯ КНИГА И РУССКОЕ ЛЕТОПИСАНИЕ 60-х г. XVI в.: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Несмотря на появление целого ряда работ, посвященных источникам Книги Степенной царского родословия (СК)[1], этот аспект из истории памятника относится к числу наименее изученных в его историографии. Особое значение вопрос об источниках этого произведения приобретает при рассмотрении завершающей его 17 степени, повествующей о первых годах правления Ивана IV,

[1] См.: *Кусков В. В.* Степенная книга как литературный памятник XVI века. Дисс. канд. филолог. наук. М., 1952. С. 79—316; *Barnette W.* Stepennaja kniga: Sources, Their Adaptation and Development. Ph.D. diss. Nashville, 1979 (благодарю Г. Ленхофф за предоставление копии этой работы); *Турилов А. А.* Древнейшая история славян и Руси в «Книге степенной царского родословия» (хронология, круг источников, их отбор и использование) // Славяне и их соседи. Миф и история. Происхождение и ранняя история славян в общественном сознании позднего средневековья и раннего Нового времени (Тезисы 15 конференции). М., 1996. С. 46—51; *Lenhoff G.* How the Bones of Plato and Two Kievan Princes were baptised: Notes on the Political Theology of the «Stepennaja kniga» // Die Welt der Slaven. 2001. XLVI. S. 313—330; Idem. The Tail of Tamerlane in the

поскольку исследование заключительной части памятника дает возможность определить время и обстоятельства его создания.

Как отметил крупнейший исследователь СК П. Г. Васенко, памятник содержит последовательный рассказ о событиях по 1560 г. включительно, который был дополнен несколькими известиями по 1563 г.[2] Согласно нашему предположению, эти известия представляли собой более поздние приписки (внесенные, очевидно, не ранее весны 1563 г.)[3]. Таким образом, первоначальный текст памятника был доведен до 1560 г. Почему именно этот год является рубежным в процессе создания СК? При ответе на этот вопрос, безусловно, нельзя исключать влияние политической обстановки времени около 1560 г. (падение правительства «Избранной рады», к которой был близок митрополит Макарий, инициировавший написание СК, и т. д.). Однако итоги сравнения текста СК с рядом других произведений дают основания выдвинуть еще одно предположение на этот счет.

При изучении вопроса о датировке СК нами были рассмотрены в хронологическом порядке все отразившиеся в 17 степени известия. Как выясняется, заключающее памятник известие — о голоде в Крыму (осень 1559 г.) — не является хронологически наиболее поздним. Позднейшим известием в древнейшем тексте СК является упоминание о направлении русского войска в Черкассы и на Шевкалы (февраль 1560 г.)[4]. Почему именно это известие является наиболее поздним в произведении?

В поисках ответа на этот вопрос мы обратились к предшествующим и современным СК памятникам. Результаты предпринятых поисков побуждают обратить внимание на памятник летописания 60-х г. XVI в., который также заканчивается известием о посылке войск в Черкассы и на Шевкалы. Речь идет о т. н. Своде 1560 г. Этот памятник повествует о событиях русской истории 1389—1560 г. и заканчивается как раз интересующим нас известием[5]. Вряд ли совпадение окончания создаваемых примерно в одно время произведений можно считать случайностью. Правда, характер связи СК и Свода 1560 г. неясен. Согласно предположению Б. М. Клосса, последний создавался в середине 60-х г. XVI в.[6], в то время как окончание редактирования СК нельзя отнести к периоду позднее 31 декабря 1563 г.[7] Это, в свою очередь, дает основания полагать, что 1) либо датировка Б. М. Клосса нуждается в пересмотре; 2) либо то, что СК и Свод 1560 г. восходят к общему источнику. Как бы то ни было, особое место в СК рассказа о событиях 1560 г., до которого доведен ее основной текст, может быть связано не только с политической ситуацией этого времени, но и с составом источников, находящихся в распоряжении создателя рассматриваемого произведения.

Несмотря на очевидную необходимость специального изучения вопроса о связи СК и Свода 1560 г., сам факт совпадения их последних (по хронологии) известий дает основания расширить имеющиеся в науке представления о связи крупнейших памятников историографии середины XVI в. друг с другом. Это, в свою очередь, позволяет рассматривать составление СК в контексте летописной работы времени первого русского царя. Каково было место СК в этом процессе? На какие источники опирался создатель памятника, повествуя о современных ему событиях? Почему основная часть произведения заканчивалась февралем 1560 г.? Хочется верить, что результаты последующих исследований дадут возможность ответить на эти и другие вопросы.

Royal Book of Degrees // The place of Russia in Eurasia. Budapest, 2001. P. 122—129; *Усачев А. С.* Древняя Русь в исторической мысли 60-х гг. XVI в. (Степенная книга). АКД. М., 2004. С. 13—17.

[2] *Васенко П. Г.* «Книга Степенная царского родословия» и ее значение в древнерусской исторической письменности. СПб., 1904. Ч. 1. С. 213—217.

[3] Подробнее см.: *Усачев А. С.* К вопросу о датировке Степенной книги // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2005. № 4 (22) (в печати).

[4] ПСРЛ. Т. 21. Ч. 2. С. 674—675, 672.

[5] Памятник не издан. Сохранился в нескольких списках, древнейшими из которых являются списки рубежа XVI—XVII в. — Румянцевский (РГБ. Ф. 256. № 255) и Архивский (РГАДА. Ф. 181. № 11).

[6] *Клосс Б. М.* Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII вв. М., 1980. С. 202—203.

[7] *Васенко П. Г.* «Книга Степенная царского родословия». С. 214, 217. Согласно нашему предположению (см.: *Усачев А. С.* К вопросу о датировке Степенной книги), данный период может быть ограничен мартом 1563 г.

Е. С. Федоскина (Москва)

К ПРОБЛЕМЕ АТРИБУЦИИ ДРЕВНЕСЛАВЯНСКИХ ГИМНОГРАФИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

Среди большого числа новообретенных оригинальных древнеславянских песнопений в составе древнерусских и южнославянских списков богослужебных Миней, и, особенно Октоиха[1], многие произведения не отмечены акростихом. В научных исследованиях вопрос атрибуции этих служб/канонов решается на основании логических заключений (например, объединенные тематически циклы осмогласных песнопений Климента Охридского в Октоихе) или его рассмотрение ограничивается гипотезой о возможном авторе. Помощь в решении проблемы авторства может оказать изучение особенностей авторского стиля, в первую очередь, «стиля» Климента Охридского, т. к. поэтическое наследие книжника велико по объему.

Несмотря на традиционность лексики, фразеологии, образности, идейных мотивов, используемых славянским песнописцем, Климент отдавал предпочтение определенному набору эпитетов, метафор, топосов из арсенала византийской гимнографии.

1. Для идентификации произведений Климента важно присутствие в службе мотива приношения в дар святому (Богородице, Спасителю) молебной (а не хвалебной) песни. Наличие этого топоса имеет большее значение, чем использование достаточно распространенной в гимнографии темы света, просвещения или темы «троичности», поскольку позволяет охарактеризовать авторское начало в песнопениях древнеболгарского книжника: отсутствие какой-либо оценки себе как автору и обозначение своих творений лишь как «молебная песнь», «молебная похвала», «малая похваления», «мольбы умаленныя», «малое приношение». Данный факт важен, например, при атрибуции троичных канонов Климента (наиболее полный их цикл в рукописи РНБ. Гильф. 26), т. к. во втором, анонимном комплекте троичных канонов обнаруживается несколько иное отношение автора к своему творчеству.

2. Еще более значимо основное содержание молебных обращений в песнопениях Климента. Чаще всего гимнограф просит святых и Богородицу не о помощи в земных делах, не о спасении от грехов (хотя эти мотивы присутствуют), а о молитвенном предстоянии перед Господом. Во многих службах Климента этот топос встречается около 10 раз (например, 16 раз в общей службе святителям и в службе Алексию Человеку Божьему). Присутствие данного тематического компонента позволяет уточнить предположения О. А. Крашенинниковой об авторе богородичных канонов, представленных в древнерусской рукописи Октоиха РНБ. Соф. 128[2]. Считаем, что Климент сочинил только один цикл канонов Богородице, присутствующий в данной рукописи то в службах пятницы (3, 4 гласы), то в службах среды (5–8 гласы). В других же канонах Божьей Матери просьбы о молитве к Спасителю редки. (В греческом Параклите данный мотив часто используется Иосифом Песнопевцем, например, в службах Николаю Мирликийскому, но мало встречается в его же канонах Богородице.)

3. Поэтический словарь Климента состоит не из уникальных, но часто повторяющихся эпитетов и метафор («омраченное сердце», «греховные волны» и др.), фразеологических оборотов («имея дерзновение к Господу», «покорити под нозе цесарю нашему») и т. д. Изучение «любимых» лексем, словесных оборотов и топосов в богослужебных гимнах Климента дает основание предполагать, что славянский песнопевец является автором следующих сочинений:

[1] *Йовчева М.* Новооткрити химнографски произведения на Климент Охридски в Октоиха // Palaeobulgarica. XXIII (1999). № 3. С. 3–30; *Крашенинникова О. А.* Три канона из Октоиха Климента Охридского (неизвестные страницы древнеславянской гимнографии) // Славяноведение. 2000. № 2. С. 29–41.

[2] *Крашенинникова О. А.* Гимнографическое наследие Климента Охридского в рукописной традиции Древней Руси // Литература, культура и фольклор славянских народов: XIII Международный съезд славистов (Любляна, август 2003): Доклады российской делегации. М., 2002. С. 3–14.

— канона 8-го гласа святителю Николаю Чудотворцу, опубликованному Е. М. Верещагиным по так называемой Ильиной книге[3] (этот канон есть и в рукописном октоихе Гильф. 26, а богородичные тропари в данном списке, скорее всего, соответствуют оригиналу);

— циклов молебных стихир Октоиха для будних дней, причем эти циклы, вероятно, состояли не из двух (пророкам)[4] или трех (ап. Петру, Иоанну Предтече) стихир, а из четырех (плюс богородичная стихира): древнерусские списки изборного Октоиха не могут служить доказательством этого предположения в отличие от списков южнославянских;

— службы св. Василию, приуроченной к 10 октября и опубликованной И. В. Ягичем в известном издании Миней за первую четверть годового круга.

4. В молебных канонах Климента, помимо простоты и «прозрачности» синтаксиса, часто используется следующее построение тропарей: тематически тропарь состоит из двух частей нарративного и вокативного содержания (или вокативного и аутовокативного содержания, или иные комбинации), а соединяются эти части при помощи следственного союза **тѣм(же)** (реже — союзы **нъ**, **да**), либо связь бессоюзная, но употребляются местоимения с усилительной частицей **же**. Например, в каноне ап. Петру 2-го гласа эта схема применяется более чем в половине тропарей.

Изучение особенностей (пусть и не оригинальных) стиля Климента Охридского позволяет исследователю «развить в себе достаточное чутье к языку и мышлению» поэта (М. Ф. Мурьянов), что важно для атрибуции неизвестных гимнографических текстов славянского происхождения.

[3] *Верещагин Е. М.* Церковнославянская книжность на Руси: Лингвотекстологические разыскания. М., 2001. С. 391–406.
[4] *Йовчева М.* Цикълът молебни стихири за пророците, мъчениците и светителите в Октоиха // Palaeobulgarica. XX (1996). № 4. С. 43–56.

Г. Ю. Филипповский (Ярославль)

К ПОСТРОЕНИЮ ДИНАМИЧЕСКОЙ ПОЭТИКИ ЛИТЕРАТУРЫ РУСИ XI–XIII в.

1. Не вызывает сомнений факт возникновения не только переводной, но и оригинальной литературы Руси именно в XI–XII в. Д. С. Лихачёву принадлежит термин «динамический монументализм», отражающий ведущую черту литературной поэтики эпохи[1].

2. Отмечено, кроме того, что мотив движения, динамичности буквально пронизывает все уровни жизнедеятельности младохристианской цивилизации Руси[2], что в соотносительном контексте европейского средневековья уже было заявлено Ч. Хаскинсом как «Ренессанс XII века»[3].

3. Важную роль в динамике средневековой эпохи XI–XII в. и развитии литературы Руси имеет, безусловно, мотив движения христианской реликвий, его отражение в литературных текстах,

[1] *Лихачёв Д. С.* Возникновение русской литературы. М.; Л., 1952; *Он же.* «Слово о полку Игореве» и эстетические представления его времени // Лихачёв Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. 2-е изд. Л., 1985. С. 39–76; *Он же.* Поэтика древнерусской литературы. М., 1979; *Он же.* Развитие русской литературы X–XVII вв. Эпохи и стили. Л., 1973; *Он же.* Поэтика литературы // Художественно-эстетическая культура Древней Руси XI–XVII века. М., 1996. С. 57–94.
[2] *Филипповский Г. Ю.* Мотив движения в «Слове о полку Игореве» и литературе Руси XII века // Исследования «Слова о полку Игореве» / Отв. ред. Д. С. Лихачёв. Л., 1986. С. 58–64.
[3] *Haskins Ch. H.* The Renaissance of the 12-th c Cambridge (M.), 1927; Renaissance and renewal in the 12-th c. Ed. by R. L. Benson and G. Constable, C. D. Lauham. University of Toronto. Toronto–London in association with the Medieval Academy of America. 1991 (from a conference held under auspices of UCLA (Univ. Commettee on Medieval Studies. 26–29 Nov. 1977. Cambridge (Mass.))).

включая житийные, а также циклы сказаний о перенесении святых мощей. Таковы «Сказание о чудесах святая страстотерпца Христова Романа и Давида» (1115 г.), первоначальное сказание об обретении мощей св. Леонтия Ростовского 60-х г. XII в. и редакция его «Жития» 90-х г. XII в. с эпизодом новых чудес и переноса св. мощей в новую церковь, циклы новелл-чудес о движении чтимых икон («Сказание о чудесах Владимирской иконы Божьей Матери» 60-х г.)[4]. Симптоматично, что мотив движения св. реликвии часто определяет сюжетно-композиционную структуру циклообразования, например, в тексте «Сказания о чудесах Владимирской иконы Божьей Матери» он представляет параллель христианско-средневековой и государственно-политической динамике Руси эпохи Андрея Боголюбского. Мотив христианского и храмового строительства в «Сказании о Леонтии Ростовском» формирует сюжет обретения мощей св. Леонтия Ростовского, а в «Житии» — перенесения св. мощей и новых чудес у гроба святого. В «Повести об убиении Андрея Боголюбского» конца XII века мотивы христианского и храмового строительства характерно объединяют экспозицию и финал текста в единой кольцевой обрамляющей структуре.

4. Мотив христианской, духовной победы становится ведущим, стержневым в литературе Руси начиная со «Слова о Законе и Благодати», и приобретает прочную сюжетную связь с мотивом военной победы над недругами Руси уже в эпоху Андрея Боголюбского, например, в цикле произведений на праздник 1 августа; в «Поучении» князя Владимира Мономаха мотив духовной победы выступает доминантным и в экспозиции, и в каждой их 3 частей ансамблевого текста произведения в редакции ПВЛ 1116 г.

5. Динамика сюжетного повествования и мотивной структуры в литературных текстах Руси XII в. во многом задана особенностями поэтики экспозиций (например, в «Поучении» Мономаха, «Повести об ослеплении князя Василька Ростиславича», «Сказании о чудесах Владимирской иконы Божьей Матери», «Слове о полку Игореве»). Мотивы Креста, крестоцелования и его нарушения, наказания крестопреступников, появляющиеся уже в экспозиции, развёрнуты на всём пространстве «Повести об ослеплении князя Василька Ростиславича» вплоть до развязки. Определяющие для этой повести книжника Василия мотивы «преступления и наказания», «Божьего Суда» выступают сюжетообразующими и в «Поучении» Мономаха, где автор в экспозиции вводит интертекст драмы Василька Ростиславича, предъявляет свой личный христианский выбор князьям-крестопреступникам, а также Олегу Святославичу — в 3-й части текста 1116 г. перспективу «Божьего Суда» и нравственной ответственности перед Богом за совершённые злодеяния. Образ Бояна в экспозиции «Слова о полку Игореве» дает возможность автору перспективного развёртывания в основном тексте темы драматичных судеб Русской Земли в пространстве и времени на фоне сюжета о трагических итогах героического похода Игоря Святославича против Степи.

6. Диалоговая функция литературных текстов Руси XI—XII в. формирует поэтику «Слова о Законе и Благодати» (соотнесение Ветхого и Нового Завета как композиционный приём отражения в тексте динамики христианского строительства Руси); диалог-спор героя и матери образует сюжетно-композиционную основу текста «Жития Феодосия Печерского» Нестора; в

[4] *Филипповский Г. Ю.* Мотив движения христианских реликвий в динамике средневековой литературы и культуры Руси // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2003. № 4. С. 74—76; *Он же.* Житие Леонтия Ростовского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. XI — первая половина XIV в. Л., 1987. Вып. 1. С. 159—161; *Он же.* Архитектурный образ в произведениях Владимирской литературы XII века // Памятники истории и культуры. Ярославль. 1988. Вып. 3. С. 62—70; *Он же.* Тема победы в древнерусской литературе // Ярославский педагогический вестник. 2004. № 4. С. 211—217; *Он же.* Андрей Юрьевич Боголюбский. Сказание о победе над волжскими болгарами 1164 года и празднике 1 августа. // Словарь книжников и книжности Древней Руси. XI — первая половина XIV в. Вып. 1. С. 37—39; 411—412; *Он же.* «Слово» Андрея Боголюбского о празднике 1 августа по списку 1597 года // Культура славян и Русь. Сб. к 90-летию акад. Б. А. Рыбакова. М., 1998. С. 230—237; *Он же.* Поэтика экспозиций в литературных памятниках Руси XII века // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2001. № 1. С. 50—59; *Он же.* К вопросу о художественной концепции «Слова о полку Игореве» // ТОДРЛ. СПб., 1997. Т. 50. С. 470—474.

«Поучении» Мономаха адресный, диалоговый контекст «автор-читатель» в экспозиции перерастает в спор-противостояние с Олегом Святославичем, а также в автодиалог автора (спор души и сердца) на пространстве всего трёхчастного текста произведения. Оно беспрецедентно по своей коммуникативной, диалоговой функции, обращённости к современникам и потомкам, — в масштабе всей русской литературы (хотя диалогическая адресность многих произведений эпохи от «Слова о Законе и Благодати» до «Слова о полку Игореве» не вызывает сомнений). Коммуникативно по своей текстовой поэтике «Слово Даниила Заточника», с характерным использованием приёмов классической византийской риторики; диалогична поэтика «Слова о полку Игореве», где образ Бояна выступает как alter ego автора, решая через спор с Бояном задачи оригинального поэтического повествовательного развёртывания. Практически всё пространство литературы Руси XI—XII в. предстаёт в литературно-типологическом контексте как единый текстовый ансамбль, где отдельные тексты не просто тесно связаны, но находятся в определённых диалогических отношениях, образуя живое коммуникативно-диалогическое целое (вариант такого «целого» демонстрирует ПВЛ).

А. И. Филюшкин (Санкт-Петербург)

МАЦЕЙ СТРЫЙКОВСКИЙ О ЛИВОНСКОЙ ВОЙНЕ*

Мацей Стрыйковский (1547—1590) — известный польский историк, хронист, поэт. Из-под его пера вышли произведения: «О вольности Короны Польской и Великого княжества Литовского», «О началах, выводах, мужестве, делах рыцарских и домашних славного народа литовского жемойтского и русского», «Хроника польская, литовская, жемойтская и всей Руси». Изучению его творчества посвящена обширная литература (ее обзор см. в монографии: Рогов А. И. Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения (Стрыйковский и его «Хроника»). М., 1966).

Особый интерес представляет повествование Стрыйковского о событиях Ливонской войны (1558—1583). Надо отметить, что он знал их не понаслышке: в 1563—1573 г., он, по некоторым данным, служил в войске Великого княжества Литовского на московской границе в качестве рыскуна (разведчика). Есть также версии, что историк в 1568 г. участвовал во взятии Улы и обороне Витебска. В 1572—1574 г. он служил в витебском гарнизоне под командованием другого известного автора — Александра Гваньини (что породило гипотезы об отождествлении их авторства в отношении некоторых произведений). Перу Стрыйковского также принадлежит, к сожалению, до сих пор не опубликованное сочинение: «О поражении 30 тысяч Москвы с князем Петром Шуйским воеводом полоцким в поле Иванским над рекой Улой... 1564 г.» (рукопись хранится в Пушкинском Доме в Санкт-Петербурге).

Рассказы Стрыйковского о Ливонской войне интересны прежде всего тем, что перед нами — польская версия событий, взгляд на конфликт глазами Речи Посполитой, главного противника Московского государства в этой войне. Историк описывает почти все важные эпизоды войны с 1556 по 1581 г. В сведениях хрониста можно найти много информации, уточняющей наши представления о тех или иных событиях. В то же время значительная часть повествования носит легендарный и субъективный характер. На ее основе можно реконструировать «польский дискурс Ливонской войны», поскольку идеи Стрыйковского легли как в основу многих других сочинений эпохи Возрождения, так и польской (а в последнее время — и белорусской) историографии нового и новейшего времени.

* Работа выполнена по проекту AZ 08/SR/04 “Der historische Diskurs um den Livlandkrieg (1558—1583)”, поддержанному Gerda Henkel Stiftung.

Для Стрыйковского схватка за Ливонию началась в 1556 г. Виноват в ней был магистр Фюрстемберг, который принял лютеранскую веру, стал обижать Вильгельма Бранденбургского, родственника короля Сигизмунда, разрушал костелы и «обращал веру в ничто». Сигизмунд по совету с панами рады выдвинул ультиматум: магистр должен явиться с повинной в обоз польской армии, и привезти с собой живого и невредимого Вильгельма. Струсивший Фюрстемберг приехал, упал в ноги королю. Вильгельм оказался восстановленным во всех правах, а король отвел войска от ливонской границы. Заметим, что данная трактовка значительно отличается от рассказов о начале войны в европейских и русских источниках. Примечательно, что у Стрыйковского даже не упоминается Позвольский договор 1557 г. Вся история изображена как триумф Сигизмунда, вступившегося за своего родственника и наказавшего зарвавшегося соседа-грешника.

С первых строк описания столкновений поляков с московитами, которые, по Стрыйковскому, начались за спорные ливонские территории в 1560 г., хронист пишет только о выдающихся успехах польского оружия, победах малочисленных отрядов поляков над многотысячными полками «московских варваров». Например, Стрыйковский рассказывает о битве при Невеле, где полуторатысячный польский отряд сдержал натиск 45000-ного русского отряда. Московитов пало 3000, «а наших только 15 незнатных людей погибло», пишет хронист. После поражения П. Шуйского на Уле в 1564 г. Филон Кмита с 2000 литовцев гнал и сек 50000 русских. При бегстве последние бросили 6000 доспехов («панцырей и бехтерцев»). 25000, то есть половина московского войска, попала в плен.

Сочинения Стрыйковского весьма комплиментарны и во многом заложили основы «польского» и «литовского» мифов о Ливонской войне. Основные его положения — благородство Королевства Польского и Великого княжества Литовского, выступивших защитниками Ливонии от московской агрессии, однозначное военное преимущество польско-литовских войск на всех этапах кампании, изображение московитов жестокими и бесчеловечными захватчиками, обманщиками, злодеями. Под пером Стрыйковского Ливонская война для Речи Посполитой — благородная, освободительная, победоносная война.

А. А. Фролов (Торжок)

СТРУКТУРА ПИСЦОВЫХ КНИГ РУБЕЖА 1530–1540 г. ПО ДАННЫМ КОМПЛЕКСА ИСТОЧНИКОВ КОНЦА XV – СЕРЕДИНЫ XVI в.[1]

Для многих уездов Русского государства писцовые книги рубежа 30–40-х г. XVI в. (ПК) являются древнейшими. Но их информативные возможности и сам характер писцовых работ этого времени остаются почти не изученными. Новгородский материал имеет явные преимущества, так как дает возможность изучать ПК в сопоставлении с более ранними и более поздними писцовыми книгами. В докладе дается характеристика комплекса источников, связанных с этим описанием, и рассматривается вопрос о сложении структуры ПК Деревской пятины Новгородской земли. Сами ПК сохранились в подлиннике Новгородской приказной избы (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 3: писцовая книга Г. Морозова – далее КМ, писцовая книга Ж. Рябчикова – далее КР), но в фрагментарном виде (публикация: Писцовые книги Новгородской земли (далее – ПКНЗ). М, 2004. Т. IV). По годам начала и прекращения действия льгот составление КМ датируется в диапазоне с сент. 1542 по авг. 1546 г., КР – с сент. 1542 по авг. 1543 г. Информация организована по рубрикам, объединяющим земли, в податном отношении связанные

[1] Работа выполнена при поддержке РГНФ (грант 04-01-57001а/ц).

с одним центром-погостом. Внутри рубрики описание дано по владениям одного помещика: сначала старое поместье, затем придача (надбавка, полученная в результате смотра служилых людей 1538/39 года) – в том числе земли других погостов-округов, даже расположенных в другой половине пятины. В КМ есть дополнительный элемент – резюме о полноте придачи («придача им дана вся сполна» / «А додати ему обжа» / «А придачи ему нет» и т. д.). КР таких резюме не содержит.

Конспектом КМ и КР являются приправочные книги (ПрК) 1550/51 г. (публикация: ПКНЗ. М, 2004. Т. V.). Сличение сведений по погостам, описание которых сохранилось в обоих случаях, дает полное совпадение порядка описания земель внутри каждой рубрики. КМ отражена в ПрК Ф. Калитина и Б. Ансимова, КР – в ПрК Шемяки Благово, С. Огибалова и А. Тургенева. Содержащаяся в них избыточная информация относится ко времени после письма рубежа 30–40-х г. ПрК существенно расширяют представления о содержимом ПК и порядке расположения в них материала. Частично утраты КМ и КР восполняются и выписями, сделанными из них в Новгородской приказной избе в XVI и XVII в. (публикация: ПКНЗ. Т. IV).

Ситуацию в землевладении накануне письма рубежа 30–40-х г., отражает Платежная книга, датируемая августом 1543 г. (публикация: ПКНЗ. Т. IV). Ее структура полностью копирует структуру книги 1499 г., отражающей результаты письма 1495–1496 г. (публикация: Новгородские писцовые книги (далее – НПК). СПб, 1859. Т. I; НПК. СПб, 1862. Т. II). Часто владельцы, записанные в ней как современные, являются родителями помещиков, которых застало описание рубежа 30–40-х г. В то же время книга неоднократно упоминает обоих писцов, выданные ими льготы и сделанные придачи. В комплексе названные источники позволяют осветить вопрос происхождения структуры ПК.

Порядок рубрик в ПК был получен путем «расшивки» оглавления 1499 г. В пределах половины пятины, описанной одним писцом, погосты расположены в той же последовательности, что и в книге 1499 г. В целом с порядком рубрик КМ и КР (как и других ПК) совпадает порядок «Росписи погостов» (РП), датируемой по отраженным реалиям временем не позднее сер. 60-х г. XVI в. (публикация: Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода. М, 1808; Записки Русского географического общества (далее – ЗРГО). СПб., 1853. Т. VIII). Порядок погостов в ПК первичен относительно РП. Особенности структуры РП указывают на взаимное расположение книг письма рубежа 30–40-х г. в подлиннике Новгородской приказной избы и на существование особой книги князя Б. Ушатого, которому, по-видимому, было поручено завершение работы Ж. Рябчикова в связи со смертельной болезнью последнего (1. КМ; 2. КР; 3. Книга князя Ушатого (Вельевский, Городенский и Короцкий погосты); 4. Книга А. Ульянина с описанием земель Холмского уезда, описание которого здесь не рассматривается).

Внутри рубрик порядок расположения материала отличается от порядка книги 1499 г. и является оригинальным. По-видимому, он отражает последовательность описания в ходе полевых работ старых поместий (положение в тексте придач было предопределено положением старого поместья того же владельца). Локализация старых поместий обнаруживает пространственную близость тех имений, которые описаны в ПК подряд.

Реконструкция структуры ПК открывает возможности для изучения техники работы писцов в Деревской пятине.

А. А. Шайкин (Орел)

ВОЗМОЖНОЕ ПРОДОЛЖЕНИЕ «СЛОВА О ПОГИБЕЛИ РУССКОЙ ЗЕМЛИ»

В «Слове о погибели Русской земли» видят вступительную часть к несохранившемуся или вовсе целиком не написанному произведению. Существуют гипотезы о содержании возможного продолжения произведения. Так, И. П. Еремин полагал, что речь могла идти «о татаро-монгольском нашествии 1237–1238 г. на Северо-Восточную Русь, когда были взяты татарами, разорены и сожжены крупнейшие ее города: Рязань, Коломна, Москва, Суздаль, столица Северо-Восточной Руси – Владимир, Переяславль. На это же указывает и само заглавие «Слова». Представление о «погибели» Русской земли могло родиться только под свежим впечатлением именно этих грозных событий. К перечню И. П. Еремина необходимо добавить Киев, ибо только с падением исторической столицы Древней Руси могло возникнуть представление о погибели не какого-либо княжества, например Рязани, а всей «Рускыя земли». В Ипатьевской летописи (ее Галицко-Волынской части) содержится текст, имеющий отдельный заголовок – «Побоище Батыево» – и охватывающий события с 1237 по 1240 год. Текст этот вполне соответствует означенному кругу событий.

«Слово о погибели» завершается фрагментом: «А в ты дни болѣзнь крестияном *от великаго Ярослава и до Володимера, и до ныняшняго Ярослава*, и до брата его Юрья, князя володимерьскаго…». Фрагмент «Слова о погибели», выделенный курсивом, текстуально напоминает то место в «Слове о полку Игореве», которое можно считать окончанием вступления и началом собственно повести о событиях. «Почнемъ же, братие, повесть сию *отъ стараго Владимера до нынѣшняго Игоря*, иже истягну умь крѣпостию своею… наведе своя храбрыя плъкы на землю Половѣцькую за землю Руськую». «Побоище Батыево» начинается с эпического припоминания битвы с татарами на Калке, продолжается рассказом о разгроме Рязани, гибели рязанских и владимирских князей, захвате Коломны, осаде столицы северо-восточной Руси самим Батыем, насмешливо укоряющим владимирцев. В тексте присутствует высокодуховная речь епископа Митрофана, побуждающая владимирцев не бояться смерти от руки татарина, ибо такая смерть обеспечит им «вѣнца нетлѣньнаа от Христа Бога». Оборона небольшого города Козельска – один из самых впечатляющих в содержательном и художественном отношениях эпизодов «Побоища Батыева». Козельцы характеризуются как «крѣпкодушьные» люди, которые твердо решили «положить живот свой» за князя своего. Взяв город, Батый нещадно вырезал его жителей вплоть до детей «сосущих млеко». После Козельска Батый отвел войска в Половецкую землю и уже оттуда его отряды совершали нападения на Переяславль и Чернигов. В этом же, 1237 году, Меньгу-хан появился и у стен Киева, «удивися красотѣ его и величеству его», попробовал склонить киевлян к добровольной сдаче города, но киевляне «не послушаша его».

«Побоище Батыево», став частью Галицко-Волынской летописи, подверглось редактуре: это видно по материалам статьи 1238 года, рассказывающей о сравнительно мелких событиях во внутрикняжеских отношениях. Считаем материалы статьи 1238 г. вставкой в «Побоище Батыево», текст которого продолжается далее в статье 1240 г. (1239 г. – пустой). На вставочный характер статьи 1238 г. указывает и летописная ремарка, завершающая статью: «Мы же на преднее возвратимся». С 1240 г. центре внимания опять события общерусского масштаба, в изображении которых автор опирается на традиционную стилистику воинских повествований. Художественное звучание этого фрагмента набирает высоту, сопоставимую со «Словом о погибели»: «И не бѣ слышати от гласа скрипания тѣлегъ его, множества ревения вельблудь его, и рьжания от гласа стадъ конь его…».

По сравнению со «Словом о погибели» ситуация кардинально меняется: тогда «Всего еси *испольнена земля Руская*, о прававѣрьная вѣра хрестияньская!», теперь «…и бѣ *исполнена*

земля Руская ратных». Но именно таков, по общей мысли пишущих о «Слове о погибели», мог быть замысел произведения: былой красоте и величию Руси противопоставлялись нынешние «болезнь», разорение, «погибель». Лаконично, скупыми штрихами рисует автор осаду и падение Киева. Тактика штурмов у татар была отработана. Первой вступала в дело средневековая инженерная техника: пороки, разбивающие городские стены. Защитники выходили на уцелевшие остатки стен и вступали в бой, который изображается так: «ломъ копѣйный и щет скѣпание (щиты разлетались в щепки), стрѣлы омрачиша свѣтъ». Падение города передается сценой, возможно, имеющей символическое значение. Люди ищут спасения в церкви святой Богородицы, но людей было так много, что «от тягости повалишася с ними стѣны церковныя». Это и стало конечной точкой в захвате города татарами: «приятъ бысть град сице воими». Город пал с обрушением храма, построенного Владимиром Святославичем. На этом, на наш взгляд, завершалось «Побоище Батыево», ибо дальнейший текст, рисующий события в юго-западной Руси, опять утрачивает эпичность, блекнет стилистика, исчезает каноничность, этикетность изображения, в поле зрения автора все более мелкие события. В исследованиях отмечалось, что «Побоище Батыево» «нарушает жанровое единство «летописца» Даниила Галицкого» (А. А. Пауткин). Действительно, текст этот, за вычетом статьи 1238 г., оканчивающийся описанием падения Киева, обнаруживает черты единого связного повествования, не разбитого на годы. Материал статьи 1238 г., дата 1239 г. и описание событий на Юго-Западе Руси после падения Киева были вставлены на этапе превращения Галицкого «летописца» в погодную летопись.

Итак, «Побоище Батыево», в выделенных нами границах и снабженное отдельным заголовком, обладает такими особенностями, которые и в плане содержания, и в плане поэтики, что в данном случае едва ли не более важно, позволяют предположить в нем, если не часть «Слова о погибели Русской земли», то ее черновой набросок. Дополнительным аргументом является то обстоятельство, что в авторе «Слова о погибели» видят выходца из южной Руси, «Побоище Батыево», как и вся Галицко-Волынская летопись, также южнорусского происхождения.

С. М. Шамин (Москва)

БОРЬБА РУССКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ПРОТИВ РАСПРОСТРАНЕНИЯ В ЕВРОПЕЙСКИХ ПЕЧАТНЫХ ИЗДАНИЯХ НЕГАТИВНЫХ И ЛОЖНЫХ СВЕДЕНИЙ О МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)[1]

Негативная информация о Московском государстве начала массово распространяться в европейских печатных «летучих листках» еще во второй половине XVI столетия, во время Ливонской войны[2]. Однако в России откликов на эти публикации не зафиксировано. Самое раннее среди известных на настоящий момент упоминаний о Москве в русском переводе иностранного печатного издания относится к началу 1622 г. В одном из «печатных листов» говорилось о том, что по наущению шведов «московские» не заключили мира с Польшей[3].

Проблема противодействия распространению в европейских печатных изданиях негативных и ложных сведений о Московском государстве распадается на два вопроса. Первый — это инициирование публикаций позитивной информации о России, второй — попытки преследовать авторов негативных изданий и самих книг.

[1] Работа выполнена при поддержке РГНФ (грант 05-01-01164а).

[2] *Лобанов Н. А.* Образ России в германском обществе XVI–XVII веков // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). М., 2001. С. 142–146.

[3] Вести-Куранты. 1600–1639 гг. / Изд. подгот. Тарабасова Н. И., Демьянов В. Г., Сумкина А. И. Под ред. Коткова С. И. М., 1972. С. 70.

Впервые мысль о важности публикации в прессе позитивной информации о России была высказана русским автором в «Повести о кончине царя Михаила Федоровича» (1647 г.). Ее автор, отвечая на свой риторический вопрос, зачем надо было писать эту повесть, ссылается на то, что «в странах немецких пишут и печатают в книгах и на листах о военных действиях; почему же мы ленимся, боимся или срамимся писать и печатать о том, что случается в Русской земле не от человеческой храбрости или хитрости, но Божиего посещения»[4].

Высказанное в «Повести» пожелание «печатать о том, что случается в Русской земле», не имело практических последствий. Понимание того, что положительные публикации о России в иностранной прессе необходимо инициировать, пришло к русскому правительству в годы борьбы с Польшей за Украину (1654–1667). После разгрома и капитуляции армии В. Б. Шереметева под Чудновом в 1660 г. в Москве было составлено сочинение о военных действиях 1660-го года, «где выставлены были успехи Долгорукого и вначале Шереметева, коварство польских комиссаров, дливших время нарочно, чтоб дать своим собрать войско и дождаться татар; наконец, измена Хмельницкого и дурной поступок поляков с Шереметевым под Чудновом». Это известие отправили в Любек к Ягану фон Горну, регулярно выполнявшему различные поручения русского правительства, чтоб он напечатал его на немецком языке и разослал по окрестным государствам[5]. С начала 60-х г. XVII в. мы регулярно встречаем сведения о том, что русские дипломаты внимательно следили за публикациями о России в западной прессе. Повторялись и случаи специального «заказа» положительных статей о России с целью опровергнуть циркулирующую в европейской прессе негативную информацию. В 1687 г., после первого похода на Крым, русским правительством было инициировано издание хвалебного описания данного предприятия[6].

При публикации ложных и оскорбительных «извести» о России русские власти предпринимали попытки добиться наказания распространителей этих сообщений. Поскольку газеты издавались за рубежом, то оказать давление на издателей можно было только по дипломатическим каналам. Попавшие в европейскую прессу через Ригу ложные известия о конфликте между царем и патриархом Никоном, а также о восстании Степана Разина много лет были предметом споров между русскими и шведскими дипломатами[7].

Выше речь шла о борьбе русского правительства с распространением негативной информации о России в информационных изданиях (газетах, брошюрах и памфлетах). Книжные издания европейских авторов также были предметом внимания русского правительства. Попытавшись бороться с клеветой в информационных изданиях, московские власти быстро убедились в том, что не только наказать, но даже установить распространителя «клевет» очень сложно, поскольку газеты переписывали материалы друг у друга. С книгами дело обстояло иначе. «Виновных» легко было установить по выходным данным издания.

Впервые добиться наказания за оскорбительные выпады против России в книжных изданиях удалось в 1650 г., когда отправленные в Варшаву боярин Гаврила Пушкин, окольничий Степан Пушкин и дьяк Гаврила Леонтьев настояли на публичном сожжении на городской площади страниц из нескольких польских книг, задевавших престиж России. Подданным польского короля запрещалось хранить эти книги у себя дома[8].

---

[4] *Каган М. Д.* Повесть о кончине царя Михаила Федоровича // Словарь книжников и книжности Древней Руси. М., 1998. Вып. 3 (XVII). Ч. 3. С. 138–140.

[5] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. 6. Т. 11. М., 1991. С. 90.

[6] *Богданов А. П.* Внешняя политика России и европейская печать // Вопросы истории. 2003. № 4. С. 32–39; *Он же.* От летописания к исследованию. М., 1995. С. 394.

[7] *Бантыш-Каменский Н. Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800 год). Ч. 4. М., 1902. С. 190–191; Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т. III. М., 1962. С. 285, 286; *Форстен Г.* Сношения Швеции и России во второй половине XVII в. // ЖМНП. 1899. Июнь. С. 321.

[8] *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. 5. Т. 10. М., 1990. С. 536–542.

Таким образом, мы видим, что начиная с середины XVII в. русское правительство не только следило за европейскими изданиями, касающимися России, но и чутко реагировало на негативные публикации. Реакция московских властей могла быть самой разной — от издания позитивных «вестей» до преследования авторов «клеветнических» публикаций и самих изданий.

Л. И. Щеголева (Москва)

ПЕСНЬ ПЕСНЕЙ В ГИМНОГРАФИИ И РУССКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В данной работе одна строфа из пушкинского стихотворения «В крови горит огонь желанья», явившегося аллюзией на библейский текст Песни песней (Пп), рассмотрена сквозь призму литургических песнопений, имеющих в основе тот же библейский текст, из древнейшего русского гимнографического памятника — Путятиной минеи XI в. (ПМ) с привлечением параллелей из других древнерусских, церковнославянских и греческих текстов.

Тема связана с одной из актуальных проблем медиевистики — выявлением художественной роли Священного Писания в переводных и оригинальных памятниках нашей письменности. Наши размышления основываются на ряде статей М. Ф. Мурьянова, в которых автор отметил и проанализировал библейские аллюзии и коннотации этого шедевра пушкинской лирики[1]. Развивая выбранный исследователем метод, мы привлекли к анализу, кроме библейского, более широкий контекст — литургические песнопения восточнохристианской церкви, написанные на тот же сюжет, в их греческом и древнеславянском вариантах.

Переводные произведения, пронизанные библейскими текстами и аллюзиями на них, в значительной степени влияли на создателей оригинальных памятников, а далее — и на произведения русской классической литературы.

В проведенном исследовании показано, что стихотворение великого русского поэта и литургические песнопения (по ПМ) — два поэтических прочтения одного и того же библейского текста. Оба произведения используют очень близкую или одинаковую лексику.

Из набора ключевых понятий стихотворения, связанных с Песнью Песней, — огонь желанья, душа уязвлена, слаще мира и вина — здесь проиллюстрируем первые два.

Огонь желанья восходит к огню-любви ко Христу: Ѻ́гнїемь т-˝ любъі Х҃в•а распали слава́не ˝ ис пламене прѣложитис-˝ м҃ч҃не на хладъ Ѥладие ст•е. (ПМ 27 мая, л. 114 об.) — из канона 8-го гласа св. муч. Елладию. Наряду с огнем-любовью к Христу, в ПМ минее встретился один пример с «огнем греховным» — так названы страсти, терзающие человеческую душу и препятствующие ей устремиться к Богу (30 мая, л. 127 об.). Сочетание горит огонь — не плеоназм Пушкина, а метафора (о любовной страсти), восходящая к древнегреческой поэзии и имеющая многочисленные аналогии в христианской гимнографии (ПМ 2 мая, л. 6 об., 3 мая, л. 9 об., 11, 4 мая, л. 15, 27 мая, л. 114 об.).

Троп «душа, уязвленная любовью» из Пп широко использован в христианской традиции. Возникает цепочка, построенная на тонком балансировании между прямым и переносным значением слова «уязвить» (букв. «ранить»): Христос из любви к людям был прободен копьем на кресте — души мучеников были пронзены любовью ко Христу — вследствие чего понесли раны на своем теле, аналогичные стигматам Христа.

Становится очевидной вся глубина различий между произведением русской классической литературы и памятником церковной традиции. Гимнография, основанная на святоотеческих

[1] См.: *Мурьянов М. Ф.* Пушкин и Германия. М., 1999. С. 184—252, 259—273.

толкованиях, интерпретировала библейскую Песнь песней в духе христианской символики, придав ей возвышенный духовный характер. Пушкин, вернувшись к истокам, прочувствовал библейский текст в его первоначальном звучании, лишив его христианских коннотаций и всего того подтекста, который выявляется на примере песнопений ПМ.

Аллюзии на Песнь Песней в ПМ позволяют сделать вывод, что хотя эта библейская книга за богослужением не читалась, тем не менее она звучала в церкви — в виде цитат, аллюзий и отсылок к ее содержанию и лексике. Более того, в гимнографии христианское богословие, строго представленное в святоотеческих толкованиях, не теряя своей догматической чистоты, приобретает поэтическое звучание.

Естественно считать, что содержание Песни Песней было знакомо Пушкину не только непосредственно из церковнославянской Библии, но и опосредованно — в виде цитат и аллюзий, звучащих в церкви во время православного богослужения. Этим можно объяснить разительные лексические совпадения пушкинского шедевра с иными по духу, но не менее гениальными образцами средневековой литургической поэзии.

М. К. Юрасов (Москва)

ЗАПАДНЫЕ ПРЕДЕЛЫ ВОСТОЧНОГО СЛАВЯНСТВА В IX–X в.

Уже Д. Зубрицкий заявил в начале XIX в. о том, что в эпоху складывания Древнерусского государства восточные славяне заметно продвинулись к западу от Перемышля. Еще дальше проводил западную границу Древней Руси А. И. Добрянский, опираясь на известия источников X–XVIII в. Он впервые в отечественной историографии использовал данные польского официального документа Dagome iudex (между 990 и 992 г.), где Краков назван пограничным с Русью городом. Выводы А. И. Добрянского были признаны Н. П. Барсовым, С. М. Середониным и другими российскими специалистами по исторической географии Киевской Руси, работавшими в дореволюционную эпоху.

В середине XX в. М. Н. Тихомиров и А. Н. Насонов, подвергнув тщательному анализу все дошедшие до нас летописные упоминания о Руси, сформулировали концепцию о Русской земле в «узком» и «широком» смысле, заявив о том, что исконная территория Руси простиралась не далее верховьев р. Гориной. Некоторые из историков последующего времени дополнили концепцию М. Н. Тихомирова и А. Н. Насонова утверждениями о том, что на землях за пределами древнейшей территории Руси не было русского населения, а белые хорваты не являются восточными славянами.

Между тем Dagome iudex – не единственный источник X в., позволяющий сделать вывод о распространении восточного славянства не только до окрестностей Кракова, но и на земли по Верхней Тисе. В свое время В. И. Ламанский обратил внимание на информацию Энея Сильвия Пикколомини, назвавшего народ Russani среди подданных князя Великой Моравии Святоплука I (870–894). По мнению В. И. Ламанского, Пикколомини почерпнул это свидетельство из не дошедшего до нас раннего источника.

Проживание русского населения по другую сторону Карпат подтверждается рядом косвенных свидетельств о существовании на Верхней Тисе одного из очагов раннеславянской христианизации, возникших здесь, скорее всего, в результате миссионерской деятельности св. Мефодия или его учеников. Современные чешские, словацкие и русинские историки, а также А. Г. Кузьмин и О. М. Рапов считают подтверждением тому отмечаемую в чешской хронике Далимила (XIV в.)

и анонимной польской хронике XV в. традицию признания исключительной роли «русинов» в приобщении западных славян к Христовой вере.

Возможно, это же косвенно подтверждает приведенный Козьмой Пражским текст буллы папы Иоанна XIII (967 г.) в связи с учреждением пражского епископства при церкви св. Вита и монастыря бенедиктинок при церкви св. Георгия, хотя существуют сомнения историков по поводу подлинности этого документа. Содержащееся в тексте буллы категорическое запрещение папой использования русского языка в богослужении в новых церковных учреждениях, по мнению Б. Я. Рамма, свидетельствует в пользу широкого распространения христианства на Руси за 20 лет до официального крещения страны.

Однако эта точка зрения представляется слабо аргументированной, поскольку Киев и Прагу разделяют не только расстояние в тысячу км, но и Карпатские горы. Непосредственную опасность для чешских неофитов латинского обряда скорее всего представляли не малочисленные киевские христиане того времени, а предки современных русинов, проживавшие в непосредственной близости от владений чешских князей.